

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

9
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: lurganov@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала. Представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала. Осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: Iurganov@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor-in-chief*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

A.L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

CONTENTS

<i>Introduction. The lifeworld and the modus operandi of everyday life</i> (<i>Andrei L. Yurganov</i>)	10
<i>Svetlana A. Borisova</i> The notions about the Fear of God in the “Tale of Bygone Years” and the “Instruction” of Vladimir Monomakh	15
<i>Kiril S. Khudin</i> The plague epidemic in Moscow and the Aptekarskii Prikaz (Apothecary Chancery) (September – December 1654)	27
<i>Igor’ V. Kurukin</i> “The generously giving mother” – the Imperial court of the 18 th century as a distributor of graces and material assistance	38
<i>Mikhail P. Odesskiy</i> Between the “Slavic idea” and the Moscow picture of the world: the case of Juraj Križanić	50
<i>Andrei L. Yurganov</i> The campaign to “cleanse” the party and state apparatus in the satirical magazine “Crocodile” (1929–1930)	62
<i>Aleksandr B. Astashov</i> The peasant-youth world at the time of the “Great break”	100
<i>Konstantin V. Krasnoslobodtsev</i> “I dream of being with my colleagues in the Soviet Union”: the problem of repatriation among émigré artists in France (1920s–1930s)	120
<i>Pavel E. Spivakovskii</i> Ego worlds and explosion: “A Story about the most important thing” by Yevgeny Zamyatin	132
<i>Phillip G. Taratorkin</i> “History of the Peoples of the USSR” by Yu.V. Gauthier at MGIAI (1936/1937 academic year)	139
<i>Dmitriy I. Antonov</i> Soviet icons as a research project	155

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Жизненный мир и модусы повседневности</i> <i>(Андрей Л. Юрганов)</i>	10
<i>Светлана А. Борисова</i> Представления о страхе Божьем в «Повести временных лет» и «Поучении» Владимира Мономаха	15
<i>Кирилл С. Худин</i> Эпидемия чумы в Москве и Аптекарский приказ (сентябрь–декабрь 1654 г.)	27
<i>Игорь В. Курукин</i> «Щедроподательная мать»: императорский двор XVIII в. как распределитель милостей и материальной помощи	38
<i>Михаил П. Одесский</i> Между «славянской идеей» и московской картиной мира: случай Юрия Крижанича	50
<i>Андрей Л. Юрганов</i> Кампания по «чистке» партии и госаппарата в сатирическом журнале «Крокодил» (1929–1930 гг.)	62
<i>Александр Б. Асташов</i> Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома»	100
<i>Константин В. Краснослободцев</i> «Мечтаю слиться с кадрами работников Союза по моей специальности»: проблема репатриации в среде художников-эмигрантов во Франции (1920–1930-е гг.)	120
<i>Павел Е. Стиваковский</i> Эго-миры и взрыв: «Рассказ о самом главном» Евгения Замятина	132
<i>Филипп Г. Тараторкин</i> «История народов СССР» Ю.В. Готье в МГИАИ (1936/1937 учебный год)	139
<i>Дмитрий И. Антонов</i> Советские иконы как исследовательский проект	155

Введение

Жизненный мир и модусы повседневности

При всей очевидности понятий «жизненный мир» и «повседневность» совсем неочевидны исследовательские стратегии в изучении их предметных областей. Начну с того, что проблему «жизненного мира» исследовал Э. Гуссерль в начале прошлого века. Он пришел к выводу, который может обескуражить любого неискушенного человека, – *жизненный мир нам непосредственно не дан*, но мы в нем находимся. Как такое возможно? Иносказательно это можно представить так: на родном языке мы говорим, но язык целиком нам не дан. Какова природа той предметной области, которая лишь *опосредованно* дает возможность увидеть *жизненный мир*? Это природа интерпретации, в которой всегда можно найти то, что непосредственно связывает *естественную установку сознания* (set) с актуальностями, привычками, традицией того, что условно именуется «повседневностью». Будучи существами, производящими интерпретации, люди создают свой – как говорил Мераб Мамардашвили – не природный, а искусственный мир, в котором может пребывать только человек: животные не имеют подобного механизма, дающего право не только думать, но и на свой лад проектировать жизнь – *создавать* *жизненный мир*.

Тут и возникает вопрос: если исследователь изучает исторические тексты, то что он изучает? «Прошлое» или интерпретационные модели, которые в той или иной степени выражают актуальности *жизненного мира*? Понятие «прошлое» – размытое, но и «жизненный мир» – не одномерная модель, растянутая во времени и пространстве. В классической работе Ф. Анкерсмита «Возвышенный исторический опыт» речь идет о том, что историк не должен приносить в картину прошлого ничего постороннего, произвольного, вымышленного. Историю следует постигать со всей ее чуждостью, инаковостью. Но как «воскресить» ее? Анкерсмит предлагал путь психологического вживания в историческую эпоху – интуиция исследователя рождает импульс, который ведет не к бесконтрольному разгулу воображения, а к своеобразному соитию с эпохой. Интенция беспредпосылочности в построении Анкерсмита – это важный этап развития гуманитарной науки, но странным образом эта беспредпосылочность совмещается с непроясненным смыслом опыта вжива-

ния в историческую эпоху. Анкерсмит не видит проблемы в разных *модусах* повседневности – исследователя и исторической эпохи.

Эту ситуацию имеет смысл обдумать. Следует обратить внимание на то, что жизненный мир всегда представлен в *осмысленной* повседневности, которую можно изучать через конвенциональные модели (т. е. типичные объяснения). Осмысленная повседневность – это сложный конгломерат, в схематическом виде соединяющий *обиходное* (термин А.М. Панченко) и *событийное*. Нет никакого одного – однородного – механического – жизненного мира, но нет и повседневности, которая *сама по себе* повседневность – безотносительная. Когда мы говорим о повседневности в истории, то редко думаем о том, насколько сложным является это понятие, насколько оно неуловимо в своих границах, а порой даже опасно уводит исследователя в придуманную или воображаемую сферу.

Вот почему мне кажется допустимым вводить такой термин, как «модус повседневности», применительно к жизненному миру. Модусы – это направления, по которым раскрываются лишь те или иные аспекты осмысленной повседневности. Отсюда возникает вопрос: является ли эта выявленная исследователем «повседневность» выражением той «повседневности», о которой мы думаем, что она «такая была», не приписываем ли мы ей дополнительные коннотации или наоборот – не ограничиваем ли ее возможную природную амбивалентность?

Материал для раздумий содержится в настоящем выпуске Вестника РГГУ. Обратимся к первой статье этого номера. С.А. Борисова, изучая представления о страхе Божьем в «Повести временных лет» и в «Поучении» Владимира Мономаха, реконструирует конвенциональную модель книжного восприятия страха, убедительно показывает, что его восприятие «страха Божьего» не было цитатничеством. Повседневность «псалтырного узуса» – вещь привычная для средневековья. Казалось бы, вот такой была «повседневность» русского князя, мыслителя и воина, в его привычном быте. «Богобоязненность являлась результатом осознанного выбора и основой жизни благочестивого христианина», – отмечает С.А. Борисова. С этим трудно спорить. Но как быть, если в самом тексте «Поучения» Владимира Мономаха можно обнаружить и то, что никак не вписывается в эту книжную модель богобоязненного князя? Какова природа этой девиации?.. Жизненное противоречие? Несоознанное допущение? Или в тексте «Поучения» могут непротиворечиво сосуществовать амбивалентные модусы повседневности, указывая на непостижимую природу той повседневности, которая в наиболее полном виде, как и жизненный мир, нам не дана?

Владимир Мономах включает в сферу своей богобоязненности заповедь «не убий» как главную. То, что он настоящий воин и ему приходилось воевать и убивать в честном бою – явление допустимое с точки зрения церкви: храбрый воин – порождение духовной возвышенности. А поскольку у Бога нет мертвых, то здесь и не может быть никакого противоречия образу богобоязненного князя. Но вот Мономах как бы между прочим рассказывает, что он приказал убить плененных врагов – степняков. Тут уже не найти храбрость, тут – только убийство. Он не стал ничего объяснять: то ли не видя противоречия, то ли не считая, что надо пояснять – все и так знают, почему подобного рода убийство не убийство, а что-то вполне допустимое. Убитые – не христиане, конечно. Однако заповедь «не убий» не предполагает профессиональную предрасположенность нравственного выбора. Убить пленных людей, безоружных, разве это не позор? Едва ли здесь возможна непротиворечивая картина жизни. Но почему непротиворечивость мотивов есть обязательное условие повседневности? Точно также можно утверждать, что в повседневности, которая нам в полном виде не дана, могут сосуществовать даже явления амбивалентные, а не только противоречивые. Значит, в повседневности богобоязненного князя, которую внимательно раскрывает С.А. Борисова, присутствует именно модус, а не сама повседневность.

Для исследователя существенно думать не только о результатах проведенной работы, но и о перспективах. Осмысление понятия «модус повседневности», как мне кажется, *провоцирует* думать о путях реконструкции картины жизни людей таким образом, чтобы мысленно не отвергать явления и противоречивые, и даже амбивалентные, поскольку логика в *отдельно изучаемом модусе* повседневности не обязана полностью покрывать собой и другие компоненты ежедневной жизни.

Модус повседневности в статьях К.С. Худина и И.В. Курукина – описание процесса жизнедеятельности учреждений, которые концентрируют в себе наиболее существенные потребности человека. Аптекарский приказ – это процесс лечения в кризисной ситуации, когда в Москве буйствовала чума. В деятельности одного лишь приказа раскрывается медицинская система России середины XVII в. Исследователь показывает также взаимосвязь медицины и русской армии, нуждавшейся в постоянной заботе врачей. К.С. Худин отмечает странную (для нас) логику в поведении медицинской службы – это, собственно, и становится предметом исследования:

Если мы обратимся к документам Аптекарского приказа – центрального государственного учреждения, ведавшего медициной в России, начиная с конца XVI в. – за период с июня 1654 г. по февраль 1655 г. – мы также не обнаружим никаких упоминаний о противоэпидемических мерах в столице: о выявлении и лечении больных, или об их изолировании от здоровых.

История Аптекарского приказа в *экстремальной ситуации* раскрывает то, что было вполне обиходным, привычным.

Неожиданный ракурс статьи Курукина – в раскрытии непривычной функции императорского двора XVIII в., который был не только распределителем милостей, но и своеобразным центром материальной помощи. Казалось бы, ну что тут необычного? Однако в этой незаметной для внешних наблюдателей деятельности царского двора выражалась озабоченность высшей власти при удержании лояльности придворной элиты в условиях, когда после смерти Петра Великого в повседневную жизнь дворянства вошло ожидание нового дворцового переворота.

Рождение событийного – естественный процесс в обиходной жизни, как и обратное движение, когда событийное превращается со временем в обиходное: эта дорога двусторонняя, живая, продуктивная, поскольку в повседневности всегда имеется не только «ядро» как устойчивое отношение к чему-либо, но и периферия как подвижная, зыбкая среда, порождающая новые смыслы. В работах филологов М.П. Одесского и П.Е. Спиваковского рассматривается реальность повседневности через интеллектуальную деятельность двух выдающихся деятелей в истории России – Юрия Крижанича и Евгения Замятина. Событийное никогда не возникает из материальных форм жизни, материальной повседневности, – событийное рождается всегда в *новых* границах мыслимого. И как бы ни были подчас удивительны рассуждения деятелей культуры с точки зрения общепринятого в том или ином контексте, нет ничего невозможного в том, что интеллектуальные провокации необходимы *самой* повседневности как модусы, дающие жизненную силу в поддержании гармонии.

Статьи историков А.Л. Юрганова, А.Б. Асташова, Ф.Г. Тараторкина – о модусах идеологической повседневности, в которой существовали по-разному устроенные миры тех, кто производил идеологические сценарии, и тех кто их воспринимал. Сталинизм нельзя изучать по распоряжениям и решениям властей – сталинизм существует только как *взаимодействие* власти и пропаганды, власти и науки: оно и создает повседневность советских людей, в которой ключевую роль играет суггестия.

Могла быть и «точечная» суггестия, направленная не на широкие массы советских людей, а на отдельные социальные группы – в том числе и на пребывающих за границей интеллигентов-эмигрантов, желавших вернуться на Родину. О таких людях, художниках по профессии, речь идет в статье К.В. Краснослободцева.

Весьма перспективно изучение взаимодействия разновременных модусов повседневности, которая выглядит непривычной демонстрацией привычного. Экспедиции Д.И. Антонова, о которых он пишет в статье, открывают целый мир «советской иконы». Это в самом деле интригует как область, в которой противоположные знаки могут естественно совмещаться:

В ход шла материя от пионерских галстуков и свадебных платьев, советские газеты, фольга от чайных пачек, оттиски на которой делали патронами и т. п. В результате возникали сложные бриколажи, в основе которых зачастую были иконки и материалы XIX – начала XX в., а сверху – напластование разнородных материалов советской эпохи. В статье идет речь о специфике этого явления, о вводимом авторами проекта термине «советская икона», а также о перспективах развития проекта в ближайшие годы.

Собранные в этом выпуске Вестника РГГУ статьи историков, филологов, культурологов не только расширяют наше знание об эмпирическом материале исследований, но и дают возможность качественно продвинуться в понимании перспектив развития гуманитарных наук.

Андрей Л. Юрганов

Представления о страхе Божьем
в «Повести временных лет»
и «Поучении» Владимира Мономаха

Светлана А. Борисова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sa-borisowa@yandex.ru*

Аннотация. Категория богобоязненности, несмотря на кажущуюся неизменность, имеет историческое измерение. В статье рассматриваются смысловое наполнение понятия «страх Божий» и связанные с ним представления, сохранившиеся в «Повести временных лет» и «Поучении» Владимира Мономаха. Автор статьи анализирует все сообщения, содержащие упоминания о богобоязненности в выбранных источниках, обращая особое внимание на контекст употребления выражения «страх Божий». В результате исследования было установлено, что в основном для сообщений о страхе Божьем летописец использует цитаты, прежде всего из источников сакрального характера. С их помощью книжник выражает свои представления о богобоязненности. Анализ источников показывает, что страх Божий скорее следует считать не эмоцией, а продолжительным состоянием или чувством, которое положительно влияло на весь образ жизни человека. Богобоязненность являлась результатом осознанного выбора и основой жизни благочестивого христианина. Кроме того, страх Божий сближался с состояниями трепета и радости, возникающими во время службы Господу. Особенно важной для летописца была связь страха Божьего и понятия мудрости, источником которой и считалась богобоязненность. Страх Божий представлялся основой познания, которое воспринималось как процесс постижения Бога.

Ключевые слова: страх Божий, представления о страхе, «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха, древнерусская книжность

Для цитирования: Борисова С.А. Представления о страхе Божьем в «Повести временных лет» и «Поучении» Владимира Мономаха // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 15–26. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-15-26

The notions about the Fear of God in the “Tale of Bygone Years” and the “Instruction” of Vladimir Monomakh

Svetlana A. Borisova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sa-borisova@yandex.ru*

The category of the Fear of God has changed over time despite its apparent immutability. The article discusses the semantics of the concept of the Fear of God and the notions associated with it, based on the “Tale of Bygone Years” and Vladimir Monomakh’s “Instruction”. The author of the article analyzes all mentions of “the Fear of God” in the selected sources, paying special attention to the context of the expression. The research has shown that, to describe the Fear of God, the chronicler mainly uses quotations, especially from sacred texts. With their help, the chronicler conveys his ideas about the studied category. The analysis of the sources reveals that the Fear of God should not be considered as an emotion, but as a long-term state or feeling that positively influenced the person’s way of life. The Fear of God was the result of a conscious choice and the basis for the life of a pious Christian. In addition, the Fear of God was close to the states of awe and joy that emerge during worship. Particularly important for the chronicler was the connection between the Fear of God and the concept of wisdom, which was believed to spring from the former. The Fear of God was the basis of knowledge perceived as a process of understanding God.

Keywords: Fear of God, notions about fear, the Tale of Bygone Years, Vladimir Monomakh’s Instruction, Old Russian book culture

For citation: Borisova, S.A. (2022), “The notions about the Fear of God in the ‘Tale of Bygone Years’ and the ‘Instruction’ of Vladimir Monomakh”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 15–26, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-15-26

Страх Божий – одна из основных христианских добродетелей, чрезвычайно важная и для человека древней Руси. Несмотря на кажущуюся смысловую стабильность, эта категория изменяется с течением времени. Так, европейские средневековые представления о страхе Божьем отличались от того, что мы подразумеваем под богобоязненностью в данный момент [Воскобойников 2014, с. 213]. Как понимал страх Божий древнерусский человек? Что он вкладывал в это понятие? Какими его аспектами руководствовался?

Исследователи уже задавались этими вопросами¹. Ю.В. Пустовойт определяет страх Божий как «благоговейный трепет перед величием Бога, основанный на вере в истину Его бытия» [Пустовойт 2017]. Истоки такого восприятия исследовательница видит в патристике. Л.П. Найденова подчеркивает сложность в трактовке понятия «страх Божий» на Руси XVI в. и предлагает следующее определение: «это выражение эквивалентно “истинной вере”» и «это широко распространенная формула, обозначающая неординарность и сакральность происходящего» [Найденова 2013, с. 43] (см. также [Найденова 2014]). Древнерусские представления о страхе Божьем нуждаются в дальнейшем исследовании для уточнения смысловых оттенков этого понятия и его более объемной характеристики. В связи с чем особенно актуально подробное изучение восприятия и толкования богобоязненности в рамках отдельно взятых древнерусских памятников.

Основным источником по истории домонгольской Руси является «Повесть временных лет» (ПВЛ), поэтому анализ сохранившихся в ней представлений становится особенно важным. В данной статье мы рассмотрим все упоминания страха Божьего в ПВЛ. Также мы будем учитывать данные «Поучения» Владимира Мономаха, которое входит в Лаврентьевский список ПВЛ.

Сначала рассмотрим упоминания о страхе Божьем, встречающиеся в составе цитат из источников, на которые опирался летописец. Впервые о богобоязненности говорится в статье 955 г., в рассказе о том, как Ольга «оучашеть (...) крѣтитиса»² Святослава. В этом сообщении летописец рассуждает об отношении язычников к христианству. Упоминание страха Божьего находится в конце рассматриваемого эпизода и характеризует тех, кто не следует христианской вере: «възненавидѣша бо прмдрсть . а страха Гсна не изволиша . ни хотяху моихъ внимати свѣтъ . подражаху же мои вбличенья»³ (здесь и далее курсив мой. – С. Б.). Эти слова являются цитатой из

¹Исследователи касаются понятия богобоязненности и в контексте более широких вопросов, рассматривают влияние страха Божьего на разные сферы жизни общества – например, на поведение человека [Адрианова-Перетц 1974], на отношение к власти и социальной иерархии [Антонов 2009; Антонов 2019], на внутренний мир женщины [Пушкарева 1997].

²Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Стб. 63.

³Там же.

первой главы книги Притчей Соломоновых⁴. Таким образом, страх Божий здесь связывается с понятием премудрости, сквозной темой анализируемого отрывка. Язычники, не боящиеся Господа, в представлении летописца лишены разума: «не смыслиша бо ни разумѣша во тѣмъ ходящии»⁵, «дѣлатели нечѣстивыхъ далече ѿ разума»⁶.

Это же сочетание темы премудрости, разума и страха Божьего прослеживается в последующих сюжетах. Оно содержится в пространных рассуждениях летописца о пользе «учения книжного», которое дает человеку мудрость. В рассказе о просветительской деятельности Ярослава Владимировича летописец цитирует фрагменты из восьмой главы книги Притчей:

мдрѣть бо велика естъ . такоже и Симонъ хвала е гл҃це . азъ прмдрѣть
вселихъ . свѣтъ [и] разумъ и мысль . азъ призвахъ страхъ Г҃снь мои свѣти .
моа мдрѣть . мое оутверженье . моа крѣпость . мною цѣрве црѣствують . а
силнии пишють правду . мною вельможа величаются . и мч҃гли держать
землю . азъ любашаа ма люблю . ищющи мене вбрацють [благодать]⁷.

В сообщении о распространении грамотности при Владимире Святославиче понятие мудрости не упоминается, но сам рассказ связан с данной темой, поскольку повествует об «учении книжном»:

тѣмже дольжни есмы работати Г҃сви . радующеса ѿему . реч бо Двѣдъ
работайте Г҃сви съ страхомъ . и радуйтеся ѿему с трепетомъ⁸.

Это точно переданная цитата из Псалтири⁹. В еще одном рассказе, рассуждая о добродетельной жене, летописец связывает

⁴Притч. 1:29: «възненавидѣша бо прмдрость . и страха Г҃на, не изволиша . Не хотаху бо внимати моихъ совѣтъ» (Острожская Библия. Острог, 1581. Л. 29об.).

⁵Лаврентьевская летопись... Стб. 63 (Пс. 81:5).

⁶Там же. Цитата из Радзивиловского и Московско-Академического списков (Притч. 13:20).

⁷Там же. Стб. 152. Ср.: «Азъ прмдрость вселихъ совѣ и разумъ и смыслъ, азъ призвахъ . Страхъ Г҃нь ненавидитъ неправды, досажденїа же и гордыню и пути лукавыхъ, възненавидѣхъ же азъ пути развращенныа злыхъ . Мои есѣ совѣтъ и оутверженїе, моа мудрость моа же и крѣпость» (Притч. 8:12–13, 14–17; Острожская Библия. Л. 32). Как видно, летописец приводит данную цитату не полностью.

⁸Лаврентьевская летопись... Стб. 120.

⁹Пс. 2:11: «Работайте Г҃ви съ страхомъ, и радуйтеся ему съ трепетомъ» (Острожская Библия. Л. 1).

ее разумность со страхом Божиим: «жена бо разумлива блгсвна есть. боазнь Гсню¹⁰ бо всю да похвалить»¹¹. Источник цитаты – вновь книга Притчей¹².

Если обратиться к началу книги Притчей, из которой летописец позаимствовал три из четырех указанных нами цитат, становится ясно: страх Божий играет ключевую роль в обретении премудрости:

начало прм^рости страхъ Гнь . разумъ же, блг^гвъ вс^мъ творящи^м ю .
Блгов^ріе же въ Б^а, и начала чувствіа . прм^рость же и наказаніе, нечестивіи оуничижають¹³.

При этом понятие мудрости или премудрости, важное для христианского учения, значительно отличается от ее современного восприятия. В книге Притчей Премудрость персонифицирована и предстает в виде женщины. В книге Иова она находится вместе с Богом при сотворении мира. В Новом Завете премудрость воплощает в себе Христос. Мудрость – это высшая ценность для человека, что выражается ее сравнением с богатствами: «луче бо ту куповати, нежели злата и сребра сокровища»¹⁴. Мудрость является неотъемлемой частью повседневной жизни человека: «...в Книге Екклесиаста мудрость и ее награда принадлежат миру, где едят, пьют, работают, вступают в брак, управляют, валят лес, сажают растения и занимаются бизнесом. Книга Притчей охватывает еще больше сфер жизни, от земледелия и управления домом до профессиональной деятельности, финансов, секса и зубной боли»¹⁵.

¹⁰ Слово сочетание «боазнь Господня» встречается в ПВЛ единственный раз. Во всех остальных случаях для обозначения богобоязненности используется лексема «страх». Интересно, что в Лаврентьевском списке слово «Господень» в приведенном отрывке не содержится, словно «боазнь» сама по себе подразумевает страх Божий. Вряд ли летописец случайно упустил упоминание о Боге. Другое объяснение может заключаться в том, что книжник считал страх женщины (в том числе перед мужем) в целом нормативным и добродетельным качеством и потому не написал исходное уточнение. Такое представление вполне в духе средневековых текстов о покорности добродетельных женщин и строптивости злых жен.

¹¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 81.

¹² Притч. 31:30: «Жена бо разумна блажена есть, боазнь же Гнїю сїа да хвалить» (Острожская Библия. Л. 41).

¹³ Там же. Л. 29об. (Притч. 1:7).

¹⁴ Там же. Л. 30 (Притч. 3:14).

¹⁵ Словарь библейских образов / Под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 639.

В древней Руси, согласно исследованию Т.И. Вендиной, мудростью именовалась как рассудительность, так и знание, наука, учение [Вендина 2002, с. 233]. При этом знания были «атрибутом Бога» [Вендина 2002, с. 233], а истинная вера, «вера премудрости», заключалась в богопознании [Вендина 2002, с. 232]. По словам Е.В. Дзюбы, в древней Руси

...сам процесс познания трактуется не столько как интеллектуальная процедура получения нового знания, как это представляется современному человеку, сколько как постижение Бога, постижение миропорядка, устроенного Богом [Дзюба 2010, с. 180].

В представлении древнерусского человека «только постигающий Бога считается умным»¹⁶ [Дзюба 2010, с. 179].

Таким образом, связь страха Божьего с мудростью была особенно важна для летописца. Иными словами, богобоязненность способствовала интеллектуальной деятельности того времени. Это пересечение разума и чувства может показаться необычным для современного человека, в представлении которого рациональное и эмоциональное зачастую противопоставлены. Однако наблюдения за древнерусскими лексемами показывают:

...для средневекового человека такого разделения не существует. Часто лексемы ум, разум, дух, душа, сердце... употребляются в роли синонимов, что говорит об отсутствии в сознании средневекового человека четких границ между интеллектуальной, этической и эмоциональной сферами [Дзюба 2010, с. 178].

Выделив основополагающую идею летописных представлений о страхе Божьем, уточним другие аспекты понимания богобоязненности в ПВЛ. Для этого вновь обратимся к указанным выше эпизодам, но сосредоточимся на других текстовых деталях. Во

¹⁶ Соответственно, язычники для летописца становились безумцами. Это противопоставление безумия и мудрости также неоднократно встречается в Книге Притчей и Книге Екклесиаста. Безумцы обречены на гибель (Притч. 5:23, 9:18, 14:12, 16:25), а мудрость способствует преуспеванию и благоденствию (Притч. 2:11, 3:2, 3:10; Еккл. 7:12, 10:10). Интересно также, что невежество делает человека трусливым: «страшива и некрѣпка дѣша бывають невѣжствомъ, а не кѣствомъ» – говорится в «Пчеле» (Древняя русская Пчела по пергаменному списку / труд В. Семенова // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893. Т. 54. № 4. С. 42).

фрагменте «възненавидѣша бо прмдрсть . а страха Гсна не изволиша» страх Божий сочетается с глаголом *изволити*. Он означает «захотеть, пожелать, предпочесть, выбрать, избрать»¹⁷. Следовательно, можно заключить, что страх Господень – это результат осознанного выбора (поскольку богобоязненность избирают или предпочитают). Значит, страх Божий не является эмоцией в полном смысле этого слова, потому что он не возникает в ответ на какую-либо ситуацию¹⁸.

Но все-таки мы можем считать богобоязненность чувством, поскольку в цитате из Псалтири «реч бо Двѣ работайте Гсви съ страхом . и радуетеса ему с трепетом» страх Божий оказывается близок радости, смешанной с трепетом. Эти переживания, как указывает летописец, возникают во время служения Господу: в данном случае глагол *работати* означает «служить, исполнять чью-либо волю; поклоняться, чтить, воздавать культовые почести»¹⁹.

Страх Божий занимает существенное место в «Поучении» Владимира Мономаха. Почти в самом начале «Поучения» читается: «первое Ба дѣла . и дѣла своѣа . страх имѣите Бий в срѣдци своѣмь»²⁰. После того, как князь дает множество советов потомкам, он заключает: «Се же вы конец всему страхъ Бжии имѣите . выше всего»²¹. Две эти фразы в тексте «Поучения» разделены рассказом о встрече Владимира с послами братьев, гаданиями на Псалтири и последующими цитатами из нее, выписками из других источников. Однако, согласно реконструкции А.А. Гип-

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 127–128.

¹⁸ «...эмоция возникает как отклик на конкретный ментальный образ, будь то символ, понятие или мысль...» [Изард 2007, с. 28].

¹⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 21. С. 106. В ПВЛ также рассказывается о подобном страхе ангелов перед Богом: «Бѣсть на нбси сѣда на прѣстлѣ . славим ѿ англь иже *предстоать* ему со страхом не могуще на нь зрѣти» (Лаврентьевская летопись... Стб. 177). Одно из значений глагола *предстоати*, помимо очевидного «стоять рядом или перед кем-либо», – «служить, прислуживать» [Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18. С. 213]. Подобное описание служения ангелов Богу («предстоать ему со страхом») довольно часто встречается и в других источниках. Вот как, например, об этом сказано в Толковой Палее: «ѡгожъ горѣ страхом трепещють англь» (Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1 / труд учеников Н.С. Тихонравова. М.: Тип. и словолитня О. Гербска, 1892. С. 47).

²⁰ Лаврентьевская летопись... Стб. 241.

²¹ Там же. Стб. 246.

пиуса, рассматриваемые предложения изначально были связаны друг с другом. Как считает ученый, они открывали и замыкали фрагмент «Поучения», который исследователь условно называет «княжеским зеркалом». Оно было посвящено правилам поведения добродетельного князя [Гиппиус 2003, с. 79]. Таким образом, упоминания страха Божьего могут составлять единое композиционное целое в «Поучении»: богобоязненность – это основа праведной жизни, начало и конец всем добродетелям. Также праведному князю полагается подавать милостыню, не совершать убийств, не клясться именем Бога, почитать священнослужителей и старших, любить жену, быть усердным на войне и в управлении своим домом и т. д.²²

Источником для сообщений о страхе Божьем, по мнению А.А. Гиппиуса, мог послужить Изборник 1076 г.:

Поучение	Изборник 1076 г.
первое Ба дѣла . и дѣла своѣа . <i>страхъ имѣте Бѣи в срѣци св оемъ</i> . и млстнѣ творѣ не wskуднѣ . то бо ѣсть начатокъ всакому добру ²³	<i>страхъ Бжѣи имѣти въ срѣдѣци въиноу и памѣть акы тоу соушта Ба съ тобою</i> ²⁴
Се же вы <i>конецъ всему страхъ Бжѣи имѣте</i> . выше всего ²⁵	<i>Конецъ же всѣмъ прѣжереченымъ възлюбѣши Га отъ всеа дѣла и страхъ его да пребѣ(в)ае[тъ] въ срѣци твоѣмъ</i> ²⁶

Согласно «Поучению» и его возможному источнику, страх Божий локализуется в сердце. В «Изборнике» первое из рассмотренных сообщений о богобоязненности имеет важное продолжение: «страхомъ же ѣго акы оуздоу обрѣти оумъ свои»²⁷.

Теперь перейдем к упоминаниям о страхе Божьем, которые являются частью оригинального текста ПВЛ. Они немногочисленны. Первое такое сообщение встречается в характеристике княжения Владимира Святославича после принятия им христианства: «бѣ бо Володимерь любѣ дружину . и с ними думаѣа w строи земленѣ . и w

²² Лаврентьевская летопись... Стб. 245–246.

²³ Там же. Стб. 241.

²⁴ Изборник 1076 года / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. 1. С. 215.

²⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 246.

²⁶ Изборник 1076 года. С. 276–277.

²⁷ Там же. С. 216.

ратехъ и [о] оуоставѣ земленѣмъ . и бѣ жива съ князи вколними миромъ (...) живаше же Володимеръ в *страсть Бжби*²⁸. Соответственно, жить «в страхе Божьем» для князя означает любить свою дружину и советоваться с ней, жить мирно с соседями. Сюда же можно отнести милосердие Владимира (его первоначальный отказ казнить разбойников). Таким образом, в анализируемом отрывке выражение «жить в страхе Божьем» обозначает 'вести благочестивый образ жизни'.

Богобоязненность может выражаться не только с помощью выражения «страх Божий», но и глаголом *оустрашитиса*. В «Речи Философа», в описании пути Христа, говорится: «волею бо родисъ . волею взалка . волею вжада . волею трудисъ . *волею оустрашиисъ* . волею оумре . истиною а не мечтаньемъ»²⁹. Глагол *оустрашитиса* здесь, вероятно, можно трактовать как «благоговеть» (ср.: «блажен иже оустрашается всего за говѣнье», Пандекты Антиоха) или «почитать» (ср.: «ни храмовъ устрашающеса Божихъ», Псковская I летопись)³⁰. В таком же значении этот глагол встречается в «Поучении» Владимира Мономаха: «и азъ видѣхъ смѣренье сна своего сжалихси . и ба *устрашихса*»³¹.

Обобщим наши наблюдения. В большей степени летописец сообщает о страхе Божьем в ПВЛ с помощью цитат, преимущественно из сакральных текстов. Схожая тенденция прослеживается и в «Поучении». Составители ПВЛ, актуализируя важные для них идеи из авторитетных текстов, создали особый летописный образ богобоязненности³². Страх Божий в ПВЛ неразрывно связан с понятием мудрости, процессом познания, тождественным постижению Господа. Богобоязненность – это не обозначение эмоции, а скорее продолжительное состояние или чувство, которое положительно влияет на весь образ жизни человека. Она является результатом осознанного выбора и основой жизни христианина. Собственно, «жить в страхе Божьем» и означает 'вести благочестивый образ жизни'. Кроме того, страх Божий – близкое трепету и радости переживание, возникающее во время службы Господу.

²⁸ Лаврентьевская летопись... Стб. 126.

²⁹ Там же. Стб. 113.

³⁰ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1912. Стб. 1285.

³¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 252.

³² В других древнерусских источниках страх Божий может пониматься иначе. Например, см. в «Толковой Палее»: [Борисова 2020].

Литература

- Адрианова-Перетц 1974 – *Адрианова-Перетц В.П.* К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1974. Т. 28. С. 3–29.
- Антонов 2009 – *Антонов Д.И.* Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 427 с.
- Антонов 2019 – *Антонов Д.И.* Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 312 с.
- Борисова 2020 – *Борисова С.А.* Концепт страха в Толковой Палее // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 5. С. 96–111.
- Вендина 2002 – *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 334 с.
- Воскобойников 2014 – *Воскобойников О.С.* Тысячелетнее царство (300–1300): Очерк христианской культуры Запада. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 562 с.
- Гиппиус 2003 – *Гиппиус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. 2003. Т. 2. № 6. С. 60–99.
- Дзюба 2010 – *Дзюба Е.В.* Особенности содержания концепта «ум» в языке Древней Руси // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 175–187.
- Изард 2007 – *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 464 с.
- Найденова 2013 – *Найденова Л.П.* Понимание «страха Божьего» в русском средневековье // Русский исторический сборник / Ин-т рус. истории; Под. ред. В.В. Грицкова. М.: Кимерийский центр, 2013. Вып. 5. С. 40–48.
- Найденова 2014 – *Найденова Л.П.* Любовь и страх: о характере русской средневековой религиозности // Sub specie historiae culturalis: Сб. памяти А.Л. Ястребицкой / Отв. ред. С.И. Лучицкая. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 274–288.
- Пустовойт 2017 – *Пустовойт Ю.В.* От страха Божия до боязни: семантический диапазон «страха» в памятниках древнерусской письменности // Культурологический журнал. 2017. № 3 (29) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-straha-bozhiya-do-boyazni-semanticheskij-diapazon-straha-v-pamyatnikah-drevnerusskoj-pismennosti> (дата обращения 14 июля 2022).
- Пушкарева 1997 – *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.

References

- Adrianova-Peretts, V.P. (1974), "On the question of the reading of Old Russian writer", *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 28, Nauka, Leningrad, Russia, pp. 3–29.
- Antonov, D.I. (2009), *Smuta v kul'ture srednevekovoi Rusi: evolyutsiya drevnerusskikh mifologem v knizhnosti nachala XVII veka* [The Time of Troubles in the culture of medieval Rus'. The evolution of Old Russian mythologemes in the book culture of the early 17th century], RGGU, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. (2019), *Tsari i samozvantsy: bor'ba idei v Rossii Smutnogo vremeni* [Tsars and impostors. Struggle of ideas in Russia in the Time of Troubles], RGGU, Moscow, Russia.
- Borisova, S.A. (2020), "The concept of Fear in Tolkovaya Paleya" (The Explanatory Palea) // *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 96–111.
- Dzyuba, E.V. (2010), "The features of the content of the concept 'mind' in the language of Ancient Russia", *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, no. 3 (79), pp. 175–187.
- Gippius, A.A. (2003), "Works of Vladimir Monomakh. An essay on textological reconstruction. I" // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, vol. 2, no. 6, pp. 60–99.
- Izard, K.Eh. (2007), *Psikhologiya ehmtsii* [The psychology of emotions], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Naidenova, L.P. (2013), "Understanding the 'fear of God' in the Russian Middle Ages", Gritskova, V.V. (ed.), *Russkii istoricheskii sbornik* [Russian historical collection], no. 5, Kimeriiskii tsentr, Moscow, Russia, pp. 40–48.
- Naidenova, L.P. (2014), "Love and fear. On the character of Russian Medieval religiosity", in Luchitskaya, S.I. (ed.), *Sub specie historiae sulturalis: Sbornik pamyati A.L. Yastrebitskoi* [Sub specie historiae sulturalis. Collection dedicated to the memory of A.L. Yastrebitskaya], IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 274–288.
- Pustovoit, Yu.V. (2017), "From the Fear of God to anxiety. The semantic range of 'fear' in the monuments of Old Russian literature", *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 3 (29), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-straha-bozhiya-do-boyazni-semanticheskiiy-diapazon-straha-v-pamyatnikah-drevnerusskoy-pismennosti> (Accessed 14 July 2022).
- Pushkareva, N.L. (1997), *Chastnaya zhizn' russkoi zhenschiny: nevesta, zheni, lyubovnitsa (X – nachalo XIX)* [Private life of a Russian woman. Bride, wife, mistress (10th – early 19th century)], Ladomir, Moscow, Russia.
- Vendina, T.I. (2002), *Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavianskogo yazyka* [Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language], Indrik, Moscow, Russia.
- Voskoboynikov, O.S. (2014), *Tysyacheletnee tsarstvo (300–1300): ocherk khristianskoi kul'tury Zapada* [The Millennial kingdom (300–1300). Essay on the Christian culture of the West], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана А. Борисова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sa-borisowa@yandex.ru

Information about the author

Svetlana A. Borisova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sa-borisowa@yandex.ru

УДК 351.77 (09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-27-37

Эпидемия чумы в Москве и Аптекарский приказ (сентябрь–декабрь 1654 г.)

Кирилл С. Худин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
khudin1988@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена эпидемии чумы в Москве в 1654 г. и реакции на нее Аптекарского приказа – государственного учреждения, отвечавшего за медицинскую сферу в России XVII в. Как показывает историко-лингвистический анализ документов этого ведомства, оно практически не вмешивалось в ситуацию в столице и занималось только снабжением лекарствами и врачами действующей армии, которая в этот момент воевала в Европе. Первые меры по выявлению и лечению больных стали производиться им лишь три года спустя, в 1657 г.

Ключевые слова: историко-лингвистика, социальная история медицины, Аптекарский приказ, Средневековье и раннее Новое время, XVII век, Россия

Для цитирования: Худин К.С. Эпидемия чумы в Москве и Аптекарский приказ (сентябрь–декабрь 1654 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 27–37. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-27-37

The plague epidemic in Moscow and the Aptekarskii Prikaz (Apothecary Chancery) (September–December 1654)

Kirill S. Khudin

*Russian State University for the Humanities,
Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia,
khudin1988@yandex.ru*

Abstract. The article deals with to the epidemic of plague in Moscow in 1654 and the reaction to it of the Aptekarsky Prikaz (Apothecary Chancery), a Russian state institution in the 17th century, which was responsible for the medical sphere. The source analysis of the documents of this department shows

© Худин К.С., 2022

that it practically did not interfere with the situation in the capital and was engaged only in supplying medicaments and doctors to the army which was at that moment at war in Europe. It did not begin to make the first efforts to identify and treat the sick until three years later, in 1657.

Keywords: source study, social history of Medicine, Aptekarskii Prikaz (Apothecary Chancery), Middle Ages and early Modern time, Seventeenth century, Russia

For citation: Khudin, C.S. (2022) “The plague epidemic in Moscow and the Aptekarskii Prikaz (Apothecary Chancery) (September–December 1654)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 27–37, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-27-37

Периоды социальных катаклизмов всегда вызывали как обденный интерес, так и привлекали внимание ученых. При изучении подобных периодов исследователи в первую очередь рассматривают те радикальные изменения, которые их сопровождают. Яркие детали более всего бросаются в глаза и закрепляются как в историографии, так и в общественном сознании.

Однако за коренным сломом зачастую теряется из виду неразрывная преемственность, поскольку исторический процесс обладает определенной непрерывностью, на которую некоторые исследователи, тем не менее, обращают свое внимание (см. напр., [Кошелева, Наседкин 2013]). Кроме того, даже в ситуациях смены социальных устоев повседневная жизнь не угасает, а практики продолжают воспроизводиться. Применительно к воспроизводству бюрократических практик Д.В. Лисейцев наглядно показал, насколько бесперебойно продолжал функционировать аппарат приказной системы в период Смутного времени [Лисейцев 2009].

Период эпидемий также можно отнести к социальным катаклизмам поскольку, несмотря на свое естественное, биологическое происхождение, эпидемия в обществе затрагивает – разрушает, деформирует, конструирует – именно социальные связи. Тем не менее, несмотря на довольно обширную историографию, исследователи зачастую обращают свое внимание лишь на яркие детали, так красочно зафиксированные современниками событий. Например, А.Г. Брикнер приводит многочисленные яркие свидетельства: донесения князя Михаила Пронского из чумной Москвы в сентябре 1654 г., скончавшегося через несколько дней после своего послания к царю:

...церкви соборные и прихожские мало не все стоят без пения... православные христиане помирают без отцов духовных и погребают без священников¹.

Или же письма патриарха Никона, в котором тот описывает февральскую Москву, в которую он въехал, когда эпидемия в столице уже стихла:

Непрестанно смотря плакал, плакал пустоты московския ... дороги покрыты снеги и никем суть и следими, разве от пес².

Хронологические рамки нашего исследования обусловлены в первую очередь хронологией эпидемии в столице. Начавшись еще летом 1654 г., «после Симеонова дни [1 сентября – К. Х.] моровое поветрие умножилось день ото дня»³ и достигло пика, который держался несколько месяцев. 10 октября «моровое поветрие милостию Божию начало тишеть», а во второй половине декабря эпидемия сошла на нет. 6 декабря в Москву прибыл дьяк Новой Четверти Кузьма Мошнин [Приказы 2015, с. 72], а к 17 декабря составил «роспись» живым и умершим – почти в четверти всех дворов: боярских, окольных, думных дворян и дьяков – люди вымерли практически без остатка⁴.

Важно, однако, понять не только то, о чем нам «сообщают» источники, но и то, о чем они «молчат». Вспоминается эпизод из рассказа Артура Конан-Дойла «Внезапное исчезновение “Сильвер-Блэза”»:

- Нет ли еще чего-нибудь, на что Вы желали бы обратить мое внимание?
- На странное поведение собаки ночью.
- Она ничего не делала.
- Вот это-то и странно, – заявил Шерлок Холмс.

Исследователи неоднократно обращали внимание на действия властей в ситуации эпидемии в столице, но оценивали их по-разному. Н.Ф. Высоцкий считал их «энергическими [так в тексте. – К. Х.] и,

¹Цит. по: *Брикнер А.Г.* Чума в Москве в 1654 г. // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 16. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. С. 5.

²Цит. по: Там же. С. 12.

³*Высоцкий Н.Ф.* Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1879. С. 5.

⁴Там же. С. 8.

в большинстве случаев, вполне целесообразными»⁵. А.Г. Брикнер же считал, что

...московское правительство, занятое упорною борьбою с Польшею и малороссийским вопросом, не обращало достаточного внимания на ужасные страдания народа, бывшего в то время беззащитною жертвою морового поветрия⁶.

Е. Звягинцев добавлял к этому, что

...каких-либо городских учреждений, занимавшихся нуждами собственно московского населения, в то время не существовало. Поэтому отъезд царской семьи, патриарха и других представителей власти означал полную дезорганизацию [Звягинцев 1937, с. 53].

Если мы обратимся к документам Аптекарского приказа – центрального государственного учреждения, ведавшего медициной в России начиная с конца XVI в. [Худин 2021] – за период с июня 1654 г. по февраль 1655 г. – мы также не обнаружим никаких упоминаний о противоэпидемических мерах в столице: о выявлении и лечении больных или об их изолировании от здоровых. На первый взгляд, это можно было бы объяснить с сохранностью источников. Действительно, документов указанного учреждения за июнь–август 1654 г. не сохранилось (или пока не обнаружено)⁷, но за исследуемые четыре месяца (с сентября по декабрь 1654 г.) сохранилось 32 дела: причем за сентябрь – самый катастрофический для столицы месяц – более трети от указанного количества⁸. Сохранность документов Аптекарского приказа действительно неравномерная: для сравнения, за аналогичные четыре месяца (с сентября по декабрь 1655 г.) сохранилось десять дел, что в три раза меньше⁹, а за предшествующие чуме пять лет (1649–1653 гг.) суммарно дошло лишь девять¹⁰. В этот период документы активно уничтожались и с них делались копии:

⁵ *Высоцкий Н.Ф.* Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655. С. 20.

⁶ *Брикнер А.Г.* Указ. соч. С. 5.

⁷ Что объяснимо, поскольку эти три месяца относятся к столбцу за предшествующий – 7162 г. – дел за этот год не сохранилось.

⁸ Сентябрь – 12 дел, октябрь – 3, ноябрь – 9, декабрь – 8. См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 143 (Аптекарский приказ). Оп. 2. Д. 105–139.

⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 148а, 148б, 149–153, 154а, 154б; НИИ СПбИИ. Колл. 249. Д. 40.

¹⁰ Там же. Д. 100, 101а, 101б, 102а, 102б, 102 в, 103, 103а; Там же. Оп. 3. Д. 3.

...и про всякие вести и про моровое поветрее велети их за заставую роспрашивати через огонь. И велеть роспросные их речи за заставую переписывать на новую бумагу, через же огонь, и те их роспросные речи велети жечь, а на новой бумаге роспросные речи велети присыпати к себе в Киев. И те роспросные речи в Киеве велети переписывати на новую ж бумагу¹¹.

Однако даже несмотря на кризисную ситуацию с эпидемией, а также факты уничтожения документов из зараженных районов¹², мы можем утверждать, что сохранность источников за исследуемый период не ниже, а даже выше относительно периодов нормализации.

Нельзя сказать, что Аптекарский приказ никогда не проводил мер по осмотру и изолированию больных, однако все они стали применяться спустя несколько лет после вспышки 1654 г. Можно говорить о существовании двух видов барьеров на пути инфекционных заболеваний, которые применялись в этот период.

1. Изолирование пациента. Эта мера становилась особенно важной, когда пациент входил в ближний круг приближенных царской семьи.

2. Изолирование врачей и иных лиц, участвовавших в осмотре подозрительного пациента. Врачи Аптекарского приказа могли контактировать также и с царской семьей, потому нельзя было допустить этого контакта.

Лишь через год после эпидемии в Москве – с декабря 1655 г. – в источниках начинают появляться сведения о выявлении больных и их изолировании. Были наказаны окольные Иван и Матвей Милославские из-за того, что их мать утаивала на своем дворе людей, у которых была «болезнь с язвами». За такой проступок полагалась смертная казнь, однако окольным она была заменена потерей социального статуса¹³. В августе 1656 г. были досмотрены на предмет болезней «стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, дворяне и дети боярские», а подьячим всех приказов было указано

...под жестоким наказаньем, у кого из них во дворах ныне, или впредь кто заболит какую болезнью, и про тех бы больных тотчас извещали боярину князю Григорью Семеновичу Куракину с товарищи¹⁴.

¹¹ Цит. по: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. Т. 3: 1651–1654 годы: М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 530.

¹² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 129, 135. В этих случаях до нас дошли списки документов или списки списков, но слово в слово.

¹³ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 14.

¹⁴ Там же.

Последний был оставлен для управления Москвой в отсутствие царя, и, как видно из этих свидетельств – Аптекарский приказ снова не принимал никакого участия в освидетельствовании больных или в их лечении.

В документах Аптекарского приказа такие сведения появляются не раньше декабря 1657 г., т. е. спустя три года после окончания эпидемии чумы в Москве. Это опять же нельзя объяснить лишь плохой сохранностью источников – за указанный период в три года до нас дошло 132 дела¹⁵.

24 декабря 1657 г. доктор Андрей Матвеев осматривал пациента «на загородном дворе боярина Бориса Ивановича Морозова человека ево больного у Акинфейки Мижуева» и обнаружил у него болезнь, именуемую «золотуха или арзиколаас сшкорбустиком»¹⁶. Пациентов с кожными заболеваниями или другими подозрительными симптомами досматривали особо пристально, подозревая у них заразную болезнь. Еще один пример противоэпидемических мер иллюстрирует ситуация вокруг смерти женщины на дворе Благовещенского протопопа Михаила. Беременная скончалась в ночь с 1 на 2 января 1658 г., и уже 2 января был произведен осмотр. Расследовал это дело дьяк Герасим Дохтуров, а непосредственный осмотр производили доктор Лев Личифинус, лекарь Осип Боржо и подьячий Стрелецкого приказа Тимофей Антипин. Со 2 по 16 января все они вместе с протопопом были изолированы: «протопоп Михайло послан в свой дом, а дьяку Гарасиму Дохторову и дохтуру Льву и лекарю Осипу и подьячему Тимофею Антипину велено быть на своих дворах и до государева указу съезжать им со своих дворов никуда не велено»¹⁷. Карантин продолжался две недели, хотя уже 6 и 7 января доктора Андрей Энгельгарт и Артман Граман подтвердили, что смерть этой женщины никак не связана с эпидемией: «а моровых болезни от тово не бывает». Это оказалось то же заболевание, которое выявил доктор Андрей Матвеев 24 декабря 1657 г.

И в дальнейшем люди с подозрительными симптомами подвергались тщательному осмотру. Приведем лишь один пример. Так, в 1677 г. врачами Аптекарского приказа были осмотрены певчие дьяки Федор Андреев Новгородцев и Григорий Степанов. Целью этого было установить, «какие у них болезни, и от болезни они

¹⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 140–291; Там же. Оп. 3. Д. 5–7; Там же. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 1. Ч. 34. Д. 51870, 51871; НИА СПбИИ. Колл. 249. Д. 21–40; Там же. Колл. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Карт. 57. Д. 1–2.

¹⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 292.

¹⁷ Там же. Д. 300.

оздоровели-ль и можно-ль им в Верх [т. е. в царские покои. – К. Х.] ходить». У одного из певчих дяков был найден лишай на лице – судя по всему, это и послужило поводом к подозрениям. Однако доктор счел это безопасным, так как

...те де лишья бывают у многих людей, и ныне де им [певчим дякам. – К. Х.] в Верх [т. е. к царю. – К. Х.] ходить можно¹⁸.

Стоит также отметить, что меры лечения больных во время эпидемии чумы 1654 г., по всей видимости, существовали. В более поздних источниках сохранились ретроспективные сведения о частной практике врачей, не состоявших на тот момент на службе в Аптекарском приказе. Так, пленный доктор Александр (Лев) Личифинус, попавший затем на русскую службу, сообщал в январе 1656 г. на допросе, что «лечил он всякие болезни и от морового поветрия и порчи»¹⁹. «Польский город Чортков», где он попал в плен, был взят русскими войсками только в 1655 г.²⁰, а следовательно, Личифинус не мог быть в Москве осенью 1654 г., а лечил «от морового поветрия» в польских землях.

Чему же в таком случае посвящены те 33 дела, вышедшие из канцелярии Аптекарского приказа в сентябре–декабре 1654 г.? По содержанию их можно разделить на следующие группы (некоторые из источников попадают сразу в несколько групп):

- снабжение армии лекарствами и логистика по их доставке (20 дел)²¹;
- снабжение армии полковыми лекарями и аптекарями (11 дел)²²;
- выдача жалования полковым врачам и толмачам (пять дел)²³;
- списки раненых (одно дело)²⁴;
- покупка за меха кости единорога при посредничестве доктора Иогана Белау (одно дело)²⁵.

Нетрудно заметить, что почти все они так или иначе посвящены снабжению армии лекарствами и врачами, а также выплате им жа-

¹⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1189.

¹⁹ Там же. Д. 158.

²⁰ *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М.: Молодая Гвардия, 2007. С. 13.

²¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 105, 106, 108, 113, 115, 116, 120, 121(?), 122, 124, 125, 129, 130, 131, 135, 136, 137.

²² Там же. Д. 107, 109, 110, 112, 114, 117, 118, 119, 121(?), 126(?), 137.

²³ Там же. Д. 123, 127, 128, 132, 133.

²⁴ Там же. Д. 111.

²⁵ Там же. Д. 134.

лования. «Моровое поветрие» упоминается в них лишь фоном, чаще всего – в связи с трудностями по доставке лекарств при необходимости объезжать зараженные районы. Напомним, что А.Г. Брикнер уже указывал на это (см. выше), не работая с документами Аптекарского приказа²⁶. При более детальном рассмотрении выясняется, что даже в случае, когда в полки просят прислать лекарей, то они всегда везут с собой лекарства. Часто их также сопровождает аптекарь – человек, который в Аптекарском приказе не занимался непосредственным лечением пациентов и назначением им лечения (как доктор), а именно изготавливал лекарственные препараты. Из документов НИА СПбИИ РАН известно, что в 1654/55 г. в действующей армии – в ставке государя и в разных полках – находились один доктор (видимо, Артман Граман), один аптекарь (видимо, Крестьян Эглер), четыре «немецких» лекаря, шесть «могилевских» и «шиловских» лекарей, два цирюльника, четыре толмача и 28 учеников лекарского дела²⁷ (подробнее об этой коллекции см.: [Худин 2015]).

Источниковедческий анализ показывает, что до нас дошло: 16 царских указных грамот, восемь отписок (т. е. ровно в два раза меньше), три росписи лекарств, три исходящих памяти, три челобитных, одна сказка (так ее называет сам автор²⁸) и один поименный список раненых.

Если обратить внимание на географию создания документов, то оказывается, что перед нами в основном грамоты, отправленные из царского стана: сначала под Смоленском, а затем, после его взятия русской армией – из-под Вязьмы. Они отправлялись воеводам в Витебск, Могилев, Москву, Муром, Полоцк, Ржеву Володимерову, Смоленск и Юрьев Ливонский. В стан к царю шли отписки из Архангельска, Могилева, Полоцка, Пскова и Ржевы Володимеровой. Активнее всего была переписка со Ржевой Володимеровой: три из 16 грамот и три из восьми отписок относятся к этому городу, а также Полоцком, куда было отправлено также три грамоты. На втором месте по числу посланных грамот Могилев, Москва и Юрьев-Ливонский – по две в каждый и населенных пунктов.

Из 32 документов лишь 5²⁹ адресованы в Москву, причем лишь в двух случаях, когда речь идет о царских грамотах, мы можем

²⁶ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 5.

²⁷ НИА СПбИИ. Колл. 249. Д. 20.

²⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 129. По содержанию ее, скорее, можно считать челобитной, а по формуляру она соответствует памяти.

²⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 106, 123, 127, 131, 133. Три из них – это памяти в Иноземский приказ и в приказ Денежного сбора. На данном этапе мы не можем быть уверены, что они в этот момент находились в Москве.

утверждать об этом уверенно. Первый касается самого разгара эпидемии в столице. Несмотря на бедственное положение в столице в сентябре, о чем воевода М.П. Пронский сообщал царю еще в начале месяца (эту цитату мы приводили в начале статьи), в царской грамоте от 15 сентября из-под Смоленска указывалось:

...которые аптекарские лекарственные запасы по росписи дохтура Артмана Грамана изготовлены, и те аптекарские запасы велено держать в Аптекарском приказе до нашего указа.

Теперь же надлежало выдать приготовленные лекарства «для лечьбы наших ратных людей», а которые еще не изготовлены, повелеть аптекарию, оставшемуся в Москве, их сделать³⁰. Эту грамоту воевода так и не прочел – 11 сентября он был уже мертв³¹.

Второй случай относится к окончанию эпидемии – декабрю 1654 г. «Ведомо нам учинилось, – пишет царь из своего стана под Вязьмой, – что на Москве у Аптекарской полаты двери и окна заделаны, и ныне указали есмя у тое Аптекарской полаты двери очистить и тое аптекарскую полату топить через день, чтоб в нынешнюю зимнюю пору нашей аптекарской казне никакия поруху не учинилось». Очевидно, что на время бушевавшей эпидемии здание Аптекарского приказа, где хранились медикаменты, было просто законсервировано, а большинство врачебного персонала находилось в действующей армии и с царем.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к следующим выводам.

До нас не дошли или до сих пор не обнаружены источники, свидетельствующие о противоэпидемических мерах в столице в период с сентября по декабрь 1654 г., когда чума особо свирепствовала. Однако сохранность источников позволяет утверждать, что такие меры просто-напросто не предпринимались. Врачи в это время умели оказывать медицинскую помощь при «моровом поветрии», но такие случаи известны нам лишь в польских городах. В Москве освидетельствование больных, у которых подозревают эпидемические заболевания, фиксируется источниками не ранее декабря 1657 г.

В число ключевых вопросов, которыми был занят в это время Аптекарский приказ, – медицинское учреждение в России Средневековья и раннего Нового времени – это снабжение армии медикаментами и их доставка в расположение полков, а также отправка на фронт лекарей и аптекарей, которые чаще всего сопровождали груз с лекарствами.

³⁰ Там же. Д. 106. Л. 1.

³¹ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 10.

Литература

- Звягинцев 1937 – *Звягинцев Е.* Чума в Москве в XVII и XVIII вв. // Исторический журнал. 1937. № 2. С. 52–59 [Электронный ресурс]. URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1192035923&archive=1450387290&start_from=&ucat= (дата обращения 14 августа 2022).
- Кошелева, Наседкин 2013 – *Кошелева О.Е., Наседкин Е.Н.* Феномен реформ XVII столетия в России и их интерпретация в XVIII в. // Феномен реформ на западе и востоке Европе в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сб. ст. / Под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. С. 179–191.
- Лисейцев 2009 – *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.: Ин-т ист. РАН, 2009. 788 с.
- Приказы 2015 – Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник / Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2015. 301 с.
- Худин 2015 – *Худин К.С.* Документы Аптекарского приказа в собрании Архива Санкт-Петербургского института истории (СПБИИ) РАН (1654–1655 гг.): По материалам «Коллекции московских актов» (к. 249) и «Коллекции Н.П. Лихачева» (к. 238) // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 9 (152). С. 90–96.
- Худин 2021 – *Худин К.С.* Аптекарский приказ до пожара 1626 г.: Реконструкция деятельности по источникам различного происхождения // Окно в Европу: Сб. ст. памяти доктора исторических наук Татьяны Александровны Лаптевой (1955–2018). М.: Древлехранилище, 2021. С. 399–426.

References

- Khudin, K.S. (2015), "Documents of the Aptekarskii Prikaz in the Archive of the St. Petersburg Institute of History (1654–1655). On the materials of the Collection of Moscow Acts (c. 249) and the Collection of N.P. Likhachev (c. 238)", *RSUH/RGGU Bulletin. "History, Philology, Culturology, Oriental Studies" Series*, no. 9, pp. 90–96.
- Khudin, K.S. (2021), "The Aptekarsky Prikaz (Aptekarsky Prikaz) before the 1626 fire: reconstruction of activities according to sources of different origin", *Okno v Evropu: sb. st. pamyati doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Aleksandrovny Laptevoi (1955–2018)* [Window to Europe. A collection of articles in memory of Tatiana Alexandrovna Lapteva (1955–2018)], Dr. of Sci. (History), Drevlekhranilishche, Moscow, Russia, pp. 399–426.
- Kosheleva, O.E. and Nasedkin, E.N. (2013) "Phenomenon of reforms of the 17th century in Russia and their interpretation in the 18th century", Krom, M.M. and Pimenova, L.A. (eds.) *Fenomen reform na zapade i vostoке Evropy v nachale Novogo*

- vremeni (16–18 vv.): sbornik statei* [The phenomenon of reforms in Western and Eastern Europe at the beginning of the New Age (16–18th centuries). A collection of articles], European University Press in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, pp. 179–191.
- Liseitsev, D.V. (2009), *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epochu Smuty* [The Prikaznaya system of the Moscow state in the era of the Troubles], Institut istorii RAN, Moscow, Russia.
- Liseitsev, D.V., Rogozhin, N.M. and Eskin, Yu.M. (eds.) (2015), *Prikazy Moskovskogo gosudarstva 16–17 vv.: slovar'-spravochnik* [Prikazes of the Moscow State in 16–17 centuries: dictionary], Tsentr gumanit. initsiativ, Moscow, Russia.
- Zvyagintsev, E. (1937), “Plague in Moscow in the 17th and 18th centuries”, *Istoricheskii zhurnal* [Historical Journal], no. 2, pp. 52–59, available at: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1192035923&archive=1450387290&start_from=&ucat=& (Accessed 14 August 2022).

Информация об авторе

Кирилл С. Худин, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; khudin1988@yandex.ru

Information about the author

Kirill S. Khudin, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninsky Avenue, Moscow, Russia, 119334; khudin1988@yandex.ru

УДК 94(47):36

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-38-49

«Щедроподательная мать»:
императорский двор XVIII в. как распределитель
милостей и материальной помощи

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurukin@mail.ru*

Аннотация. В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть вопрос об одной из характерных функций императорского двора в XVIII в. – систематической раздаче при Екатерине II денег, льгот и подарков. Документы царского Кабинета свидетельствуют об увеличивавшейся массе различного рода выдач и подарков придворным, военным и гражданским служащим, а также более широкому кругу просителей. Такая практика служила важным элементом социальной политики; она должна была обеспечить лояльность элиты и повысить престиж монарха среди военных и чиновничества.

Ключевые слова: Екатерина II, императорский двор, «комнатная сумма», «пенсион», денежные раздачи

Для цитирования: Курукин И.В. «Щедроподательная мать»: императорский двор XVIII в. как распределитель милостей и материальной помощи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 38–49. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-38-49

“The generously giving mother” –
the Imperial court of the 18th century
as a distributor of favors and material assistance

Igor' Kurukin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kurukin@mail.ru*

Abstract. The report is an attempt to consider the question of one of the characteristic functions of the Imperial court in the 18th century – the systematic distribution of money, benefits and gifts under Catherine II. The documents of the Imperial Cabinet testify to the increasing mass of various kinds of

© Курукин И.В., 2022

g giveaways and gifts to courtiers, military and civil servants and a wider circle of petitioners. Such a practice served as an important element of social policy; it was supposed to ensure the loyalty of the elite and increase the prestige of the monarch among the military and bureaucracy.

Keywords: Catherine II, Imperial court, “room sum”, “pension”, money distribution

For citation: Kurukin, I.V. (2022), “ ‘The generously giving mother’ – the Imperial court of the 18th century as a distributor of favors and material assistance”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 38–49, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-38-49

Уже в конце царствования Петра I статус великой державы требовал соответствующего оформления, призванного подчеркивать богатство и могущество российских государей. Согласно «Реестру придворным и дворцовым служителям» от 31 января 1725 г., двор (с конюхами и чинами ведомства дворцовой канцелярии) насчитывал почти 700 «служителей»¹. В 1727 г. на его содержание тратилось почти 200 тыс. руб.²

В 1730-е гг. оформилась структура двора и функции его подразделений. К середине века штат двора составлял 1015 человек, а при Екатерине II включал три тысячи «служителей». Одновременно повышался престиж дворцовой службы. При Анне Иоанновне высшие чины двора из IV класса Табели о рангах перешли во II, а камергеры и камер-юнкеры, ранее соответствовавшие полковникам и капитанам, были повышены до генерал-майоров и полковников; при Елизавете камер-юнкеры были приравнены к бригадирам. Соответственно росли расходы. С 1733 г. на содержание двора отпускалось 260 тыс. руб. в год и еще 100 тыс. на конюшню. При Екатерине II затраты на двор достигли 3 млн 600 тыс. руб. [Агеева 2008, с. 172–173].

Одновременно шло формирование особого органа – Кабинета, который в петровское и послепетровское время был и личной канцелярией монарха (посредством которой тот сносился с другими ведомствами и решал любые вопросы, которые считал нужным рассмотреть лично), и структурой, ведавшей обслуживанием императорской фамилии и ее повседневным обиходом.

На эти цели шел «соляной доход», который в конце 1750-х гг. достигал почти двух млн руб., но затем неуклонно снижался по

¹РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 74. Л. 471–486 об.

²Там же. Ф. 16. Оп. 1. № 22. Л. 49, 49 об., 85.

причине роста себестоимости добычи и перевозки соли и обесценивания ассигнаций. Поэтому с 1782 г. «соляной миллион» стал переводиться в Кабинет из Государственного казначейства. Другим источником личных средств государя было золото и серебро с Кольвано-Воскресенских заводов на Алтае и Нерчинских рудников, которое затем переканчивалось в монету. В 1794 г. к ежегодным суммам, получаемым от казначейств, были добавлены еще 1 млн 200 тыс. руб. (по 100 тыс. в месяц) казенных денег.

Помимо того, императорскую «комнатную сумму» пополняли 150 тыс. руб. из таможенных сборов (с 1758 г.), остаточные деньги других ведомств, вычеты у чиновников за отпуска, личное жалование императриц как полковников всех гвардейских полков, доходы с бывших «собственных вотчин» Екатерины II (существовали до 1765 г.), «мягкая рухлядь» (сибирский пушной ясак) и доходы по некоторым другим, более мелким статьям, в том числе выплаты по долгам, выданным отдельным лицам. По исследовательским оценкам, доход Кабинета к 1801 г. составил почти 5,5 млн руб., даже с учетом инфляции увеличившись за полвека в четыре с лишним раза [Кричевцев 2007, с. 118–121].

Также росли и расходы. По принятому в кабинетской документации порядку при Екатерине II они делились на постоянные («окладные», или «непременные»), «временные» и «неточно положенные» расходы, «пенсии» и «жалование». Принцип распределения по данным разделам не всегда понятен, поскольку в разделе «непременная выдачи» указаны, например, расходы на содержание придворных служителей и курьеров, тогда как иные подобные выплаты присутствуют в разделе «жалование». Выдачи на обучение ряда лиц упоминаются и в разделе «временной расход», и в рубрике «пенсии» [Кричевцев 2007, с. 137].

В данном случае нас интересуют выплаты и расходы на подарки частным лицам. Рост таких расходов был вызван не только увеличением числа дворцов и «служителей». В «эпоху дворцовых переворотов» двор и стал своего рода «распределителем» пожалований «деревень» (или возвращения прежде конфискованных имений), персональных «пенсион», разного рода подарков, оплаты расходов избранных особ и нерегулярных денежных выплат из личных средств государей («комнатной суммы») порой совершенно незаметным и далеким от двора лицам.

Екатерина I за короткое царствование охотно повышала в чинах, но деревни жаловала скупо: только А.Д. Меншиков получил поистине царский подарок – город Батурино с 1302 дворами и еще 2705 дворов в окрестных селах. Большинство денежных подарков составляло 100–300 руб.; порой императрица лично подносила

вельможам по чарке водки, оделяла их присланными ей из Астрахани арбузами³, а однажды распорядилась приодеть сибирского губернатора князя М.В. Долгорукова: по ее заказу для князя сшили «платье суконное с позументом» за «135 рублёв 5 алтын с денгою».

Анна Иоанновна уже целенаправленно направляла из «комнатной суммы» поток денежных выдач. Большая и лучшая часть выпадала на долю находящихся в милости должностных лиц: братьев Р.Г., К.Г. и Ф.К. Лёвенвольде, Б.Х. Миниха, А.И. Остермана, А.М. Черкасского, С.А. Салтыкова⁴. Обычными были пожалования придворным, фрейлинам на приданое или офицерам гвардии. Решения о размере, условиях выдачи (просто так или в долг) принимались индивидуально, как и об освобождении от уплаты долга или ее отсрочке. Кому-то доставались деньги на лечение, «за проезд за моря» или «для удовольствия экипажу», в то время как иные из направленных к императрице челобитных оставались без рассмотрения. Согласно ведомостям камер-цальмейстерской конторы, за девять лет (1731–1739 гг.) подобные расходы Анны составили 898 312 руб., т. е. примерно по 100 тыс. руб. в год⁵.

При Екатерине II помимо масштабных пожалований имений⁶ достигли апогея различного рода денежные и вещественные поощрения. Система пожалований была разветвленной. Одни из таких мер брали начало еще с петровских времен, как выплата «именинных» и «крестинных» денег четырем полкам лейб-гвардии (34 068 руб.) или денежные подарки фрейлинам при замужестве (обычно 12 тыс. руб.). Отдельно учитывались с 5500 руб. «на выдачи поздравителям в торжественные дни духовного и светского чина людям» и плата придворным певчим за славение в праздники Рождества и Пасхи.

Другие выплаты носили индивидуальный характер и назначались за конкретные заслуги. На первое место можно поставить императорские «пенсии», т. е. пожизненные регулярные выплаты из «комнатной суммы» помимо и независимо от официального жалования. Порой они достигали весьма крупных размеров: участник дворцового переворота 1762 г. и командующий русским флотом в Средиземном море во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. А.Г. Орлов с 1766 г. в течение тридцати лет

³Общий архив Министерства императорского двора: Описание дел и бумаг. Высочайшие повеления по придворному ведомству. 1723–1730. СПб., 1886. С. 21.

⁴РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. № 335. Л. 2 об.–3.

⁵Там же. № 182. Ч. 2. Л. 2–7 об.

⁶Приложение к камер-фурьерскому журналу 1796 года. СПб., 1897.

«секретно» получал 25 тыс. руб.; его брату и многолетнему екатерининскому фавориту после «отставки» по указу от 17 сентября 1776 г. регулярно выплачивалось до смерти 150 тыс. руб.⁷, а до того граф Григорий Григорьевич с 1767 по 1772 г. ежегодно на день рождения пополнял свой кошелек на 100 тыс. руб. из «комнатной суммы»⁸, тогда как младшему члену фамилии Ф.Г. Орлову полагалось намного меньше – всего 2160 руб. Светлейший князь Г.А. Потёмкин с 1776 г. столь же регулярно получал секретный «пенсион» в 75 тыс. руб.

Доходы менее выдающихся фаворитов государыни установить сложно. Отдельных сумм им не назначалось; «случайные люди» жили во дворце на всем готовом, и траты на них были неотделимы от личных расходов императрицы, для которых несколько раз в месяц к ней «вносились» различные, порой немалые, суммы. «Василий Степанович, внесите к нам немедленно двадцать шесть тысяч рублей», – это только одно из августейших указаний в феврале 1795 г., адресованное управляющему Кабинетом В.С. Попову⁹.

Лишь при уходе с «известной должности» любимцы получали своего рода выходное пособие. «Пётр Васильевич, от трех до четырех тысячи душ по вашему выбору в Беларусии и в Украину, да пятьдесят тысяче рублей в нынешней год и трицать тысяче рублей в будущей год с серебряным сервизом на 16 персон, надеюсь, что поправят состояние дома вашего», – так Екатерина в июне 1777 г. напоследок порадовала наскучившего ей Петра Завадовского¹⁰. Неблагодарный красавец И.Н. Римский-Корсаков получил в 1780 г. 100 тыс. руб. на оплату долгов, затем 50 тыс. руб. на покупку имения и 40 тыс. руб. на серебряный сервиз¹¹.

Прощальный подарок Екатерины неразумно решившему жениться на молодой фрейлине А.М. Дмитриеву-Мамонову был поистине царским: 23 июня 1789 г. она пожаловала бывшему любимцу 2250 душ и повелела выдать ему 100 тыс. руб. из Кабинета [Екатерина II, с. 164]¹². Последний же фаворит государыни Платон

⁷ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 13. Л. 364.

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 39. № 119, 123–130.

⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 1. № 3910. Л. 25.

¹⁰ Письма императрицы Екатерины II к графу П.В. Завадовскому (1775–1777) // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 247.

¹¹ Материалы об Иване Ивановиче Бецком // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 4. Смесь. С. 90; РГИА. Ф. 468. Оп. 39. № 68. Л. 1–3.

¹² Там же. Ф. 468. Оп. 39. № 77. Л. 1–2.

Зубов только однажды, 20 апреля 1796 г., персонально получил «во уважение отличных трудов его на пользу службы» 100 тыс. руб.¹³

Не удивляет нахождение в списке получателей «пенсион» более скромных сумм (2–5 тыс. руб.) статс-дам, камергеров и прочих чинов двора, кабинет-секретарей, штаб-офицеров гвардии, высокопоставленных и ответственных чиновников (в том числе члена Комиссии об учреждении народных училищ и инициатора школьной реформы Ф.И. Янковича) – такая практика началась еще при Анне Иоанновне. Например, статс-дама Е.Р. Дашкова не всегда ладила с государыней, но ее милостями охотно пользовалась: в 1782 г. получила 37 100 руб., а в 1784 – еще 25 000 руб. на постройку загородного дома¹⁴.

Но вместе со столичной знатью и придворными в списке получателей находились далекие от двора и ничем не примечательные персонажи: безвестные титулярные советники Козырский (300 руб. «по смерть») и Рябинкин (300 руб.), вдова казанского обер-коменданта Мансурова (300 руб.) или отставной поручик Фитингоф (100 руб.)¹⁵. В декабре 1793 г. царица пожаловала вдове коллежского советника саратовской гражданской палаты Василия Болдырева 300 руб. пожизненного «пенсiona» и 1 тыс. руб. одновременно на выплату долгов¹⁶.

Конечно, подавляющее большинство таких персонажей императрице знакомы не были. Но при ней уже существовал механизм (в лице статс-секретарей «у принятия прошений») для обработки поступавших от подданных прошений. «Алфавитный реестр челобитных», поданных в канцелярию только одного из таких служащих (и недолгого фаворита государыни) – П.В. Завадовского – свидетельствует, что с августа 1775 по май 1777 г. через руки Петра Васильевича прошли 398 обращений¹⁷. О чем просили чаще всего? О выплате задержанного жалованья, о следующем чине, о «пенсione», о пожаловании имения или хотя бы отдаче в аренду; об уплате либо в крайнем случае отсрочке уплаты долга банку или надоедливый кредиторам. Благородное дворянство той эпохи уже привыкло к изящной светской жизни и не желало себя ограничивать; к примеру, камергер с чином генерал-поручика и неудачливый заводчик граф Сергей Павлович Ягужинский удрученно сообщал

¹³ Приложение к камер-фурьерскому журналу 1796 года. СПб., 1897. С. 134.

¹⁴ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 12. Л. 52, 186.

¹⁵ Там же. № 31. Ч. 16. Л. 254.

¹⁶ Там же. № 47. Ч. 11. Л. 189.

¹⁷ Там же. Ф. 10. Оп. 1. № 604. Л. 1–35.

о своем «расстроенном состоянии» и рассчитывал на царское вспомоществование по причине ежегодного «приращения долгов».

Неизвестного звания «девки» Лукерья Комарова, Анна и Доротея Френвалдовы просили о скромном приданом в 200 руб.; уже известный к тому времени архитектор Василий Баженов желал получить награждение чином и беспроцентную ссуду в 15 тыс. руб. на десять лет, а титулярный советник Александр Турчанинов считал себя достойным пожалования в потомственные дворяне за неназванные «оказанные им услуги отечеству». Бригадир Алексей Дьяконов был явно недоволен своей «недворянской» фамилией и просил о «возобновлении старинного родового прозвища Баламатов». А кровью выслуживший дворянство боевой капитан Кретов рассчитывал на «выключение» своих братьев из податного сословия.

По ним надо было наводить справки. Далее начиналось не оставлявшее следов в источниках таинство работы секретаря или фаворита: чье прошение рассмотреть в первую очередь, а чье придержать или оставить без внимания; за кого замолвить слово. При этом надо было учитывать, кем является проситель, насколько его просьба важна и как прошение будет воспринято императрицей. По докладам выносились решения, логика которых не всегда понятна. Так, вышедший в отставку действительный статский советник, поэт Михаил Херасков получил просимый им пожизненный пенсион, а заслуженному боевому офицеру, победителю Пугачева полковнику Ивану Михельсону в пожаловании мызы «для пропитания» было отказано. Работа была хлопотной, но именно так, в «ручном режиме», реализовывались связи власти с подданными разного звания в условиях, когда аппарат управления был еще слабым и неэффективным, а получение какой-либо материальной помощи в принципе невозможным. Часто податели прошений, простые обыватели, даже не пытались решить вопрос на месте – через высокопоставленного «предстателя» и «матушку» было надежнее.

Удовлетворялись далеко не все просьбы. Однако пособия и единовременные выдачи (по «именным» или «изустным» указам Екатерины или «по письму» генерал-адъютантов) охватывали широкий круг лиц – от первых вельмож империи до отставного регистратора Барабанова, «матросской жены Петровой», «протоколита Завьялова» и даже «цыгана Григорьева», неведомо за что получившего 100 руб. Конечно, прежде всего милостями пользовались персоны известные и занимавшие ответственные посты, как вице-канцлер И.А. Остерман (40 тыс. руб. в 1777 г.), генерал-аншеф Н.И. Салтыков (10 тыс. руб. в 1786 г.), генерал-аншеф А.А. Прозоровский (6 тыс. руб. в 1790 г.), генерал-поручик Е.П. Кашкин (20 тыс. руб. в 1783 г. и 10 тыс. руб. в 1785 г.).

Однако августейшие милости распространялись не только на приближенных и фаворитов и порой, видимо, были приятными подарками или оказанием «материальной помощи»; так, государыня дала деньги на «убор покоев» в доме И.И. Бецкого (13 204 руб.), на строительство дома «в Валдаях» генерал-губернатору Тверской и Новгородской губерний Н.П. Архарову (7 тыс. руб.). В 1784 г. Екатерина заплатила учителям 2200 руб. за обучение четырех дочерей калужского губернатора П.С. Протасова. В 1791 г. 450 руб. получила неутешная вдова новолодожского городничего Прохорова, а в 1795 г. капитан Санкт-Петербургского гренадерского полка Фома Маврикий отправился для лечения ран в Италию «к теплым водам» с пожалованными на проезд 150 червонными. Императрица однажды дала деньги «в замужество придворным прачкам», а свою камер-медхен Никитину выделила особо и выдала ей целевым назначением «на кровать к свадьбе» 304 руб. 25 коп.¹⁸

Труды педагога Ф.И. Янковича по подготовке школьной реформы были вознаграждены 1500 руб. в 1782 г. и 10 тыс. руб. в 1784 г. Людям искусства платили поменьше: за работы скульптору Ф.И. Шубину и художнику Д.И. Левицкому доставалось от щедрот государыни от 500 до 1000 руб., а придворному стихописцу В.П. Петрову – по 50 руб. за оду. Иногда подобные выдачи помогали быстро решить какую-либо конкретную задачу. Например, калужский, тульский и рязанский наместник генерал-поручик М.Н. Кречетников в 1786 г. получил 1500 руб. на заведение типографии в Калуге.

Императрица за свой счет содержала в 1776–1779 гг. 14 благородных и четырех мещанских девиц и восьмерых кадетов. Иногда она отдавала чужие долги – и не только сына, великого князя Павла Петровича, и невестки (201 258 руб. в 1776–1779 гг.). Так, в 1769 г. она повелела главе Кабинета А.В. Олсуфьеву уплатить сравнительно небольшие суммы (от 100 до 1000 руб.) Дворянскому банку за четверых морских офицеров – капитанов Бешенцева и Игнатьева, лейтенанта Бахметева и мичмана Хвостова: «Не сказав откуда, прикажи внести вместо сих бедняков деньги по сему реестру в банк»¹⁹.

Пожалования были как индивидуальными, так и групповыми: придворным по праздникам, по случаю выпуска камер-пажей в офицеры гвардии, кадетам по окончании корпуса. В 1782 г. государыня подарила 1 тыс. руб. Украинскому гусарскому полку, а в 1783 г., проездом во Фридрихсгам, 2756 руб. гарнизону Выбор-

¹⁸ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 7. Л. 293; № 31. Ч. 12. Л. 174.

¹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 39. № 61. Л. 2.

га. В 1779 г. 10 тыс. руб. получили «на убор» кавалергарды; в 1776 г. 11 688 руб. пошли на мундиры гребцам и лакеям.

Отличившимся солдатам и офицерам «в награждение по случаю нынешней (Русско-шведской 1788–1790 гг. – *И. К.*) войны» в 1788 г. было выдано 50 111 руб., в 1789 – 136 428 руб., в 1790 – 99 322 руб.; еще 221 386 руб. потрачены на изготовление наградных шпаг (16 с бриллиантами и 124 без них) и 157 624 руб. за дорогие подарки-«вещи». За победное морское сражение при Роченсальме в 1789 г. все нижние чины получили 18 тыс. руб.²⁰

Наконец, особую статью расходов «комнатной суммы» составляли заказанные императрицей драгоценные изделия, предназначенные для раздач и награждений; они преимущественно заказывались целыми партиями придворным ювелирам и золотых дел мастерам, а меньшая часть покупалась у иностранных купцов. Государыня также приобретала драгоценности у своих подданных – например, у того же Потемкина. В 1783 г. она заплатила за подобные «вещи» покойного графа Н.И. Панина 71 431 руб. Судя по списку этих покупок, бывший министр иностранных дел коллекционировал дорогие часы и был изысканным модником: только бриллиантовых пуговиц у него имелось 102 штуки²¹.

Согласно составленному в 1783 г. реестру, ко двору был приобретен 341 предмет²². А в 1786 г. Екатерина указала купить вещицы «для разных подарков»²³.

Все эти драгоценности не лежали в царской сокровищнице, а раздавались: с 1 января по 1 июля 1789 г. было роздано 66 подобных подарков – склаважей, табакерок, перстней, браслетов, «цветков», часов, серёг, «бриллиантовых нитей» – всего на 98 950 руб. Естественно, презенты были неравноценны по стоимости, поскольку предназначались лицам разного статуса. Однако все они имели важный смысл: получение табакерки или перстня означало личное императорское «благоволение», поднимало статус облагодетельствованного в глазах окружающих и порождало зависть равных по чину коллег к счастливцу, который получил более дорогой подарок.

В богатом на военные действия 1790 г. Екатерина должна была заплатить за драгоценности ювелирам 383 982 руб., а купцам и гофмаклеру Фоку 1 032 391 руб. – всего 1 416 373 руб. за ордена (лишь одна звезда ордена Александра Невского обошлась в 13 158 руб.),

²⁰ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 11. Л. 67, 133–137 об.

²¹ Там же. № 47. Ч. 6. Л. 240; Ч. 7. Л. 106.

²² Там же. № 252. Л. 1–43.

²³ Там же. № 47. Ч. 10. Л. 31–32.

аграфы, «цветки», табакерки, часы, трости, «склаважи», «сердечки», перстни, эполеты, браслеты, цепочки, две шпаги с бриллиантами (40 434 руб.) и 13 шпаг без бриллиантов (9425 руб.)²⁴.

Таблица

Предметы	Количество	Цена за 1 шт. (руб.)	Всего (руб.)
Табакерки «с финифтью и без финифти»	16	150–500	5200
Табакерки с бриллиантами	37	500–6000	64 400
Перстни с бриллиантами	29	200–500 (8) 500–1000 (9) 1000–2000 (8) 2000–4000 (4)	35 400
Серьги	18	350–3000	20 600
«Цветки»-эгреты	5	800–2500	7800
«Букеты»	2	3000 и 5000	8000
«Сердечки» и «браслеты»	10	150–1500	6700
«Склаважи»	6	500–4500	13 000
«Погоны»-эполеты	4	?	13 000
Набалдашники к тростям	5	800–4000	9300
«Наперники»	6	1000–2000	8300
Записные книжки	4	500–1500	4200
Золотые часы с бриллиантами	13	150–3000	10 550
<i>Итого</i>	155		206 450

В 1794 г. в честь взятия А.В. Суворовым Варшавы для него был заказан фельдмаршальский жезл (22 553 руб.), за его победы при Крупчицах и Бресте – алмазный «бант с петлицею и пуговицею на шляпу» за 85 018 руб.²⁵ Самая же роскошная награда ожидала за взятие Очакова фельдмаршала Г.А. Потёмкина: «Победоносный лавр» – венок «из бриллиантов, роз и изумрудов зделанный» стоимостью в 40 976 руб. – и украшенная бриллиантами шляпа за 200 тыс. руб.²⁶

²⁴ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 11. Л. 21–27.

²⁵ Там же. Л. 139.

²⁶ Там же. Л. 28; [Кузнецова 2000, с. 61].

По ведомости за 1776–1779 гг. на бриллиантовые и другие драгоценные вещи императрица потратила 1 475 748 руб.; еще 430 059 руб. пошло на серебряные и 53 384 руб. на фарфоровые сервизы, также служившие ценными подарками. По нашим подсчетам на основании данных «ведомостей» и «окладных книг приходу и расходу комнатной суммы»²⁷ получается, что за пять лет (1780, 1781, 1783–1785 гг.), по которым есть сопоставимые данные о расходах на «пенсии» и «в награждение», а также о секретных и прочих выдачах «на известные вашему величеству расходы», эти суммы составляли от 13 до 32% от всех трат личных денег императрицы. В 1787–1789 гг. только за «бриллиантовые вещи» было уплачено 1 032 391 руб.²⁸

Денежные раздачи составляли больше половины расходов государыни. Выдача «пенсионеров» и прочих пособий из кабинетских сумм доходила до полумиллиона рублей в год. Неудивительно, что Кабинет уже с середины 1780-х гг. имел долг Ассигнационному банку в 4,6 млн руб. Он был списан, и банк отпустил «для подкрепления Кабинета» 2 млн руб., в 1787 г. – еще столько же [Кричевцев 2007, с. 123]. Однако императрица категорически отказывалась от сокращения потока милостей даже во время финансовых трудностей. «Тут убавить нечего, хотя б и нужно было», – заявила она в январе 1788 г. [Екатерина II, с. 42].

Раздачи и прочие милости являлись важным инструментом социальной политики и формировали у подданных представление о мудрой и справедливой государыне. Оказавшихся в этом «поле притяжения» дворян они заставляли выказывать свою верность, соперничать за внимание государыни. «Подарки» привязывали их получателей к «хозяйке», тем более что они часто превосходили жалование должностных лиц, которое к тому же выплачивалось нерегулярно. Подобная практика порой порождала конфликты среди приближенных, но зато препятствовала складыванию сколько-нибудь солидарной оппозиционной «партии». В то же время стремление повысить свой статус и упрочить материальное положение порождало известное давление на вершину властной пирамиды. Вступивший на престол Павел I во многом изменил политический курс матери, но в данном вопросе поступал так же, как она. Первый год его правления был ознаменован не только массовой раздачей имений, но и заказом бриллиантовых и фарфоровых вещей для подарков на 1 019 707 руб.²⁹

²⁷ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 11. Л. 103–110 об., 189–195; Ч. 12. Л. 37–41, 314–323 об.; Ч. 13. Л. 356–372; Ч. 14. Л. 373–392 об.; Ч. 15. Л. 39–50 об.; Ч. 16. Л. 246–266 об.

²⁸ Там же. № 47. Ч. 11. Л. 31.

²⁹ Там же. Л. 246.

Литература

- Агеева 2008 – *Агеева О.Г.* Императорский двор России: 1700–1796 годы. М., 2008. 379 с.
- Екатерина II – Екатерина II: Искусство управлять / А.В. Храповицкий, А.М. Грибовский, Р. Дама. М., 2008. 650 с.
- Кричевцев 2007 – *Кричевцев М.В.* Императорский кабинет: ведомство личной канцелярии российского монарха: 1741–1801. Новосибирск, 2007. 247 с.
- Кузнецова 2000 – *Кузнецова Л.К.* О фельдмаршальском жезле в коллекции Алмазного фонда // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга: Краткое содерж. докл. СПб., 2000. 62 с.

References

- Agееva, O.G. (2008), *Imperatorskii dvor Rossii: 1700–1796 gody* [The Imperial Court of Russia: 1700–1796], Moscow, Russia.
- Khrapovitskii, A.V., Gribovskii, A.M. and Dama, R. (2008), *Ekaterina II: Iskusstvo upravlyat'* [Catherine II. The Art of Governing], Moscow, Russia.
- Krichevcev, M.V. (2007), *Imperatorskii kabinet: vedomstvo lichnoi kantselyarii rossiiskogo monarkha, 1741–1801* [The Imperial Cabinet. Department of the Personal Office of the Russian Monarch, 1741–1801], Novosibirsk, Russia.
- Kuznetsova, L.K. (2000), “About the Field Marshal’s Staff in the Diamond Fund”, *Ermitazhnye chteniya pamyati V.F. Levinsona-Lessinga: Kratkoe sodержanie dokladov* [On the Fieldmarshal’s Baton in the Diamond Fund. The Hermitage V.F. Levinson-Lessing Conference. Summary of the Report], Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor' V. Kurukin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russia; kurukin@mail.ru

Между «славянской идеей»
и московской картиной мира:
случай Юрия Крижанича

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена «славянской идее» писателя XVII в. Юрия Крижанича. Будучи по рождению хорватом, он работал в различных государствах и в Москве. Здесь он написал фундаментальное сочинение «Политика». Используя поздние русские исторические компиляции, Крижанич сформулировал очередную версию «славянской идеи». Чтобы реализовать «славянскую идею», русское государство должно быть могущественным. Чтобы быть могущественным, оно должно придерживаться изоляционизма. В статье автор стремится доказать, что эта версия «славянской идеи» испытала воздействие московской картины мира.

Ключевые слова: Юрий Крижанич, «славянская идея», картина мира, Книга, глаголемая летописец, изоляционизм

Для цитирования: Одесский М.П. Между «славянской идеей» и московской картиной мира: случай Юрия Крижанича // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 50–61. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-50-61

Between the “Slavic idea”
and the Moscow picture of the world:
the case of Juraj Križanić

Mikhail P. Odesskiy

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the “Slavic idea” of the writer of the 17th century Juraj Križanić. Being a Croat by birth, he worked in various states and in Moscow. Here he wrote the fundamental essay “Politics”. Using the late Russian historical compilations, Juraj Križanić formulated specific version of the

“Slavic idea”. To realize the “Slavic idea”, the Russian state must be powerful. To be powerful, it must adhere to isolationism. In the article, the author seeks to prove that this version of the “Slavic idea” was influenced by the Moscow picture of the world.

Keywords: Juraj Križanić, “Slavic idea”, picture of the world, late Russian historical compilations, isolationism

For citation: Odesskiy, M.P. (2022), “Between the “Slavic idea” and the Moscow picture of the world: the case of Juraj Križanić”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 50–61, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-50-61

Делом жизни Юрия Крижанича (1618–1683) – хорвата, которому пришлось работать в различных государствах, в частности в Московском царстве – стала «славянская идея» [Гольдберг 1963, с. 388]. Но она, конечно, не была его изобретением.

Прежде всего Крижанич был «профессионально» связан с церковной унией, начиная еще с обучения в римском Коллегиуме св. Афанасия, находившемся в ведении Конгрегации пропаганды веры и готовившем миссионеров-униатов. Можно предположить, что для Крижанича единение славянских народов базировалось именно на единстве христианских конфессий. Однако Крижанич, который лично – вопреки постоянному давлению в Москве – так и не согласился на перекрещивание, в сочинениях, где он увязывал «славянскую идею» с Русским государством, вполне обходился без унии: создается впечатление, что по отношению к всеславянской идее уния играла для него служебную роль.

Крижанич – хорват, а интеллектуалы Дубровницкой республики и других центров этого региона создали миф «Иллирии» (некогда провинции Римской империи), доказывая, что «славянские племена Балканского полуострова составляют единую “иллирийскую нацию”» [Гольдберг 1963, с. 376–377].

Так, дубровницкий бенедиктинский монах Орбини написал трактат «Славянские царства» (на итальянском, 1601). Ссылаясь на разнообразные источники, Орбини утверждал, что «народ Славенской» «возимел первоначалие» от Иафета; Иафет, «больший (так!) сын Ноев... поселился во Азии перво»; затем славяне населили Север, Скандинавию, а позднее, когда их стало больше, продолжили свои походы и миграции¹. По словам А.Л. Гольдберга, «труд Орбини,

¹ Орбини М. Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского. М.: Белые альвы, 2010. С. 2–3.

содержавший много материала о славянских связях в давние времена, способствовал распространению идеи о единстве всех славян» [Гольдберг 1963, с. 379]. Закономерно, что при Петре I трактат Орбини, рисовавший заманчивую историко-географическую панораму (пусть научно сомнительную) и укреплявший международный престиж славянства, перевели в России и напечатали (1722 г., усилиями выходца из Дубровника С.Л. Владиславича-Рагузинского).

Подобно представителям иллирийского славизма, Крижанич остро переживал подчиненность своего народа туркам, немцам и итальянцам. Его лингвистическая концепция, как отметил Н.И. Толстой, была определенно мотивирована ситуацией южнославянских народов [Толстой 1998, с. 250].

Вместе с тем в текстах Крижанича, насколько известно, нет прямых ссылок на писателей-«иллирийцев». Более того, в московский период апелляция к «иллирийской» модели или к церковной унии была бы, очевидно, несовместима с соображениями уместности и убедительности².

Главным итогом московского пребывания Крижанича и, наверное, всего его творчества можно назвать знаменитый трактат «Политика», который преимущественно рассматривается в данной статье. Это сочинение сохранилось в единственном списке – аккуратном автографе, в который, однако, Крижанич активно вносил исправления³. Первоначально оно именовалось «Беседы о правлении» (“*Razgowori ob wladatelistwu*”), потом в результате добавлений и правки заглавие изменилось. «Политика» не предназначалась для распространения, но известно, что с ней был знаком Сильвестр Медведев, в 1670–1680-е гг. близкий к царскому двору. «Политика» написана на «искусственном, созданном самим Крижаничем “славянском языке”» (с. 479). Потому даже в научных изданиях – при всех попытках сохранить и передать особенности его языка и авторского стиля – текст дается в переводе.

Трактат композиционно построен как сочетание авторского изложения и диалога (ср. в заглавии – *Razgowori*); его ведут Борис (русский) и Хервой (хорват). Когда Борис говорит: «Не годится нам самих себя оговаривать и ругать. Плоха та птица, что сама свое гнездо поганит», Хервой отвечает:

²О пересечениях Крижанича с различными кругами, причастными к формированию славянской идеи, и об оригинальности его позиции см. в обстоятельной работе: [Golub 1986, с. 440–442].

³*Крижанич Ю.* Политика / Подгот. В.В. Зеленина; пер. и коммент. А.Л. Гольдберга. М.: Новый свет, 1991. С. 475–481; далее страницы указываются в скобках в тексте статьи.

Правильно ты замечаешь. Чужеземцам я бы таких слов не говорил, а, напротив, старался бы всячески скрыть и утаить от них наши недостатки. Но мы сами между собой не должны замалчивать общего зла и самих себя обманывать, так же как не годится таить от врача рану, если хочешь, чтобы он ее исцелил (с. 189).

В кругу католических пропагандистов унии Крижанич воспринимался как человек ненадежный, не совсем свой. «Политика» занимает позицию, так сказать, *пограничную* – в смысле не беспристрастности, а принципиального учета собственной иномирности.

Действительно, хотя Крижанич может быть безусловно отнесен к миру русской культуры XVII в. – общался с российскими интеллектуалами (Ф.М. Ртицев, Б.И. Морозов, Алмаз Иванов, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Николай Спафарий), обращался к тем же социальным проблемам, – он скорее привлекал внимание к культурным границам *своего* (русского) / *чужого* (инострannого), знакомил Запад с русскими, а русских – с Западом.

Соответственно, основная задача данной статьи – анализ воздействия той картины мира, которая сложилась в Москве Алексея Михайловича, на «славянскую идею» Крижанича.

* * *

Если в Риме Крижанич издал «Кириллову книгу», свидетельствующую о враждебном отношении Москвы к католицизму, то в «Политике» с завидной обстоятельностью, но негативно реферировал сочинения иностранцев о России.

Хорват отмечал возросший интерес Запада к Московскому государству, «столь огромному и сильному королевству»:

Об остальном нашем славянском народе (то есть о поляках, хорватах, сербах) мало что пишут другие народы, а только язвят их обидными пословицами, как мы уже говорили выше. <...> Лишь о русском народе и об этом преславном государстве написали не одну, а множество особых книг, потому что страна эта отдалена от европейских народов, и вещи эти им менее известны, и потому что Бог по своему милосердию недавно изволил возвысить здесь столь огромное и сильное королевство, каким оно является ныне (с. 181–182).

Крижанич не принял распространенного мнения западных авторов о московской руси. Ему, католику, особенно ненавистны протестанты (ученый и дипломат из Шлезвиг-Гольштинского герцогства Адам Олеарий и другие), которые «напрасно думают много

плохого о нашем народе» (с. 183). Автор-католик (императорский посол Сигизмунд Герберштейн, иезуит Антонио Поссевино) Крижанич выделял, ведь «те никаких ругательств и клеветы не пишут» (с. 182). Но – вспоминая Хервоя – не следует слушать иностранцев, а недостатки, свойственные славянам и русскому народу, должно обсуждать «между собой», не замалчивая зла и самих себя не обманывая.

Самое опасное зло, которому автор «Политики» призывает русь (и всех славян) противостоять и для которого вычеканил специальное понятие, – это «чужебесие» («ксеномания»), одержимость *чужим* / иностранным (ср. антоним «чужепудие», изгнание чужих):

...наше чужебесие или глупость, из-за которой [мы] терпим, что чужеземцы властвуют над нами, и обманывают нас всеми способами, и делают с нами все, что они хотят. Именно из-за этого, а не из-за чего иного нас называют варварами (с. 165–166).

Московская русь, считает Крижанич, может гордиться своей могущественной государственностью:

...в сие время Бог по своему милосердию и щедрости вознес на Руси славу, силу и величие славянского королевства так высоко, что в прошедшие века у нашего народа никогда не бывало столь славного королевства (с. 136).

Тем бдительней надо опасаться «чужебесия»: «Лучше всего было бы нам, славянам... попросту никак не зняться и не общаться с чужестранцами» (с. 233–234).

Акцентированная установка на отторжение *чужого* (неславянского) лежала в основе обширной программы мероприятий, которую Крижанич предложил царю Алексею Михайловичу. Среди прочего он рекомендовал «совершенно избежать и навеки избавиться» от браков с иностранцами (с. 234). А еще – остерегаться военных союзов с другими державами:

У греков и римлян издавна были мирские политические причины для вражды. И эти мирские причины они лживо и злобно выдают за духовные, и одна сторона (для пущего позора) выдумывает у другой ереси, если их и нет. А мы, не разбираясь в этом, идем за ними и убиваем друг друга без конца и без меры (с. 194).

Другими словами, Крижанич осуждает славянские народы за то, что они втянулись в борьбу православных («греков») и като-

ликов («римлян»), которая – утверждал выученик Коллегиума св. Афанасия! – «нас»/славян не касается⁴.

Программа реформ получила у Крижанича языковую проекцию. Косвенно признавая сомнения иностранцев в храбрости московской руси, призывал в том числе так исправить положение:

Для [умножения] храбрости было бы полезно, чтобы наши воины считали и верили, что наш народ не уступает ни одному народу в воинской доблести и храбрее многих. Но этому убеждению очень мешает употребление чужих слов в воинском деле. <...> Ведь когда воины слышат, как все ратные вещи называются иноязычными именами, они начинают представлять себе чужие народы чрезмерно храбрыми, а себя и свой народ – недостаточно храбрыми (с. 115–116).

Чтобы воспитать народную храбрость, надо, избавившись от заимствований из западных языков, использовать исключительно славянские слова (с. 115–116).

Наконец, следуя своему утопическому подходу, Крижанич предлагал заменить титул русского государя – с «царя» на «коля»::

А титул «царь» или «цесарь» не означает никакой власти, ни почета, а является прозванием рода Юлия, ибо этот первый римский самодержец был родом из римских бояр, и жил под властью граждан или римского общевладства (республики. – *М. О.*), и носил имя Юлий и родовое прозвание Цесарь (а по-нашему – «царь») <...> А королем он был бы и рад назваться, но не смел [этого сделать], ибо не смог до конца уничтожить общевладство. Таким образом, титул «король» древнее и почетнее титула «царь» или «цесарь» <...> (с. 385–386).

Для автора «Политики» «царь» («цесарь») – явное заимствование из *чужой*, римской истории, а слово «король», которое принято у славян (видимо, здесь воздействовали южнославянские ассоциации), – культурно нейтральное и более древнее (так!).

Величие руси (и всех славян) требует как исконно *своей* славной и могущественной династии, не связанной кровно с иностранными дворами, так и подобающего монаршего титула, не калькирующего бездумно западную традицию.

⁴Возведя изоляционистский подход в общую теорию, автор «Политики» добавил к классическим «испорченным» государственным формам Аристотеля новую – «чужевладство» (власть иностранцев), которая, по его мнению, страшнее тирании (с. 295).

Подтверждение своего взгляда на русь, противостоящую «чужебесию», Крижанич нашел в этногенетическом мифе из русской летописной традиции. В первую очередь в «Книге, глаголемой Летописец великия земли Российския славянского языка», одной из распространённых в XVII в. компиляций⁵. Работая с этим источником, – вторичным и случайным, – Крижанич отделял, как ему казалось, основы русской культуры от мифов, разоблачая последние.

Хорватский странник разбирается с «баснями, что были выдуманы и вписаны в народную историю льстецами и придворными баятелями царя Ивана и иных русских государей» (с. 373). Прежде всего имеются в виду «басни», «будто бы наш славянский народ произошел от скифского племени или будто скифы были нашими предками и прародителями», и о жалованной грамоте царя Александра «славянским князьям (Великосану, Асану и Авесхасану)» (с. 373). К «басням» он отнес и легенду об иноземном происхождении правящей династии – о призвании Гостомыслом на княжение из «Варяжской Прусской земли» «тамошних самодержцев-курфюрстов, ведущих род от кесаря Августа» (с. 379). Крижанич считал родословие Рюриковичей выдуманным, как и фигуру Гостомысла, имя которого для него символизирует «чужебесие»:

Борис: Значит и весь этот Гостомыслов совет выдуман? Хервой: Как же не выдуман? Ведь никто не знает ни отца, чьим сыном был Гостомысл, ни времени, когда он правил, ни дел никаких, которые он делал. Осталась только эта написанная о нем повесть, для которой и придумано это имя «Гостомысл» – тот, кто замыслил пригласить на Русь гостей. Сам сочинитель думал тогда о гостях и, размышляя, как назвать выдуманного им советчика, назвал его Гостомыслом (с. 377–378).

Крижанич отвергал все, по его мнению, *чужое* в истории руси. Порочность этих «басен» автор «Политики» видел в том, что они ставят под сомнение автохтонность руси и исконность, чистоту крови их правителей, а родство руси и славян со скифами, по Крижаничу, и вовсе предосудительно, ведь скифы – это «татары и турки... наш славянский язык так отличается от татарского, что большей разницы и быть не может» (с. 373–374).

Особенно антипатична Крижаничу была идеологема «Москва – Третий Рим», потому что она делала русскую государствен-

⁵См. публикацию другой компиляции XVII в., схожей по содержанию – «История еже о начале Руския земли»: *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. С. 203–209.

ность сопричастной эсхатологическим пророчествам и навлекала Божий гнев:

...не друг нам тот, кто зовет наше королевство “Третьим Римом”. Такой [человек] не желает нам ни удачи в делах, ни добра, а желает гнева Божьего, разорения и всякого зла (с. 389).

В качестве достойного и достоверного Крижанич противопоставил «басням» – «Сказание о Словене и Русе», также включенное в «Книгу, глаголемую Летописец» (и другие летописные сочинения и сборники). «Сказание о Словене и Русе» излагало события так: Скиф и Зардан – праправнуки Ноя и правнуки Иафета – заселили Причерноморье; к роду Скифа принадлежали братья Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер; Словен и Рус мигрировали на север (в земли будущей России):

И инии градки многи Словен и Рус поставиша. И от того времени по именов князей своих и градов их начахуса звати людие сии словяне и руси⁶.

Сведения о скифах, как уже указывалось, для Крижанича – враждебная «басня», но о Словене и Русе – истина, мотивирующая достоинство славян и руси их происхождением от почтенных родоначальников:

Лучше и полезнее было бы следовать истине и считать, что наш язык так же стар, как и иные первоначальные народные языки, и был создан Богом при разделении языков. И тогда жил наш праотец – Словен, так же как и родоначальники иных народов, и наш народ произошел от него, а не от иного народа (с. 380).

Помня о своей преемственности от потомков Ноевых – Словена и Руса, – русские должны избавиться от «чужебесия», ведь они издревле живут в своих землях и равны прочим народам.

Более того, Крижанич в сочинении «Граматиčno izkazanje ob Руском језику» утверждал, что русь как народ – начало всех славян: «въ нашем народу» для всех шести основных «льудств» (народов) и языков (русский, ляхский, чешский, болгарский, сербский, хорватский) «зачално јест льудство и јме Руско»⁷.

⁶Цит. по: Ромодановская Е.К. Указ. соч. С. 203–205.

⁷*Križanič J. Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku 1666. München: Verlag Otto Sagner, 1976. S. I.*

В «Политике» Крижанич возмущался тем, что «...при переводе церковных книг наш язык был окончательно испорчен и выбит из своей колеи» (с. 152). Славянский язык ни в чем (и исторически тоже) не уступает греческому (как видно, католик-хорват, связанный с униатской миссией, с неизменной антипатией относился к грекам, видя в их «православном» влиянии источник многих бед русского народа): регламентировать славянский язык правилами греческого недопустимо (ср.: «А про превод светих божьих и црковних книг, које нам преведоше Греки, что речем?»⁸), а надо – следовать своим правилам, точнее – (вос)создать правила исконного славянского языка. Так это пытался сделать сам Крижанич даже на практике, в том числе в «Политике».

Отстаивание исторического приоритета «*москворуссов*» в семье славянских народов обусловило принципиальное расхождение Крижанича с интеллектуалами-«могилянцами». И хотя хорват с уважением отзывался, например, о Епифании Славинецком или Симеоне Полоцком, «Граматично изказанје» девальвировало языковую практику их школы:

Сице же и по јиих Кијевских књигах все полно јест таквих наказ и мерзостеј, коих нист возможно чест, сгньуси и без возрушешенја желудца на блуванје... нист чудо, жеже Билорусјани из калного студенца черпајуци, немогут нам подат чиста напоја⁹.

Получается, что если «опыт языка» Крижанича (выражение Н.И. Толстого [Толстой 1998, с. 250]), базирующийся на первоначалии русского языка среди славянских, – корректен, то «билорусјани», не принадлежа к основным «льудствам» и ошибочно ориентируясь на киевские книги, угрожали чистоте изначального всеславянского языка.

Языковой аспект был одним из центральных, но не единственным выражением общей полемики Крижанича с «могилянцами». Те были связаны с Никоновской книжной справой, хорват же считал ее главным источником языковой «шатости»:

...шатот која се јест учинила дльаради књижних преводов¹⁰.

При этом, критикуя реформы патриарха Никона, Крижанич отнюдь не солидаризировался со старообрядцами: они для свя-

⁸ *Križanič J.* Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku 1666. S. IV.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.* S. V.

щенника-католика были не просто «невеждами» (как для киевлян) и уж никак не защитниками и оплотом русской религиозной традиции, но преступными нарушителями церковной дисциплины, вдобавок сходящимися с протестантизмом (см. «Обличение на Соловецкую челобитную»).

Столь же глубокими были различия Крижанича и «могилянцев» по отношению к государству. «Могилянцы» акцентировали пред-имперский характер Русского государства, который оно обрело после включения в его состав некоторых земель Малой и Белой России, а еще раньше – Казанского и Астраханского ханств, успешно занимались идеологическим оформлением пред-имперского государства, воспроизводя соответствующие западноевропейские образцы. Напротив, Крижанич объявлял эти «злосчастные» пропагандистские приемы позорными и опасными для исконной этнокультурной идентичности северо-восточной руси, а за точку отсчета брал ее автохтонность, выражающую себя в эффективном и славном государстве, которое обслуживается посредством собственного, *своего* дискурса.

Современные исследователи склонны анахронистически интерпретировать концепцию Крижанича в контекстах моделей XIX в., в том числе идеологии «славянской взаимности» чешских и словацких будителей, отстаивавших историческое и национальное достоинство западных славян и апеллировавших к величию России. Такого рода интерпретации «из будущего», разумеется, методологически ненадежны, но зато существующая типологическая близость модели Крижанича к «славянской взаимности» подтверждает давнее наблюдение слависта Луи Леже: идея объединения славян для совместных политических действий вышла не из Московского государства, а «появилась впервые у небольших народов (славянского. – М. О.) Запада»¹¹.

* * *

Итак, славянское единство – своего рода сверхидея Крижанича – коннотировалось у него с церковной унией и иллиризмом, но в «Политике» оно получило новое, специфическое оформление. *Пограничная* позиция Крижанича, предполагавшая интеграцию московской руси и славян в единую семью европейских народов на равных с другими народами основаниях / в общеевропейскую систему исторических координат, парадоксально обернулась установкой на изоляционизм руси. Согласно автору «Политики», упования славянских народов обращены к Москве постольку, поскольку та

¹¹ Leger L. Nouvelles études slaves. Paris: Ernest Leroux, 1880. P. 1.

образовала великое «королевство», признанное другими народами, свободное от их власти и могущественное. Его и следует возвращать и пестовать, борясь с «чужебесием» и в то же время исправляя недочеты и недостатки, подмечаемые иностранцами, но злонамеренно ими толкуемые. Программа эффективного исправления и идеологического оформления Русского государства может быть сформулирована тем, кто способен взглянуть на Русь со стороны, будучи в то же время на ее стороне, ведь он славянин – *свой* для Руси.

Славе Русского государства в XVII в. соответствует и славное прошлое народа; его Крижанич поверяет этногенетической конструкцией о первопредках Словене и Русе из отечественного «Сказания» о них. Коль скоро русь осознает свою генеалогическую преемственность от начала мира, она не нуждается в усвоении *чужого* и любой исторической легитимации через *чужие* традиции, тем более в одобрении извне. Напротив, по мнению автора «Политики», насущная задача руси – как народа автохтонного и первоначального в славянском мире – состоит прежде всего в попечении и защите собственного государства, маяка и надежды всего славянства. Другими словами, воздействие московской картины мира привело к парадоксальному итогу: чтобы реализовать «славянскую идею», русское государство должно быть национальным по интересам и символическому оформлению.

Литература

- Гольдберг 1963 – Гольдберг А.Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 373–390.
- Толстой 1998 – Толстой Н.И. Избранные труды. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки славянских культур, 1998. 542 с.
- Golub 1986 – Golub I. The Slavic Idea of Juraj Križanić // Harvard Ukrainian Studies. Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe / Ed. by I. Banac, F. Sysyn. Vol. X. № 3/4. December. 1986. P. 420–515.

References

- Gol'dberg, A. (1963), "Перевод", *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [перевод], vol. 19, Moscow, Leningrad, Russia, pp. 373–390.
- Golub, I. (1986), "The Slavic Idea of Juraj Križanić", *Harvard Ukrainian Studies. Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe*, Banac, I. and Sysyn, F., vol. 10. № 3/4. December, pp. 420–515.

Tolstoy, N. (1998), *Izbrannye trudy, tom 2, Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya* [Selected writings, vol. 2, перевод], *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru

Кампания по «чистке» партии и госаппарата
в сатирическом журнале «Крокодил»
(1929–1930 гг.)

Андрей Л. Юрганов
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается кампания по «чистке» партийного и государственного аппарата, которая была намечена в 1928 г., а осуществлена в 1929 г. Этой кампанией лично руководил генеральный секретарь ЦК ВКП(б) – И.В. Сталин. В статье исследуется механизм адаптации партийных решений о «чистке» применительно к пропаганде в сатирическом журнале «Крокодил», выходившем огромными тиражами. Одно дело – партийные решения на бумаге, и другое дело – их осуществление в понятных для массовой аудитории образах и символах советской повседневности. Кампания имела одну цель – запугать общество и создать условия для перехода к более массовым репрессиям при отказе от новой экономической политики. Исследуются принципиальные различия между чисткой партийного аппарата и чисткой аппарата государственного.

Ключевые слова: И.В. Сталин, НЭП, Гражданская война, пропаганда, идеология сталинизма, сатирический журнал «Крокодил», партийная «чистка», «чистка» государственного аппарата

Для цитирования: Юрганов А.Л. Кампания по «чистке» партии и госаппарата в сатирическом журнале «Крокодил» (1929–1930 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 62–100. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-62-100

The campaign to “cleanse” the party and state apparatus
in the satirical magazine “Crocodile” (1929–1930)

Andrei L. Yurganov
*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the campaign to “purge” the party and state apparatus, which was planned in 1928 and carried out in 1929. That

campaign was personally directed by Stalin, general secretary of the Central Committee of the VKP(b). The article studies the mechanism of adapting party decisions on “purges” with respect to propaganda in the satirical magazine *Crocodile*, which was published in huge circulations. Party decisions on paper are one thing; their implementation in images and symbols of Soviet daily life understandable to a mass audience is another. The campaign had one goal – to intimidate society and create conditions for the transition to a more mass repression, while abandoning the new economic policy. The fundamental differences between the purge of the party apparatus and the purge of the state apparatus are explored.

Keywords: I.V. Stalin, New Economic Policy, Civil War, propaganda, ideology of Stalinism, satirical magazine “Crocodile”, party “purge”, purging of the state apparatus

For citation: Yurganov, A.L. (2022), “The campaign to ‘cleanse’ the party and state apparatus in the satirical magazine ‘Crocodile’ (1929–1930)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 62–100, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-62-100

По мнению исследователей, эти две кампании были едины в осуществлении поставленных задач и целей. Речь идет о «чистке» партии и «чистке» госаппарата. Такой ход мысли вполне обоснован, ибо источники подтверждают, что «чистка» была задумана в конце 1928 г. На ноябрьском пленуме ЦК партии В.М. Молотов сказал, что «генеральная чистка партии стучится к нам в двери», а в Бюллетене ЦКК-НК РКП в ноябре 1928 г. был опубликован проект плана работ НК РКП СССР на 1928/1929 г., который содержал преамбулу о состоянии государственного аппарата [Киселева 2014, с. 40]. Понятно, что если говорить о чистке партии, то как же не думать о чистке государственного аппарата. Но все же нельзя не увидеть, что в одном случае речь шла о членах партии, которых необходимо проверить по партийным критериям, а в другом случае речь могла идти – и в основном шла – о беспартийных служащих госучреждений, которые не устраивали партию большевиков по тем или иным (уже не партийным) критериям.

Здесь уместно сказать о разных коммуникациях: одно дело – партийное руководство, мыслившее масштабно и системно, и другое дело – общественная презентация масштабных решений.

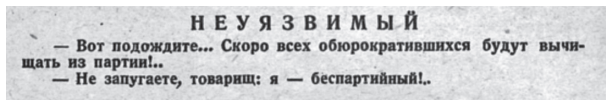
В массовом сознании отразились две кампании, а не одна. Первой была явлена кампания по чистке партии, и только через несколько месяцев была объявлена чистка государственного аппарата.

Так, во всяком случае, транслировал ход событий на идеологическом фронте сатирический журнал «Крокодил» в 1929 г. В январском (третьем) номере журнала на первой странице была опубликована карикатура, которая как бы приглашала читателей вспомнить чистку 1921 года...

Крокодил. 1929. № 3. С. 1

Но что характерно – «чистка» в этом номере осмысливалась как проблема партийной бюрократии.

Крокодил. 1929. № 3. С. 4

На последней странице следующего, четвертого номера – новое напоминание о чистке партии:

Крокодил. 1929. № 4. С. 12

В февральском, шестом номере, был опубликован рисунок с надписью, которая как бы предваряет кампанию по чистке, обсуждая чистоту в физическом (и переносном) смысле.

Крокодил. 1929. № 6. С. 2

И только в седьмом (февральском) номере журнала появилось объявление о том, что следующий номер «Крокодила» будет посвящен целиком начавшейся кампании по чистке в партии.

Крокодил. 1929. № 7. С. 12

Причины «чистки» исследователи находят где угодно, но практически не акцентируется внимание на самой важной, если не причине, то предпосылке развернувшейся кампании — она *была не началом, а продолжением* кампании по «самокритике», которая к концу 1928 г. вызывала уже много нареканий. Задача «самокритики» сводилась к тому, чтобы ее результаты, пусть и не столь успешные, как хотелось того партийным руководителям, были использованы в вычищении тех людей, которыми были «засорены» партия и государственный аппарат.

Крокодил. 1929. № 8. С. 11

Кампанию по самокритике придумал лично товарищ Сталин, кампанией по чистке партии и государственного аппарата руководил лично товарищ Сталин.

В этом смысле логика осуществления программных установок очевидна – создать ситуацию такого страха, который помогал бы преодолевать толерантное наследие нэпа (в устах партийных лидеров – наследие «правого уклона»). Недостаточно просто сказать, что классовая борьба усиливается – необходимо создать условия для ее развертывания. Обе кампании – в своем *генетическом единстве* – как нельзя лучше подходили под сталинскую программу построения социализма в одной стране в условиях *нарастающей* классовой борьбы.

Какова же природа насаждаемого страха?

Этот вопрос следует задать, читая программные документы партийной чистки. В 1929 г. был опубликован сборник директивных статей и материалов под редакцией Ем. Ярославского «Как проводить чистку партии». Первый материал этого сборника – доклад Ярославского на XVI Всесоюзной партконференции (29 апреля 1929 г.). В нем он подчеркнул значение партийной чистки 1921 г., когда из партии было исключено больше 300 тысяч человек. Социальный состав ВКП(б) изменился, и теперь в полуторамиллионной партии, говорил Ярославский, 928 610 рабочих.

Для чего необходима новая чистка?

Ярославский ответил прямо: закончился нэп.

Если раньше на коммунистов смотрели с точки зрения их способности включиться в работу «восстановительного периода», то теперь следует ориентироваться на период «реконструкции всего нашего советского хозяйства» – «это задача переделки этого хозяйства»¹.

¹Ярославский Ем. О чистке партии // Как проводить чистку партии. Сборник директивных статей и материалов под редакцией Ем. Ярославского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 7.

Доклад Ярославского сводился к такой «диалектике», которая предусматривала, что за одно и то же состояние человека может следовать как прощение, так и наказание. Пафос партийных текстов по проведению чистки можно уподобить духу кафкианского Процесса, который неумолимо заставлял человека думать о своей вине, не зная ее в точности, о наказании – не зная будет ли оно, об ответственности – не ведая, какова она...

Ярославский говорил о том, что в партии могут быть люди, которые когда-то были против Советской власти, но потом ее приняли, вступили в партию, – как быть?

С одной стороны:

...если эти люди не скрывали своего прошлого, когда они вступали в партию, если рабочие простили им проступки, бывшие в прошлом, если за эти годы, – а за это время прошло 6–7 лет, – эти рабочие показали глубокую преданность партии, то по-моему было бы неправильно так решать вопрос (в смысле неправильно таких людей исключать из партии. – А. Ю.)².

С другой стороны:

Но это не значит, что мы вообще должны спокойно относиться к тем, кто был в белых армиях, хотя бы даже они проникли к нам на фабрики и заводы в качестве рабочих. Если в восстановительный период они как-то плелись еще за нами, то в нынешний период, когда требуется наступление на капиталистические элементы, когда требуется максимальная партийная выдержка, нам, товарищи, лучше освободиться поосновательнее от этих элементов³.

Никакого знаменателя!

Фактически же – разрешение исключать всех, кто когда-либо был не на стороне советской власти, хотя в годы нэпа помогал стране выживать в трудных экономических условиях.

То же самое – об оппозиции.

С одной стороны:

Само собою разумеется, там, где мы будем иметь дело с прямым нарушением решений партии, там, где мы будем иметь дело с попытками теперь, после решений партии, срывать наши решения по вопросу об индустриализации, по вопросу о коллективизации сель-

²Там же. С. 16.

³Там же.

ского хозяйства, по вопросу о борьбе с кулаком, тем, кто будет противодействовать индивидуальному обложению кулака, тем, кто будет поддерживать кулаческие элементы, – само собою разумеется, что им нет места в партии⁴.

С другой стороны:

Но было бы совершенно неправильно, если бы мы на основании этого стали сейчас исключать из партии тех, кто высказывался по тем вопросам, о которых мы говорили на этом пленуме, которые стоят в порядке дня нашей работы, кто *высказывался так или иначе* (курсив мой. – А. Ю.). Это было бы совершенно неправильно⁵.

Ярославский не стал никак пояснять: что значит – «высказался так или иначе»? Неопределенность трактовки «так или иначе» порождает полет любой фантазии, но не в сторону оправдания бывшего участника оппозиции, а наоборот – в сторону немедленного его изгнания из партии, что бы он ни думал, что бы ни говорил. Разумеется, речь идет о рядовых участниках оппозиции, а не о тех, кого Сталин собирался мучить долго и упорно, оставляя в рядах партии.

Страх – не от осознания конкретной вины, а от того, что в определение вины закладывается пугающая неопределенность, – и как ею воспользуются те, кому поручено чистить партию – неизвестно.

Никаких критериев, хоть сколько-нибудь позволяющих отделить, например, «морально загнивающего» коммуниста от того, который хотя и выпивает, но не обязательно достоин отчисления из рядов партии. Поскольку высшие партийные решения о чистке не содержали *никаких формальных критериев* по отбору «плохих» и «хороших» коммунистов, эти критерии создавались самими проверочными комиссиями – по ходу чистки.

Ярославский, не вполне осознавая, что смешные ситуации с проверками коммунистов возникают не сами по себе – они следствие изначальной неопределенности, приводил такой пример в работе проверочной комиссии:

1. Кто к нему ходит? Как одета эта публика?
2. Часто ли бывают гости? Происходят ли попойки в это время?
3. Как поздно приходит он домой и часто ли это бывает?
4. Как живет с семьей?

⁴Ярославский Ем. О чистке партии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 25–26.

⁵Там же. С. 26.

5. Эксплуатирует ли он жену и мать?
6. Почему у них горит свет до 2, до 3 часов? Не думаете ли вы, что там в это время происходит пьянка?
7. Есть ли у них прислуга?
8. Каждое ли лето его жена выезжает на дачу и куда?
9. Куда ездил он сам прошлым летом?⁶

Еще «пример» из доклада:

Ячейка нижегородского губсуда, проводившая обследование быта коммунистов, попыталась произвести классификацию их на три группы: вышесреднюю, среднюю и низсреднюю.

– В группу вышесреднюю, – рассказывает газета, – вошли коммунисты, имеющие диван, трюмо, кровать... с шипками, ковер. В среднюю группу попали коммунисты, имеющие восемь венских стульев, стол, гардероб и кровать... без шипек... В низсреднюю группу попали коммунисты, не имеющие венских стульев.

– Вот это я понимаю, так и должно быть у коммунистов, – говоритследователь «средняку» про его обстановку⁷.

В упомянутом сборнике была опубликована статья А. Сольца «К чистке», в которой он, как один из руководителей кампании, рассказал о трагических случаях в деятельности проверочных комиссий:

В Белорусском военном округе партийная организация по непроверенным слухам о недостойном поведении и антисоветских настроениях жена командира взвода Калько заставила его развестись с ней. Как т. Калько ни упирался, как ни доказывал, что обвинения ничем не подтверждаются, организация настаивала на своем. А т. Калько был выдержанным партийцем и отличным командиром; он 2 года провел на фронте пулеметчиком и с 1918 г. по сие время в Красной армии; он был и секретарем эскадронной ячейки до 1928 г. Тов. Калько подчинился решению организации и развелся с женой. В результате жена выстрелами из револьвера убила его и себя. Когда стали более тщательно разбирать дело, все обвинения против жены Калько оказались вздорными⁸.

Каков же вывод?

А никакого... – кроме сентенций, что так нельзя:

⁶Там же. С. 13.

⁷Там же. С. 14.

⁸*Сольц А.* К чистке // Там же. С. 29.

Как видите, кое-где наши товарищи не прочь свести чистку партии к разбору того, в какой степени жена или муж соответствуют члену партии, – и формулируется во всех случаях обвинение в связи с чуждым элементом. Кое-где даже образовали бытовые комиссии по чистке, которые наводят справки в домкомах о благопристойности поведения члена партии, о том, кто у него бывает, не пьет ли он, а если пьет, то как часто и с кем. Тут неизбежно будут сбиваться на сведение личных счетов, подсиживание и выживание под флагом заботы о чистоте партии. Вот это тревожит, как бы в отдельных случаях не снизить смысла и значения чистки до подбора отдельных мелочных фактов, может быть кое-что и говорящих о члене партии, но не отвечающих на основной вопрос: участник ли он в деле нашего строительства, живет ли он интересами партии, чем и как он свидетельствует о своем праве носить высокое звание члена коммунистической партии. А это главное и решающее⁹.

Более того – Сольц призывал объявить войну формализму, всяким формальным признакам: «Надо в каждом случае разобраться и решать вопрос *не механически*, не *по внешним признакам*. Надо не только словесную и печатную борьбу вести с бюрократизмом, а надо на деле в каждой работе выжигать каленым железом все элементы формализма»¹⁰.

Уход от формализма – это *сознательное стремление* к неопределенности.

Сольц, как и Ярославский, утверждал противоположные тезисы без какого-либо методического решения.

С одной стороны:

Чистка должна происходить гласно, на открытых собраниях с участием беспартийных трудящихся масс. Этим путем нам удастся вычистить наибольшее количество чуждых, примазавшихся или выродившихся на почве принадлежности к правящей партии бюрократов.

С другой стороны:

...много внимания и сугубую осторожность надо будет приложить, когда дело *идет не о явно негодных элементах* (курсив мой. – А. Ю.), а о тех членах партии, которые не удовлетворяют требованиям, так настойчиво выдвигаемым сейчас партией, не умеющих свои интересы слить с интересами строящегося коллектива, не умеющих по-новому жить, действовать и строить¹¹.

⁹ Сольц А. К чистке // Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Там же.

Подобная установка в «чистке» была принята специально, чтобы создать ситуацию устрашения всякого члена партии перед необходимостью *слепо и безоговорочно* подчиняться «генеральной линии». Кампания по «чистке» была естественным продолжением кампании по «самокритике». Новая эпоха рождающегося сталинизма – чуждая нэпу – требовала не только новой классовой борьбы, новой гражданской войны, но и своеобразной антропологической революции, в которой страх перед необъяснимым, но всегда возможным наказанием породил людей, боявшихся не только действий властей, но и собственных мыслей.

Февральский (№ 8) номер «Крокодила» открылся символической картинкой:

Крокодил. 1929. № 8. С. 1

Осознавала ли редакция журнала «Крокодил» эту неопределенность в критериях чистки партии? Сатира, пусть и официальная, несовместима с пафосом – она требует образного и точного попадания в суть происходящего. Кого разоблачать? Партийные лидеры выступали не только против тех, кто примазался к партии, но и против всяких злоупотреблений при решении вопроса о членстве в партии. В какой *мере* сатирического осмеяния представить тех, кто недостойн иметь партбилет, и тех, кто лишь изображал принципиальность и преданность партии, но был чужд ее требованиям?

Крокодил. 1929. № 8. С. 8

Выделим в официальной сатире наиболее существенные моменты трансляции идей *партийной чистки* 1929 года, круг ассоциаций, символические формулы, образы.

Материалистические аллегории чистоты

Идею партийной чистки журнал «Крокодил» аллегорически выражал через одежду – мир материальный, в котором – как в мире предельных сущностей – должна пребывать некая абсолютная социальная чистота. Но какова она? Чистенький костюмчик интеллигента, – это ли социальная чистота, стремящаяся к своему абсолютному воплощению? Или это одежда рабочего – грязная от трудов?

В трансляции идеи абсолютной социальной чистоты члена партии не было однозначности!

Посмотрим на карикатуру, опубликованную в восьмом (февральском) номере журнала. Никто не подумает, что рабочий в грязном костюме будет вычищен из партии, а вот бюрократ в чистеньком костюмчике с портфелем обязательно покинет партию, потому что своим обликом он олицетворяет тех, кто «примазался» к партии.

Но в том же номере журнала был опубликован очерк В. Павлова «Чуждый элемент», в котором восприятие чистоты внешнего облика перед чисткой совсем другое – прямо противоположное.

Очерк неслучайно начинается со слов: «Конечно, по-разному можно к чистке относиться».

Крокодил. 1929. № 8. С. 7

Дальше – описание того, как ведут себя люди перед чисткой в одной организации: счетовод Акульшин – «трепещет», делопроизводитель Клюкин – «запил во всю – “все равно пропадать!”», отсек (ответственный секретарь) – «из райкома не вылезает», замзав отделом Пунин – «взял у врача свидетельство о туберкулезе во второй стадии и с бюрократизмом бороться начал», сам заведующий – «работает над сокращением штатов и с женой развелся на всякий случай», бухгалтер Петюшкин – «плюет на все с высокого дерева – “торговлю, говорит, открою!”»... Можно ли признать в этих характеристиках положительную реакцию на чистку в партии? Едва ли – это типажи отрицательные, их ждет чистка... Но вот появляется другой персонаж – непонятный, с необъяснимой для окружающих манерой поведения. Это младший ревизор Демидов. Чем он странен?

Первое – не озабочен. То есть до того не озабочен, будто для него не чистка, а утренний чай пить с калачом. Второе – пререкается с завом. Все-таки там чистка – чисткой, а зав – завом. Все-таки у него, а не у кого иного спросят о поведении на службе, так и вне оной! Третье – на собрание ячейки, на которое ожидался представитель райкома с предупреждением о том членов ячейки, явился в неподобающем предчисточному периоду костюме. Мы все пришли в рабочих одеждах, – сапоги высокие, брюки поношенные, косоворотки там или потрепанные толстовки, а товарищ Пунин даже добыл откуда-то френчик образца 19-го года. Что же делает Демидов? Демидов является *в глаженке и при галстуке. И галстук противный, с крапинками!* (курсив мой. – А. Ю.) Я обратил внимание отсека, – тот поманул пальцем Демидова:

– Товарищ, допустимо ли это? – и указал на глаженку и галстук.
– В чем дело? – прикинулся Демидов дурачком – я всегда так одеваюсь!

– Ваше всегда – не к месту, товарищ! Чистка не всегда бывает!

– А при чем тут чистка?

Отсек пожал плечами, – раз человек сам на партрожон лезет, – что с ним поделаешь?!

Представитель райкома ничего Демидову на людях не сказал, но глазом покосился и, думаю, запомнил.

После собрания и другие подходили к Демидову и указывали на недопустимость поведения в настоящем. Но он – ноль внимания. Подошел с другими и я:

– Неудобно, тов. Демидов! Если ваше частное дело нас не касается, – может, вы с намерением хотите лишиться билета, – то не имеете права бросать тень на ячейку, ибо представитель райкома не может не принять во внимание! К чистке, товарищ, так нельзя относиться! Наряжаетесь, как на праздник...

– А по-вашему, чистка – не праздник? – нахально спрашивает Демидов.

Что с ним поделаешь? Мы и это запомнили. Конечно, у него есть оправдание, – чуждый он элемент нам вообще: выдвигенец! Ему все равно в нашем учреждении не удержаться – чем выдвигенец рискует?!

Думаю, его в первую очередь...¹².

Концовка очерка такова, что не осуждается и логика автора, считающего, что нужно идти на чистку в рабочей одежде, и логика младшего ревизора, отвергающего путь приспособления к обстоятельствам, – и потому готового явиться на партийную чистку в костюме с ярким галстуком. Положительный пример Демидова не отрицает того, что внешний вид партийца был своеобразной сигнальной системой для партийной чистки.

Особое внимание уделялось галстуку – яркий галстук едва ли не самый сильный признак чиновника-бюрократа, привыкшего к нэповскому образу жизни.

Посмотрим еще раз на галстук недостойного коммуниста – на первой странице восьмого номера «Крокодила».

¹² Павлов В. Чуждый элемент // Крокодил. 1929. № 8. С. 11.

Фрагмент
карикатуры

Крокодил. 1929.
№ 8. С. 10

Фрагмент карикатуры

«Галстук противный, с крапинками» – из фельетона «Чуждый элемент» – допускается у того, кто не скрывает своего естественного поведения. Но тем не менее этот элемент одежды сигнально выражал собой уходящую эпоху. Подобный галстук представлен в следующей картинке, опубликованной в том же февральском номере журнала, чтобы показать портрет настоящего бюрократа: он и видом противный, и галстук «с крапинками» не помешал – для завершения портретной характеристики.

Если не знать контекста массового восприятия чистки, то можно и не понять следующую карикатуру (из того же февральского номера), в которой мы видим странную сцену, – люди осматривают *ради покупки* явно бракованные вещи, а один «покупатель с идеологией» ехидно замечает, что за это «барахло» еще *нужно* платить.

Но зачем за барахло платить?

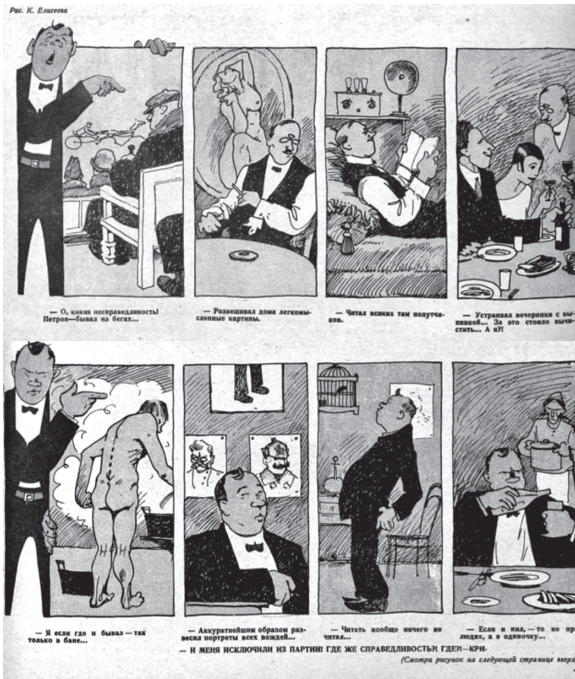

Крокодил. 1929. № 8. С. 3

Как сказано в очерке «Чуждый элемент», на партийную чистку подобает идти в рабочей одежде – в поношенной, не новой, чтобы показать свою рабочую сущность. На карикатуре изображены люди с достатком, выбирающие для себя всякую рвань ради партийной чистки. Разумеется, это сатира, но она не могла возникнуть не на реальной почве: люди в самом деле связывали свое отношение к партии с миром материальных символов. Если уходить от нэпа, то нужно уходить от всего яркого, необычного, красочного, индивидуального; раз начинается классовая борьба, то лучше быть в рабочей одежде, или как некоторые – во френче эпохи Гражданской войны.

Знаковая система изображаемой одежды сразу давала информацию – как относиться к человеку. Если изображен галстук-бабочка, то никакого другого смысла, кроме избалованного, нет и быть не может.

Вот один из примеров:

Крокодил. 1929. №15. С. 7

Того, кому суждено уйти из партии, наделяют во внешнем облике признаками неблагополучия, несоответствия социальному идеалу

чистоты. Читатель «Крокодила» зрительно угадывал развитие сюжета. На рисунке А. Зубова (см. ниже) первый фрагмент (если смотреть слева направо) показывает, что коммунист – приспособленец. Его выдает костюмчик – и слышен крик ужаса «Чистка!!! Будь готов!!!» В следующем фрагменте он изображен уже в рабочей одежде с молотком в руке, глядящим на себя в зеркало; далее показано, что он не умеет работать топором, но при этом достигает своей цели – у него, как у настоящего рабочего, теперь «мозолистая рука». Потом он снова в неподобающе роскошной зимней одежде с модным воротником – и ему льстиво пожимает руку гардеробщик. В последнем фрагменте этого ряда плохой коммунист плюется, пробегая около рекламы оперетты...

Крокодил. 1929. № 8. С. 4

Следующий ряд – демонстрация «преданности» партии. В модном зимнем пальто он бросает в урну газету «для деревни» под названием «Беднота», не жмет руку такому же, как он – и тоже в модной одежде (это подчеркивается острым воротником), засыпает себя советскими газетами, партийными резолюциями, видна даже надпись «ноябрьский пленум» (имеется в виду пленум 1928 г.), торжественно идет на чистку в рабочей одежде, в кепке, с молотком в правой руке, распевая песенку «свою собственной рукой...», – и вот закономерный финал: вылетает из партии со словами «зря трепался».

Крокодил. 1929. № 8. С. 5

Как видно, важнейший мотив узнавания тех, кого следует выгонять из партии – это одежда: она или подлинная, то есть соответствует внутреннему миру коммуниста, или она придуманная ради прохождения чистки. Партийная чистка таким образом следит за чистотой рядов партии по тому, насколько человек соответствует своей одежде. Это – художественное иносказание, своеобразный перевод слов Ярославского (и всех прочих, говоривших с высоких трибун) о том, что нужно следить за тем, чтобы в партии не было приспособленцев.

Антиформализм как метод «чистки»

Формальную сторону чистки «Крокодил» высмеивал Савелий Октябрьев в фельетоне «Инструкция для чистимых».

Нет никакой инструкции!

И быть не может.

Но на то и сатира, чтобы высмеять тех, кто думает, что формальная сторона (одежда, биография, слова-жесты, демонстрация преданности) помогут пройти испытание.

...опыт учит, что чистимые члены партии не получают никаких инструкций и наставлений, через это попадают иногда в положения неприятные и непредусмотренные. Предлагаемая инструкция, надемся, явится для них серьезною опорой на трудном и каменистом пути прохождения чистки.

Раздел I

Подготовка к чистке

1. Не позже, чем за две недели до дня чистки надлежит начать подготовку к прохождению оной. В сих целях рекомендуется: а) обратиться с письмом в бюро ячейки (копия в райком) с просьбой о дополнительной партнагрузке; б) ознакомиться с уставом ВКП(б); в) ознакомиться, хотя бы в общих чертах, с программой означенной партии; г) погасить задолженность по партвзносам.

2. Наряду с проведением указанных мероприятий следует составить список всех ответственных работников с дореволюционным стажем, лично знакомых чистимому, и в необременительной для них форме напомнить им о своем существовании.

3. В разговорах с товарищами по ячейке надлежит горячо приветствовать чистку, осторожно намекая, однако же, на возможность отдельных прискорбных ошибок.

4. Попутно с означенными разговорами не мешает, время от времени, просить у товарищей 40–50 копеек на обед, подчеркивая тем самым свою материальную необеспеченность и скромность образа жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ. Молиться богу о благополучном прохождении чистки, давать благочестивые обеты и т. п. не рекомендуется: не помогает.

РАЗДЕЛ II

ПРОХОЖДЕНИЕ ЧИСТКИ

1. Явиться на чистку рекомендуется в обычном рабочем костюме: не очень новом и чистом, но и не слишком грязном и заношенном, блюдя в одежде среднюю линию между неприхотливостью личных навыков и требованиями культурной революции.

2. Держаться перед комиссией надлежит прямо, дабы даже изгиба корпуса не наводило ее на мысль об уклонах.

3. На вопросы членов комиссии следует давать по возможности прямые, не уклончивые ответы. Так, например, на вопрос о пристрастии чистимого к спиртным напиткам не следует отвечать: «Де, ведь, другие-то тоже пьют», – а надлежит ответить коротко и ясно: «Странный вопрос, товарищи!..».

ПРИМЕЧАНИЕ. На обычный вопрос: «А что вы будете делать, если вас исключат из партии?..» – не рекомендуется отвечать: «Ну, открою лавочку или займусь частным комиссионерством...» Подобные ответы, при всей их искренности, производят неблагоприятное впечатление...⁴.

В восьмом номере журнала было опубликовано стихотворение Грамена под названием «Безупречный».

В самом деле – а если человек делает все, как надо по уставу партии, не впадает в уклоны, уплачивает взносы, не пьет, ни с кем не спорит и голосует с большинством, – разве этого не вполне достаточно, чтобы остаться в партии?

Живя всегда согласно с партуставом,
Партвзносы я уплачиваю в срок.
Меня в уклоне – в левом или в правом –
Подозревать и враг бы мой не мог...
Наоборот, иному дуралею
Я партуклон в два счета сам приклею:
Пускай со мной не затевает склок!..
К тому же, я – большой приятель с завом...

⁴ *Октябрь* С. Инструкция для чистимых // Крокодил. 1929. № 8. С. 7.

Не расходясь ни в букве с партуставом,
 Партвзносы я уплачиваю в срок.
 В партдень всегда хожу на партячейку:
 Без этого – среда мне не среда!
 Не юдофоб. На днях одну еврейку
 Устроил к нам без всяких бирж труда!
 В своем кругу могу, под рюмку водки,
 Насчет «жида» пустить две-три остротки, –
 Так это ж кто поставит мне в упрек?..
 И, вообще, все подтвердят всегда вам:
 Не расходясь ни в букве с партуставом,
 Партвзносы я уплачиваю в срок!
 Кому и чем я в партии опасен?
 В ячейке я не спорю ни о чем,
 И если даже с меньшинством согласен,
 То голосую молча с большинством...⁵

И так далее...

Словом, нарисован портрет приспособленца. Но если нет формальных замечаний по партийной дисциплине, если нет замечаний по бытовому поведению, то как решать вопрос о мыслях? Как доказать вину человека перед партией, если искренность не проверяется прибором ночного видения? Как доказать, что неформальные причины для чистки в точности совпадают с деятельностью человека – *ни в чем антипартийном* не замеченного? Стихи Грамена выражают собой пространство неопределенности, которое представлено и в партийных речах. Остается ждать, что комиссия *может увидеть* в человеке ту самую неискренность и то самое приспособленчество, которые никакими формальными критериями не выявляются.

Но может и не увидеть!

И как решится вопрос о членстве в партии – зависит от неформального (но какого?) отношения.

Так возникает ситуация неподконтрольного страха перед мистической силой коллективного решения, которое невозможно предугадать. Многое зависело от обстоятельств развернувшейся самокритики (сам на себя обязан донести) и критики товарищей как партийных, так и беспартийных на собрании по чистке.

Вполне благополучно закончилась чистка для героя фельетона Вл. Павлова «Непредусмотренное»⁶: Степан Иванович Карнаухов

⁵Грамен. Безупречный // Крокодил. 1929. № 8. С. 6.

⁶Павлов Вл. Непредусмотренное // Крокодил. 1929. № 40. С. 4.

услышал слова поддержки в зале, – «Свой парень, – чего там!», – хотя, как оказалось, его то и нужно причислить к людям, не заслуживающим подобных слов одобрения. Чем он «не свой»?

Прежде всего – своими мыслями.

Их автор фельетона обращает в обвинение, которое не прозвучало на партийной чистке.

Мысли же – о себе.

Нет в Карнаухова такой самоотдачи и беспрекословного подчинения, которые вытравили бы стремление к личному благополучию. На заседании по чистке, уже после того, как прошла проверка коммунистов, поступило предложение отправить кого-то в провинцию, и тут Карнаухов забеспокоился. Он вспомнил о задуманной им вечеринке, скромной, чтобы никто ничего дурного не сказал о проверенном коммунисте, а тут – переезд в провинцию! Менять квартиру, работу!..

В августовском (№ 29) номере «Крокодила» был опубликован «Романс о тигре и чистке». Личное – это «мещанское» – это основание, чтобы сдать в комиссию партбилет.

Ночь. Спальня. Полумрак. Тепло до дурноты.
Спит кенарь в клетке и молчат цветы.
На креслах френч, перчатки и капот.
В одном углу сундук, в другом – киот.
Постель двуспальная – супругов идеал. –
Гора перин, подушек, одеял.
Жена и муж. Ей сдобных тридцать лет,
А у него портфель и партбилет.
Его пленил дурмящий елей, –
И он оглох под звон своих цепей.
И шкура тигра мордой к столу
Повержена под туфлей на полу.
Он за цветы, перины и капот
Ей отдал мысли дерзостный полет...
А у постели тигра верный глаз
Под туфлей женской навсегда погас.
Москва гремит за пологом окна.
Ей вторит в тон советская страна.
А здесь киот льет мрачный полусвет, –
И сдать в КК придется партбилет⁷.

⁷Галин Вл. Романс о тигре и чистке // Крокодил. 1929. № 29. С. 11.

Идеальный мотив «чистоты» коммуниста – отказ от всего, что связывает с индивидуальными интересами, приоритетами ради полного растворения своего «я» в коллективности партийных решений.

Но это невозможно!

Разумеется, невозможно.

Однако это требование артикулируется – транслируется в массовое сознание, и вместе с такой невозможностью реализации себя в полном обезличивании рождается страх от того, что всякий человек, не потерявший свое лицо и личные интересы, *всегда виноват*, всегда не достоин партийного идеала.

Доносительство – этическая норма партийной «чистки»

В июньском (№ 24) номере «Крокодила» был опубликован очерк Вл. Павлова под названием «Скотина». В нем речь идет о том, что могут быть «невычищенные по ошибке».

Рассказчика это беспокоит:

...бывают такие супчики, которых не то что в партии, – на работе держать нельзя, но под них, однако, не подкопаешься. По форме он правильный, а по существу – чуждый элемент и позорное клеймо!

– Доберутся, и до существа...

– Ну, где же добраться! Не доберутся.

– Почему?

– Да потому. Вот, например, в нашей ячейке один такой есть... По форме – надо быть лучше, да некуда: партстаж с семнадцатого, обязанности выполняет, голосует за линию, ни в чем не замечен... А знаешь ты, каков он таков гусь на самом-то деле? Знаешь?..

– Да ты о ком говоришь-то?

– Не твое дело. Фамилию называть я не желаю. А достаточно тебе знать, что у этого типа – брат спекулянт, и что тип этот братними деньжишками и делишками отнюдь не брезгует! И достаточно тебе знать, что в своем кругу он высказывается не только против линии партии, но даже и против советской власти! Настоящая контра с буржуазной идеологией, не говоря уже о том, что отъявленный антисемит! И партстаж у него липовый: это мне тоже достоверно известно. Вот! Так что ж, по-твоему: это – укрепление рядов, если таких в партии оставлять!

– Да кто ж таких оставляет? Ясно, что его вычистят!

– А за что?

– Как, то есть, за что?.. За буржуазное перерождение, за мошенни-

чество с партстажем, за антисемитизм, за смычку с чуждыми элементами...

– Чудак-человек, да кому же это известно? Ведь об этом только я знаю, да еще один человек... Да тебе, вот, я рассказал... А проверком-то откуда ж узнает?

– Как это так – откуда?.. Ведь ты-то заявишь об этом при чистке?

– Я?! Да ты с ума сошел!.. Довольно с меня заботы – самому чистку пройти! Стану я еще во всякие грязные истории впутываться!..⁸

Обратим внимание на то, что рассказчик в фельетоне выставлен негативно-сатирически именно потому, что свое личное ставит выше партийного. Его недостаток в том, что он не вполне растворился в интересах партии, думая прежде всего о себе, хотя и осуждает того, кто не достоин членства в партии.

Правильный коммунист – его собеседник, для которого донос – нравственно *совершенно* оправдан, ведь *нравственной сущностью* он признает коллективное начало партии:

– Ну, а если я заявлю?

– Это о чем же, например, ты заявишь-то?

– Вот о том, о чем ты мне рассказывал...

– Брось дурака-то валять! Я тебе даже фамилии не называл, – про кого ж ты заявишь?..

– А я на тебя сошлюсь. Он, скажу, и фамилию знает, и подробности...

– Ну, уж это ты оставь!! Ничего я не знаю, никаких фамилий, и ничего тебе не рассказывал! Что за скотина за этакая, ей-богу!..

– Кто?

– Да не я же... Свинство, ей богу! Я тебе по-товарищески это, как партийный партийному, а ты... Знал бы, – не стал бы и разговаривать с такой свиньей!..⁹

В октябрьском (№ 40) номере журнала был опубликован фельетон Грамена «Все в порядке». В нем описывается похожая ситуация – что и в упомянутом выше очерке. Человек рассказывает, как проходила партийная чистка:

Чемоданов рассказал свою биографию, стер грязным платком пот со лба, жалостно улыбнулся и сел.

⁸Павлов Вл. Скотина // Крокодил. 1929. № 24. С. 2.

⁹Там же.

– Вопросы есть, товарищи? – спросил пред проверкома.

Собрание молчало.

– Нет вопросов? Все ясно? – спросил пред проверкома.

Собрание молчало.

Тогда мужественный, прямолинейный, честный т. Курицын встал и попросил слова.

– Вопросов у меня нет, – сказал он, – да и не нужны никакие вопросы! Зачем они? Разве мы не знаем товарища Чемоданова?

– Знаем!.. – загудело собрание. – Чего там!..

Парень свой!.. Хороший парень!..

Смелый, прямой, решительный т. Курицын обвел всех презрительным взглядом и отчеканил:

– Врете, товарищи!

Ошарашенное собрание замолкло. Товарищ Курицын повторил:

– Врете! Не знаю, что вас заставляет врать: трусость, мягкотелость или интеллигентская деликатность, но вы врете! Все вам отлично известно, что Чемоданов – никак не свой парень! Примазавшийся прохвост, – вот он кто, Чемоданов-то!..

Чемоданов вскочил и заморгал. Собрание зашумело. Но т. Курицын смело и уверенно продолжал:

– Чемоданов – подхалим и карьерист. Вы это знаете и в разговорах друг с другом всегда подтверждаете! Чемоданов – антисемит: разговаривая «по-душам», он признался в этом и мне, и Петрову, и Губошлепову, и многим другим! Чемоданов голосует вместе со всеми, но побеседуйте-ка с ним в частной обстановке: он не верит в успех реконструкции, он против вытеснения частника, он издевается над социалистическим соревнованием!.. Это и я от него слышал, и ты, Смирнов, и ты, Твердохлебов...

– И я слышал!.. И мне говорил!.. – раздались подтверждающие голоса.

– То-то же и есть, – насмешливо сказал тов. Курицын. – Теперь, небось, заговорили, а то – «свой парень, чего там»!.. Молчальники несчастные!.. Вот из-за такого молчальничества и получается, что в советских ячейках процент вычищенных ниже, чем в производственных! Не заговори я, – вы бы тоже ни звука не издали, и Чемоданов, эта партвошь, эта беспринципная гнилушка, остался бы в рядах партии! Биография у него приличная, поступков за ним не числится, членские взносы платит, в уклонистах не состоит, партнагрузку выполняет, – чего еще надо?.. А по-настоящему-то, такого типа не только в рядах партии, – на службе держать нельзя! Ведь это шептун, подленький обыватель, классовый враг, притворившийся коммунистом!.. Да и притворяется-то только на ячейке, а в разговорах, в частной жизни его подлинное лицо выявляется на все сто процентов! И вы все знаете

это... И все-таки молчите, покрываете проходимца, потому что трусы вы, слизняки, мокрицы!..

– Правильно!.. – загудело собрание. Молодец Курицын! Крой и его, и нас!.. Подтверждаем, верно он говорит!..¹⁰

Так «чистили» Чемоданова, но... в воображении Курицына.

Неформальная сторона партийной чистки – это сфера *публичных доносов*: потребность в них заложена в саму процедуру чистки.

Ибо в ней не ждут формального выполнения требований партии.

Ждут – большего!

Неформальной оценки коммуниста партийным и беспартийным коллективом.

Эта этическая норма коллективизма манифестируется, но она еще не укрепилась, как того хотелось бы «Крокодилу» и партийным властям.

Так чистили Чемоданова... до чистки, в воображении т. Курицына. А на чистке, когда проверком спросил, нет ли заявлений на Чемоданова, т. Курицын выкрикнул с места:

– Да чего там, знаем его: хороший парень!

– Чего там, знаем! – загалдели другие. – У него все в порядке! О чем говорить!..

И предпроверкома, улыбаясь, сказал Чемоданову:

– Ну, что ж, товарищ... Значит, выдержали экзамен. Вы свободны, товарищ!¹¹

Чтобы были ясны мотивы «мыслепреступлений», которые необходимо учитывать при прохождении партийной чистки, в журнале «Крокодил» регулярно публиковался «альбом нечистых» – тех, кто формально не нарушает ни устав, ни дисциплину, – об этом и речи нет, – но кто допускает всякие сомнения в отношении самой очистительной процедуры.

Вот некоторые примеры из февральского (№ 8) номера:

¹⁰ Грамен. Все в порядке // Крокодил. 1929. № 40. С. 2.

¹¹ Там же.

Чистка государственного аппарата

Формально журнал «Крокодил» предупредил читателей о начале большой кампании по чистке государственного аппарата в майском (№ 18) номере. Однако редкие упоминания о проведении чистки аппарата были и раньше.

Например – апрельский номер:

Крокодил. 1929. № 13. С. 4

В майском (№ 18) номере, на первой странице журнала, было заявлено: «1 мая началась чистка госаппарата».

Крокодил. 1929. № 18. С. 1

Сама же хронология принятия и оформления ключевых решений по чистке была такой.

15 мая 1929 г. проект постановления о расширении прав РКИ был направлен в СНК СССР. 22 мая 1929 г. был составлен проект постановления ЦИК и СНК СССР «О чистке аппаратов государственных органов, кооперативных и общественных организаций». 28 мая 1929 г. состоялось объединенное заседание ЦИК и СТО, на котором обсуждался вопрос о чистке госаппарата. Задумана была общесоюзная кампания на период 1929–1932 гг. Директивы партии о проведении чистки регулярно обсуждались на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б). 17 июня 1929 г. принят был проект директивы «О партруководстве чисткой соваппарата» [Киселева 2014, с. 76].

12 сентября 1929 г. утверждено совместное постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) «О ходе проверки и чистки соваппарата». В ноябре 1929 г. была принята директива ЦК ВКП(б) «О подготовке выдвижения новых кадров в связи с чисткой госаппарата».

В последующих номерах журнала можно увидеть, что обе чистки *то сливаются, то отделяются* друг от друга. Последуем за этой логикой отождествления и различения, чтобы понять, в каких случаях можно не думать о различиях этих кампаний, а в каких – нельзя не думать о различиях.

В некоторых случаях журнал «Крокодил» прямо указывал, что публикуемый материал имеет отношение к обоим чисткам. Так, например, в майском (№ 19) номере был опубликован очерк «беспартийного» Савелия Октябрева «Литургия оглашенных»,

в котором обе чистки сравнивались с ситуацией в православной литургии, когда дьякон возглашает: «Оглашенные, изыдите! Елицы оглашенные, изыдите, изыдите, елицы оглашенные!..». Если в церкви «оглашенные» – это те, кто лишь собирается принять святое крещение, и потому не допускаются до священнодействия литургии, то в эпоху чисток никто не хотел покидать службу и партию, или, как было написано в очерке – «не хочется исходить», а хочется остаться «в рядах партии и в составе соваппарата».

Савелий Октябрьев задавал вопрос: «...как достигнуть “оглашенным” означенной цели?»

И отвечал:

...установить советскую предочистительную «литургию оглашенных», примерный чин коей представляется мне в нижеследующем виде:

1. Оглашенные, т. е. ожидающие вычистки и исхода, собираются вкуче и зачитывают постановления о чистке. После сего кто-либо из служащих небольшого ранга воспеваает тонким тенором краткую «молитву Молчалина»:

– В мои лета не должно сметь

Свое суждение име-е-еть!..

В ответ на что клир трижды возглашает:

– Умеренность и аккуратность, умеренность и аккура-а-атность!..

2. Засим кто-либо из более солидных и ответственных внушительным баритоном читает «евангелие от Репетилова»:

«В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, и крепко на руку нечи-и-ист!.. Да, умный человек не может быть не плу-у-утом!.. Когда же о честности высокой говорит, каким-то демоном внушаем, – глаза в крови, лицо горит, сам плачет, а мы все рыдаем!»...

Клир воспевает:

– «Украшают тебя добродетели,

До которых другим далеко-о-о!»...

3. И, наконец, некто из наиболее сановитых произносит ответственным басом «молитву городничего» из «Ревизора»:

– Господи боже ты мой! Как же бы сделать так, чтобы начальство видело мое рвение и было довольно!..

Сия молитва, наиболее значимая и доходчивая, повторяется хором, после чего оглашенные расходятся к исполнению очередных дел и применяют в оном на практике все указания, извлеченные из молитвословий.

Вышеприведенный чин советской «литургии оглашенных» я предлагаю, конечно, принять лишь за основу. Поправки и дополнения, соответствующие местным обстоятельствам, разумеется, допустимы

и даже желательны. Лыщу себя мыслью, что в основе проект мой не встретит возражений, будет осуществлен и принесет неоспоримую пользу. В последнем я бы даже не сомневался, если бы не смущало меня то обстоятельство, что всякая «литургия оглашенных», как бы ни была она покаянна и молитвенна, все же должна заканчиваться неминуемым возгласом:

– Оглашенные, изыдите, елицы оглашении, изыдите!..¹²

У изгоняемых из партии и госслужбы – одна судьба: нет смысла проводить различие.

Одинаково осуждается и молчание людей на чистке – не важно какой.

Вот как изображена ситуация на чистке, без уточнения, какая она – на следующей карикатуре:

Крокодил. 1929. № 22. С. 2

В чистке госслужащих главный вопрос проверки – это социальное происхождение. Именно здесь разворачивалась новая гражданская война, которую начал Сталин поворотом от нэпа к «усилению» классово́й борьбы в период «реконструкции». Нэп держался на специалистах, инженерах, которые получили образование, специальность еще до революции. Большая их часть была непролетарского происхождения. Как следует из работ, посвященных специально чистке госаппарата, никаких критериев *по различению тех, кого собирались чистить* – не было вообще [Киселева 2014, с. 74]. Ясно формулировалась только мысль, что многие люди пролетарского происхождения, прошедшие Гражданскую войну,

¹² Октябрев С. Литургия оглашенных // Крокодил. 1929. № 19. С. 2.

не могут устроиться на биржах труда – и такая чистка могла бы дать им возможность получить работу. В наркоматах к подобной постановке вопроса со стороны руководителей чистки (Я. Петерса и др.) относились с большой тревогой и нежеланием менять людей по критерию социального происхождения, ведь специалистов и так не хватало.

Эта кампания, после нескольких лет затишья и умиротворения, вновь породила в массовом сознании образ «классового врага». Безработица была высокой, и многие люди видели в этой борьбе личную пользу для себя. Писали об этом простодушно, неуклюже, искренно:

Дать возможность работать всем, кто действительно завоевал себе право в самоуправлении и стоял на защите Октября и, благодаря протекционизма, остался без куска хлеба за бортом¹³.

О замене «вредителей» на классово чистых людей, хотя и непрофессионалов, писали как о благе для партии и страны:

...лучше взять на работу в свой аппарат малограмотных рабочих, бедняков и батраков, нежели держать около себя грамотных, но бюрократов и чиновников¹⁴.

Переход от сложной экономики нэпа к примитивной экономике военно-коммунистического типа – о чем с беспокойством говорил Н.И. Бухарин на пленумах ЦК ВКП(б) – требовал примитивных исполнителей, тех, кто готов был выполнить любой приказ без рассуждений¹⁵.

Всего было три категории вычищаемых.

Первая категория предполагала лишение всех прав на пособие, работу; людей, причисленных к этой категории, выселяли из квартир. Фактически их делали «врагами» советской власти – превращали в «бывших людей».

Вторая категория вычищаемых позволяла трудоустройство в другом месте, в другом учреждении, но изменить меру пресечения уже нельзя – это клеймо; третья категория вычищаемых означала чаще всего снижение в должности.

¹³ *Октябрев С.* Литургия оглашенных. С. 84.

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 106.

Крокодил. 1929. № 34. С. 10

Персональной чистке предшествовала деятельность «рабочих следователей» по сбору компромата на тех, кто вызывал подозрение¹⁶. Подозревали прежде всего тех, кто был выходцем из привилегированных слоев общества, кто был когда-то враждебен по отношению к Советской власти, кого подозревали во «вредительстве» и т. д. «Следователи» давали краткую характеристику работнику и рекомендацию – по какой категории «чистить». Большая часть этих характеристик – общие обвинения к классовой чуждости, не подкрепленные никакими доказательствами.

Крокодил. 1929. № 25. С. 10

¹⁶ Там же. С. 106.

Проблема социального происхождения особо волновала журнал «Крокодил». Был даже составлен обобщенный «портрет» того, кого вычищают.

Фельетон Л. Митницкого, опубликованный в сентябрьском (№ 35) номере, так и назывался: «Тот, кого вычищают». Была дана обобщающая характеристика.

Совбрюзга – это советская личность, которая до революции почтительно именовалась господином, высокородием, сиятельством, превосходительством¹⁷.

Никак не удается установить его прошлое! Но оно всплывает и без анкеты, «на глаз». По смыслу очерка видно, как было важно журналу снова разжечь костер классовой ненависти.

Если вы услышите такие выражения:

- О времена, о нравы!
- Человек человеку – волк, а говорят, что люди – братья.
- Человек создан по образу и подобию божьему, а не наоборот.
- Культура есть достояние интеллигенции.

Если вы подобное этому услышите – знайте, перед вами совбрюзга...¹⁸.

Доволен «совбрюзга» только тогда, когда слышит прежние слова об уважении личного статуса – дореволюционного:

Это когда кооперативный приказчик, по старой памяти, склоняется перед совбрюзгой и зашелестит вкрадчиво:

– Не угодно ли, господин ваша милость, ассортиментик? Для настоящего покупателя держим!

Также, когда лихой возница с козел крикнет совбрюзге:

– Пожа... пожа... ваша сиясь!..

Совбрюзга удовлетворен. Потирает руки, басит:

– То-то, дьяволы... Другое дело. Давно бы так...¹⁹

¹⁷ Митницкий Л. Тот, кого вычищают // Крокодил. 1929. № 35. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же.

Крокодил. 1929. № 40. С. 6

Помимо «чистоты» социальной обсуждалась и чистота физическая как условие существования в материальном мире. Иногда эта тема получала неожиданное развитие. Например, «чистку» сравнили однажды с просьбой сделать гражданке аборт, о котором было сказано с некоторым смущением... – это то, что «наоборот»...

Крокодил. 1929. № 26. С. 4

В следующей карикатуре нет никакого уточнения, какая это чистка, но очевидно, что это не чистка партии. Нельзя изображать – пусть даже плохих коммунистов, которым грозит быть очищенными из рядов ВКП(б) – в таком (откровенно вражеском) виде, как это показано в чистке под названием «Тайная вечеря». Персонаж по имени «зав», пародируя Христа в Евангелии, говорит: «Истинно

говорю вам – единый от вас предаст меня». Здесь важно было журналу показать *социально обобщенное лицо* тех, кто чужд не партии, а самой советской власти. Изображены лица явно иудейские, чтобы усилить впечатление от лицемерия тех, кто предан «своей» религии, и судя по изображенному столу с яствами – это сторонники рыночных отношений, экономики капитализма.

Крокодил. 1929. № 29. С. 6

Крокодил. 1929. № 29. С. 7

Естественно, что не только социальное происхождение имело значение в чистке госслужащих. Поскольку никаких критериев выработано не было, обращались к традиционным грехам представителей русской государственной власти – и здесь чистильщикам помогал опыт распознавания бюрократов и чинуш, осмысленный прежде всего русскими сатириками XIX в. В июльском (№ 26) номере журнала был опубликован стихотворный фельетон под названием «Сон Савелия Октябрева».

В наркомате нынче я не буду:

Я разбит и нервно потрясен...
 Не к добру, а, вероятно, к худу
 Мне вчера приснился жуткий сон.
 Снилось мне не дело о растрате, –
 Нам сейчас совсем не до растрат:
 Снилось мне, что в нашем наркомате
 Начинают чистить аппарат!
 Завы, помы, секи, машинистки –
 Все пришли. Явился и Рабкрин.
 И СИДЯТ В КОМИССИИ ПО ЧИСТКЕ
 ГРИБОЕДОВ, ГОГОЛЬ И ЩЕДРИН.

Я вздохнул, составом опечален,
 Предвкушая горе от ума,
 И гляжу, – вон чистится Молчалин,
 Вон, за ним, и Хрюмина сама...
 Что за чушь! Давно усопший люд-то!..
 Там, гляжу, –Иуда Головлев,
 Тут, поближе – Фамусов как-будто...
 Хлестаков... Башмачкин... Ковалев...
 Крикнул я: «Позвольте! Здесь ошибка!..
 Оживить не может старина!..»
 Но мелькнула едкая улыбка
 На суровом лике Щедрина.
 Он ответил: «Что ж, согласен с этим...
 ОЖИВИТЬ немисливо чинуш!»
 И, смеясь, добавил Гоголь: «Встретим
 Здесь зато немало мертвых душ!..»²⁰

Страх, порожденный чисткой «на глаз», не мог не породить волну переживаний, которую высмеивал «Крокодил».

В августовском (№ 30) номере был опубликован очерк Л. Митницкого «Тяжелый отдых». На морском берегу отдыхал обычный человек, совслужащий «двенадцатого разряда» по фамилии Нечкин.

Море журчало, и звук прибой напоминал Нечкину нечто связанное с его службой.

То оно журчало у пляжа гравием, как счетовод Самовязов костяшками счетов. То оно подхалимски лизало ответственно-мшистые скалы. То оно штормовало, как заведующий отделом – Козицкий. То дремало, как общее собрание...

И все это относилось мысли Нечкина к месту его службы.

– Что там сейчас? Гонятся за количеством, а перелома в руководстве, как говорится, нет как нет? – думал Нечкин по-стенгазетному. И, небось, охрана труда и производственное совещание – ау? Спать непробудно! Что уж говорить – казенное благополучие немисливо без плана и без смет. Кстати, товарищ зав, командировка – не отпуск, верните суточные денежки. Ау, ячейка Осоавиахима, проснись, ау! То же и Автодор и «Друг детей» – ау! Ау!!..²¹

²⁰ Савелий Октябрев. Сон Савелия Октябрева // Крокодил. 1929. № 26. С. 2.

²¹ Митницкий Л. Тяжелый отдых // Крокодил. 1929. № 30. С. 5.

Звук превращался для него в предупреждение об опасности. Смешно? Возможно. Но открывается механизм подсознательного воздействия «чистки» на психику человека, который не может для себя решить, чего ему бояться – и поэтому боится всего.

Кто-нибудь, например, упиваясь пейзажами юга, скажет восторженно розовой спутнице:

– Красота. Неописуемая красота!

И уж в отпускном Нечкине готов отклик:

– Неописуемая? Гм... Кстати, кому я оставил опись истекших дел?²²

Или – слышит он, как зазывает его духанщик кахетинским питьем. Но слышится то, что его беспокоит больше всего, а успокоить себя он не может, ибо нет никаких рациональных мотивов успокоения:

– А нет ли у тебя, духанщик, очищенной?

– Очищенной? – тут же вонзается в Нечкине, и готово – рождены уж траурные мысли о чистке. Как она там в учреждении? Когда?!

Даже хорошее настроение на отдыхе вдруг становится грозным психическим предупреждением:

...Нечкин произнес, простирая руки в безбрежную жаль:

– Белеет парус одинокий в тумане моря голубом!

Произнес и тревожно задумался:

– Вот именно, что в тумане. Вот я здесь люблюсь, а меня в этот текучий момент, может быть, беспрекословно сокращают. Может быть, стол мой уже заняли? Может быть...²³

Нечкин не выдержал – отправился к месту его главного беспокойства, и пока ехал в поезде, слышал:

Стучали под вагоном бесстрастные колеса, и в такт им колотилось сердце отпускного Нечкина:

– Туда, назад! На место службы. Там, на месте все выясню. И ну его к лешему с морем. Ничего в волнах не видно. То ли под рационализацию подвели, то ли сократили, а выходного не выписали? Нет, туда, назад. На место службы. А понадобится, можно и в городской речке по

²² Митницкий Л. Тяжелый отдых. С. 5.

²³ Там же.

месту службы искупаться. В крайнем случае и в баню сходить можно. В чем дело? Все можно. Только бы по месту службы, только бы не на расстоянии!²⁴

Герой фельетона заявлен как персонаж сатирический, но при этом он обычный человек, ему просто страшно!..

Кампания «чистки» в 1930 году

В декабрьских номерах журнала «Крокодил» за 1929 год ничего не было сказано о чистке в партии и госаппарате, – общая кампания явно отступала на второй план перед новыми идеологическими волнами. Партийную чистку считали завершенной в 1929 г. и потому в последующие годы ее специально не упоминали, а вот чистку госслужащих не забывали, но по всему видно, что эта кампания не вызывала уже прилива эмоций. Скорее, это было напоминание о процессе, который идет к своему завершению.

Лишь в мартовском (№ 10) номере за 1930 год читателю напомнили о «разоблачениях» в этом процессе.

Крокодил. 1930. № 10. С. 6.

О том, что к процессу «чистки» уже успели приспособиться, свидетельствует фельетон под названием «Изобретатель» в мартовском (№ 12) номере журнала за 1930 г.

Степан Степанович выдержал не одну, а много чисток и наездов «легкой кавалерии» в виде всяких ревизионных комиссий и, к удивлению всех сотрудников, продолжал оставаться на своем месте. Никто не мог объяснить эту загадку. Но однажды, когда у него было хорошее настроение, ему был задан вопрос:

²⁴ Там же.

Как это вы изволите все пребывать на своем месте заведующего-с... в то время, как некоторые, извиняюсь, ваши дела... виноват-с...

Степан Степанович открыл тайну:

...как только начинается неприятность, то есть чистка, налет или ревизия, так я сейчас же начинаю признавать свои ошибки... Не успевают они слово по поводу сказать, а я уже ошибку свою признал!.. Они в мое дело взглянуться не успели, а я уж и тут свою ошибку признал!.. Они спросить не успеют, а я признал ошибку!.. Ну, все видят и слышат, что я ошибки сам признаю, значит, и оставляют на своем месте, чтобы исправил их и работал дальше...

– Ну, и вы, конечно, исправляете свои ошибки, Степан Степанович? – спросил я.

Степан Степанович снова рассмеялся:

– Ну, что вы, чудак! Ведь ежели я начну свои ошибки исправлять, когда я работать буду?

– Ну, а если снова ревизия, чистка или налет?

– А я опять признаю свои ошибки... Признаю, признаю и признаю... Поняли? Так вот, молодой человек, учитесь!

– Я, конечно, стал учиться... И недавно с успехом признавал свои ошибки²⁵.

О том, что чистка аппарата по-прежнему идет полным ходом, напомнила карикатура в мартовском (№ 12) номере:

Крокодил. 1930. № 12. С. 12

²⁵ Чикарьков. Изобретатель // Крокодил. 1930. № 12. С. 8.

О характере прохождения чистки в 1930 г. свидетельствовали рисунки, изображающие «чуждых» советской власти людей – либо «бывших» господ, либо укоровившихся нэпманов.

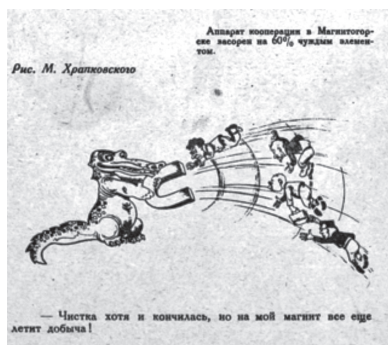
Крокодил. 1930. № 18. С. 5

Крокодил. 1930. № 19. С. 12

Чистку вспоминали все реже и реже, и в 1931 г. ее уже воспринимали в контексте других событий, связанных с активным разоблачением «оппортунизма».

Одна из последних карикатур в 1930 г. сообщала, что процесс чистки госаппарата завершается, но внимание «Крокодила» по-прежнему будет приковано к социально «чуждым элементам».

Крокодил. 1930. № 25. С. 2

Литература

Киселева 2014 – *Киселева Е.Л.* Чистка государственного аппарата 1929–1932 гг.: Основные комплексы источников, их анализ и значение: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т Рос. истории РАН, 2014.

References

Kiseleva, E.L. (2014), *Chistka gosudarstvennogo aparata 1929–1932 gg.: Osnovnye komplekсы istochnikov, ikh analiz i znachenie* [The Purge of the State Apparatus 1929–1932: Main Sources Complexes, Their Analysis and Significance], Ph.D. Thesis, Institut Ros. Istorii RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Iurganov@yandex.ru

УДК 94(47)-053.6

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119

Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома»

Александр Б. Асташов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, astashsh@yandex.ru*

Аннотация. В статье, написанной с использованием архивных материалов, партийной и комсомольской печати, этнографических исследований, анализируется развитие крестьянско-молодежного мира, в составе его основных половозрастных групп в рамках крестьянского мира, накануне и в ходе коллективизации. Основной акцент делается на динамике трансформации таких аспектов жизни молодежи, как участие в различных формах хозяйствования, семья, культура, быт, религия. Ставится вопрос об эффективности попыток влияния партийно-комсомольских органов в деле использования различных форм жизни молодежи в формировании социалистической деревни через кооперацию и коллективизированные хозяйства. Автор приходит к выводу о значительной устойчивости молодежного мира перед лицом вмешательства советских органов во внутреннюю жизнь молодежи, неуклонное развитие таких сторон модернизации этой группы, как перестройка семьи на личностных основаниях, рационализации сознания, секуляризации культуры и быта. Политика партийных и комсомольских организаций на селе объективно содействовала модернизации всех сторон жизни деревенской молодежи как части современного общества в его «социалистической» форме.

Ключевые слова: крестьянский мир, крестьянская молодежь, комсомол, коллективизация, культура, быт

Для цитирования: Асташов А.Б. Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 101–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119

The peasant-youth world at the time of the “Great break”

Aleksandr B. Astashov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, astashsh@yandex.ru*

Abstract. The article, written with the use of archival materials, party and Komsomol press, and ethnographic research, analyzes the development of the peasant-youth world, within its main sex and age groups within the peasant world, on the eve and during collectivization. The main emphasis is placed on the dynamics of transformation of such aspects of youth life as participation in various forms of farming, family, culture, everyday life, and religion. The question of the effectiveness of attempts to influence the party and Komsomol bodies in the use of various forms of youth life in the formation of the socialist village through cooperation and collectivized farms is raised. The author concludes that there is considerable resilience of the youth world in the face of the intervention of the Soviet organs in the internal life of the youth, the steady development of such aspects of the modernization of this group as the restructuring of the family on personal grounds, the rationalization of consciousness, the secularization of culture and everyday life. The policy of the Party and Komsomol organizations in the countryside objectively contributed to the modernization of all aspects of the life of rural youth as part of modern society in its “socialist” form.

Keywords: peasant world, peasant youth, Komsomol, collectivization, culture, life

For citation: Astashov, A.B. (2022), “Peasant-youth world in the age of the ‘Great break’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 101–119, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119

В литературе, посвященной переломному моменту в истории российской деревни, скромное место занимает роль крестьянской молодежи, она практически не отделяется от остальной массы крестьян. При этом в «советской» историографии подчеркивается активная помощь партии со стороны самих крестьян, включая молодежь, в подготовке и проведении коллективизации [Ипполитов, Слезин 2018; Кедров 2018].

Наоборот, в западной историографии молодежь, проявлявшая активную провластную позицию накануне «великого перелома», стала жертвой ускоренной коллективизации и фактически отстра-

нилась от участия в этом процессе [Фицпатрик 2001]. В настоящей статье проводится анализ настроений крестьянской молодежи как части «крестьянского мира» и деятельности советских органов в деревне накануне и в ходе коллективизации для решения проблемы социалистического строительства на селе. В работе используются архивные материалы, этнографические обзоры деревни и партийно-комсомольская печать.

В начале 1920-х гг. перед руководством страны встал вопрос о развитии социалистического строительства в условиях задержки мировой революции. Основным направлением было подтягивание социалистических перемен в деревне в условиях общего сельскохозяйственного подъема. Партия провозгласила политику «лицом к деревне»: готовить базу социализма в деревне как самой отсталой в социально-политическом плане части общества и одновременно важной для экономики страны. В решении этой задачи партия и комсомол опирались на ленинскую концепцию кооперации. Ее смыслом являлось перенесение задачи строительства социализма с директивно-политических методов в область культуры, всей деревенской жизни, включая быт¹.

Особые надежды в решении этих проблем возлагались на молодежь как на действенную часть общества, не зараженную взглядами и идеями прошлого. Речь шла о буквальном создании очагов в виде сельскохозяйственных коммун, состоявших из комсомольцев и сознательных крестьян. Это же касалось перестройки быта: борьбы с религией, развития передовых взглядов, просвещения. Таков был план переворота в деревне без административного нажима, без «перелома», через конкретные дела и успехи агентов коллективизации в виде молодежи.

Молодежь составляла важную часть крестьянского населения: 35,5% в возрасте 11–25 лет, что было равно остальному взрослому населению. Мужская часть молодежи обладала высоким статусом, практически постоянно была на отходе, пользуясь большой свободой в передвижении, вообще организации своей жизни, за исключением возможности работы непосредственно в городе, на фабриках. Важной частью молодежи были девушки, которых было больше, чем ребят, за счет мобилизованных, ушедших в отход. Крестьянская девушка вообще находилась в особом положении по месту в хозяйстве: деревня практически держалась на женщинах, была «бабьей». Это определяло все стороны быта девушки-крестьянки: ее место в домашнем хозяйстве, статус в деревне, невозможность

¹Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 45. С. 369–377.

свободно «гулять», уйти на фабрику, тем более учиться, уозсть круга ее интересов².

Тяжелой была судьба девушки-батрачки. Ее жизнью распоряжался отец, который, будучи не в состоянии обеспечить приданое дочери, сдавал ее в батрачки кулаку. Последний же, заставляя работать девушку за приданое, всячески ее обманывал, нещадно эксплуатируя, применяя даже сексуальное надругательство³. Тем самым понятия «кулак» и «старик» для работницы были равноценными.

Объективным союзником в жизни молодежи являлись маленькие дети («мелочь»). Не обладая какими-либо правами, дети выполняли массу хозяйственных технических подсобных работ и составляли обособленную, часто враждебную по отношению к «взрослым», замкнутую группу⁴.

В социальном плане молодежь на 75% состояла из середняков и бедняков, включая батраков. Именно молодежь рассматривалась естественным союзником партии в продвижении к делу социализма, что отражалось и в быстром росте комсомольских организаций: 33 тыс. ячеек и 660 тыс. комсомольцев в деревне (на 1925 г.). Правда, опора партии, молодежь, составлявшая 40–60% учтенного батрачества, была отсталой, непосредственно соприкасалась с враждебной, классовой средой кулачества. Не способствовало изменению социальной ситуации в деревне и дело образования. Детей плохо учили, отмечалось падение школьной дисциплины, низкий уровень культуры⁵.

Молодежи противостояла группа середняков и кулаков. Поддерживая нэп, они эффективно использовали механизмы кооперации, чтобы заставить их работать на себя. Главной их целью было

²Зиман Ф. Крестьянская девушка и Р.Л.К.С.М. М.: Молодая гвардия, 1924. С. 4–6; Комсомол лицом к деревне. Комсомол и крестьянская молодежь. М.; Л.: Мол. гвардия, 1925. С. 60; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001. С. 206; Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. С. 53; Голубых М.Д. Казачья деревня. М.;Л.: Госиздат, 1930. С. 120, 185.

³Комсомол лицом к деревне... С. 67.

⁴Мурин В.А. Указ. соч. С. 17.

⁵Росницкий Н.А. Лицо деревни: По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенск. губ. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 105, 127; Варламов И. Основные задачи комсомола в деревне. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. С. 15; Работа профсоюза и комсомола среди батрацкой молодежи. М.: Изд. ЦК Союза Сельхозлесрабочих СССР, 1927. С. 4, 5.

недопущение социалистической кооперации и коллективизации. Материалы обследований деревни показывали полное засилье кулаков, зажиточных крестьян, торговцев в сельсоветах и волыс-полкомах⁶.

У крестьянской молодежи существовали свои настроения, не всегда совпадавшие с пожеланиями партийных работников. Уже со времени мировой войны произошла серьезная перемена в отношении крестьянской молодежи к родителям⁷. Исчезло почитание, сыновнее послушание, крестьянская власть в лице волостного управления. Однако у родителей, «стариков» еще оставались рычаги воздействия на непослушную молодежь в виде хозяйства, опыта, которыми они не торопились делиться с молодыми. Особенно это касалось девушек, требовавших «наряда» на будущую свадьбу⁸.

В частушках рассматриваемого периода ярко выражены негативное отношение молодежи к родителям, старшим в крестьянской семье, которые «лезли не в свои дела». В частушках содержались угрозы уйти из семьи, бросить хозяйство, сменить мать на «аттрактор», заявления, что не боятся никого, что теперь «сами камисары, сами председатели». Доходило и до прямых столкновений молодежи с родителями. В целом в деревне вплоть до коллективизации продолжал оставаться острым конфликт поколений, начавшийся еще в конце XIX в.⁹ [Фицпатрик 2001, с. 32].

Основным нервом противоречий в деревне между стариками и молодыми был брачный вопрос. Старики настаивали на «выгодной» партии, навязывая молодым их «вторую половину». Молодежь, особенно девушки, полагала, что вопрос собственности в этом случае противоречит интимным, личным привязанностям. В целом молодые считали, что «человек дороже дому», требовали «выбирать человека», отвергая богатство как главный мотив в определении судьбы молодых, что сближало их представления с тем, что утверждала советская власть в своем неприятии «буржуазности в браке». На первое место ставилось само право на любовь, «выход замуж за любых». Любовь «по мысли», «гульба» понимались как

⁶Росницкий Н.А. Указ. соч. С. 32–36, 38, 63.

⁷Комсомол в деревне: Очерки / Ред. В.Г. Тана-Богораза. М., Л.: Госиздат, 1926. С. 115.

⁸Мурин В.А. Указ. соч. С. 11, 12, 17; Голубых М.Д. Указ. соч. С. 212; Дорогу живому делу! (опыт сельских ячеек ВЛКСМ Псковской губернии). Изд. Псковского губкома ВЛКСМ, 1927. С. 8.

⁹РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 39. Л. 3об.; Оп. 4. Д. 6. Л. 3, 20–22, 24, 36; Д. 9. Л. 5, 42; Д. 22. Л. 10–11; Мурин В.А. Указ. соч. С. 13–16.

«воля», свобода. В частушках это подкреплялось словами Максима Горького, который «повелел любить всегда»¹⁰.

Однако о «любви» в деревне как о социальном, тем более «философском», вопросе не говорили. Господствовали практические представления об отношениях полов. Добрачная половая связь стала чаще по сравнению с довоенным временем, но была значительно реже, чем в городе. В нее вступали чаще батрачки или работницы совхозов, не испытывавшие давления своей семьи. Опять же, свобода любви не означала «свободной любви». По существу, молодежь не жила половой жизнью в буквальном смысле, ограничиваясь невинным обменом интимных отношений (поцелуи, обнимания и т. п.). Ухаживания так и оставались ими, без брака, который продолжал происходить по указанию родителей. Ждали 18 лет, когда отцы женят. Женитьба по любви являлась даже объектом насмешек, ее стыдились. Понятия же «гражданского брака», разводов были очень редки. Молодежь была за свободный брак, но против частых разводов: «кому она будет нужна, такая подержанная»¹¹.

Собственно разводы осуждались как «мода новомодная». Если раньше, до войны, измены терпели, теперь ни муж, ни жена их не прощали, подавая на развод. Выбор жениха или невесты теперь не зависел от семьи, будучи заменен регистрацией брака в «исполкоме», в «камитете». Присутствие государства («комиссаров») стало важным аспектом в брачных отношениях, включая последующую судьбу ребенка (в случае развода). Алиментов крайне боялись и мужья, применявшие побои, и парни, предлагавшие девушкам «свободную любовь». Алименты, в сущности, прекращали зависимость от мужа, давали женщине реальную свободу в выборе своей судьбы. В целом девушки, молодые женщины видели в новых законах о браке («декретине») «бабские права», порою даже злоупотребляя ими. Развод с последующим новым браком был утвержден в новом законе о браке, которому, в сущности, не препятствовал даже священник, вновь венчая разведенных и тем нарушая «святость брака»¹².

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 21. Л. 8; Д. 39. Л. 13; Оп. 4. Д. 9. Л. 47, 49, 68, 71, 85; Д. 22. Л. 12, 18.

¹¹ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 188; *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 95–97, 113; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001. С. 198, 208.

¹² РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 30. Л. 12об.; Д. 39. Л. 13, 17; Д. 36. Л. 2об.; Оп. 4. Д. 21. Л. 81–84; Д. 22. Л. 3, 5, 6об., 6, 8, 10, 11, 14, 246; *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 96, 97; *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 206, 208, 209; Крестьянские истории... С. 189, 190; Комсомол в деревне. Очерки... С. 172.

Крайне важные перемены на селе были связаны с религиозностью крестьян, которая освящалась 1-й и 5-й заповедями (отношение к Богу, властям и родителям). Ситуация еще более обострялась непременным стремлением новой власти ограничить такое влияние церкви. Внешне казалось, что молодежь отвыкает от религиозных обрядов: нецерковные браки стали обычным явлением, в монастырь на поклон ходить перестали. Девушки на гулянье снимали крест, стыдясь перед парнями. Наблюдалась и вольность в рассуждениях о боге. Священники потеряли непрístupный взгляд, авторитет и сам вид «духовного пастыря», вообще были плохо одеты, являлись объектом насмешек¹³.

Антирелигиозные частушки являлись второй по значимости формой выражения молодежных настроений после выступлений против родителей. Множество частушек были направлены против венчания, которому противопоставлялся свободный выбор брачного партнера как проявление «воли Боговой». Но особенно много частушек было направлено против священников, «попов». Им вменялись, как это часто было на Руси, разврат, стяжание, пьянство. Духовное водительство отдавалось советской власти («нам не надо попов, даешь Ленина!»). В частушках подчеркивалось нежелание вообще ходить в церковь, падение ее авторитета («потому что враки»). Осмеянию подвергались не только «попы», но и все, кто «без мозгов», не парвал с религией¹⁴.

Власти, однако, переоценивали антирелигиозные взгляды молодежи. У девушек отмечали сомнение идти замуж без церковного брака, имела место мнимая безбожность, неспособность заместить понятия о боге рациональными представлениями. Допускалось существование нечистой силы, «чудодейственного уголька», «суровой нитки», сглаза, походы к гадалке, желание найти счастье в расположении карт. Отсюда неверие вообще в науку, даже в образование. Девушки продолжали отдавать дань религиозным обрядам. Часто они посещали церковь под нажимом домашних, в крещение покупали «святую воду», в доме перед образами ставили свечи¹⁵. Крестины и

¹³ *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 37, 47–48, 126–127; Крестьянские истории... С. 177.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 15. Л. 3; Д. 30. Л. 10об., 12об.; Д. 39. Л. 3, 18; Оп. 4. Д. 6. Л. 52–56; Д. 21. Л. 64, 66, 71; Д. 22. Л. 6, 8; Д. 9. Л. 43; *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 128, 135, 139–141; *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 270.

¹⁵ *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 94. 33–38, 129; *Росницкий Н.А.* Указ. соч. С. 89; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922. М.: РОССПЭН, 2000. С. 264–265.

свадьбы без попа или в пост были редкими явлениями. Не принимала молодежь и новых советских обрядов: крестин с новыми именами и т. п. Особенно проявлялась «солидарность» стариков и молодых в праздновании Пасхи. В целом «покончить с поповщиной» новой власти так и не удалось вплоть до эпохи коллективизации¹⁶.

Большие перемены коснулись и общего быта молодежи. Сравнили время раньше («как в тюрьме», «не видя свету») с новым, когда посещали избу-читальню, слушали радио, читали газеты. В частушках девушки призывали подружек «бросить старые порядки, отвыкать поскорей», а ребят – оставить хулиганство. Молодежь была готова даже заняться физкультурой, футболом (парни), но без крайностей внешнего вида: теннисок-безрукавок, трусиков. Однако в поведении молодежи оставалось еще и много привычного: много пили, курили, очень рано начинали гулять (с 12 лет), не всегда изба-читальня и газета привлекали молодежь. К тому же взрослые смотрели на культурные развлечения неодобрительно. Скорее отпускали молодежь на «вечерку», чем для чтения книги или в драмкружок¹⁷.

Коснулись перемены и внешности. Девушки отказывались носить косу, требовали стрижки, «юбочки коротеньки, коленочки видать». Особенно шокировал родню такой вид: «Грудь открыта, креста нет, и Богу не молится». Девушки были увлечены нарядами, которые они ожидали осенью, когда в семье родители разделяли доходы от продажи льна и холста. Впрочем, «наряда» требовали и парни. Именно требование наряда служило причиной частых семейных ссор, скандалов, хозяйственной неурядицы. Корреспонденты в требовании нарядов, а также в изменении лексикона (слова: «пардон», «мерси») видели усиление влияния городской культуры. Произошли перемены в отношениях парней и девушек. Еще до войны эти группы гуляли отдельно друг от друга. Начиная с войны гуляли вместе. Гуляния были, в сущности, вполне невинные, хотя от поцелуев происходило распространение венерических болезней в деревнях¹⁸.

Новый быт часто противоречил принятым формам отдыха. Так, молодежь только и думала о праздниках в дни, когда, по представлениям комсомола, необходимо было посвятить время труду.

¹⁶ Мурин В.А. Указ. соч. С. 43–45, 47; Крестьянские истории... С. 178.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 9. Л. 25; Д. 21. Л. 20; Д. 22. Л. 8, 13; Мурин В.А. Указ. соч. С. 60; Голубых М.Д. Указ. соч. С. 184.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22. Л. 8, 10; Оп. 2. Д. 45. Л. 2; Мурин В.А. Указ. соч. С. 22, 29, 40, 42, 52, 61–63, 69, 82, 94; Голубых М.Д. Указ. соч. С. 176.

Советские праздники почти не прививались в деревне, так как они не совпадали с принятым распорядком работ. Крайне редко удавалось привлечь молодежь на комсомольскую пасху и комсомольское рождество путем устройства увеселительных развлечений. Причину видели в отсутствии необходимых материалов: не было волшебного фонаря, диапозитивов, серьеозной, хорошо сыгранной антирелигиозной пьесы. Впрочем, отмечался рост культуры на селе: безбожие, уменьшение роли посиделок, чтение книг, интерес к учебе. Но это касалось не всей, а только «передовой» молодежи. «Кулацкая молодежь» меньше читала, вообще была менее культурная. Одним из признаков отсталости, язв прошлого, был самогон: его изготовление и потребление¹⁹.

В частушках отражены противоречивые отношения к руководству страны: от насмешливых, двусмысленных (я в спальне своей «Ленина повесила») до вполне верноподданических: купила Ленина портрет, вышью Ленина портрет и т. п. С прямо антиленинскими (Ленин «без порток пятилетку догонял») соседствовали уважительные к вождю: «По заветам Ленина идем». Зато было доверие, и даже надежда вообще на «Совет», «Горсовет», «камисаров», «исполком», которые «всем по миленочку дадут», если подать заявление, вступятся, если муж начнет колотить. При признании вообще советской власти («по нраву») частой была критика законов об алиментах, самих комсомольцев, что пьют, а то и потворствуют (на суде) самогонщикам²⁰.

Будучи неопределенными в политическом отношении, частушки однозначно содержали мотивы социальной ненависти к богачам, «мироедам», грозились дать «кулакам по шее», «добить их партячейкою», ждали, что «наши кулаки начинают чахнуть», осуждали вообще «кулацкую нацию». Девушки призывали оставить кулаков, а любить бедняков, так как ныне «красные по моде». Распевала молодежь и «кулацкие» частушки, являвшиеся просто насмешливыми, что характерно для крестьянского юмора. Так, записавшимся в колхоз грозило остаться «без обеда, без лошади, без яиц», одеваться «стометровым одеялом». Саму коллективизацию рассматривали как прощание с зажиточной, сытой жизнью, так как Ленин «украл» у крестьян сено, «видели», как «камисар задавился на суровой нитке» и т. п.²¹

¹⁹ *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 22, 29, 40, 42, 52.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 15. Л. 2; Д. 30. Л. 10; Д. 39. Л. 1об., 2; Оп. 4. Д. 22. Л. 1–3, 6об., 12, 13; *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 138.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 8. Л. 70; Д. 15. Л. 3; Д. 21. Л. 3об., 15об.; Д. 22. Л. 9, 11, 16, 18, 20, 21, 23, 26, 28.

Особенно много частушек о комсомоле и комсомольцах. Комсомол хорош тем, что гарантировано «даст милого». Стать комсомолкой означало повысить свой статус (комсомолец не даст в обиду), претендовать на отношения с агрономом, коммунистом, стать делегаткой. По существу, это частушки о парнях, предлагавших необычные формы знакомства, передовые представления, новые пути дружбы и любви. У комсомольца «развитая голова», «завлекательные глазки», «знает больше вашего», вообще «много интересу». Привлекала и новая, недеревенская форма флирта: комсомолец предлагал «Ленизму научить», звал ухажориться, комсомолиться, «хороводиться». Вообще комсомольцы представляли образец положительности: «прямо загляденье, дельны, умны все они – прямо удивление»²².

Как правило, все отношения девушек с комсомольцами осуждались родителями, тем более если речь шла о свадьбе. Попытки родителей не дать венчаться с комсомольцем приводили к красной свадьбе («собачей свадьбе») в клубе. Девушки сокрушались, что матери запрещают записаться в комсомол, чем позорили их в глазах парней. Тайный же переход в комсомол рассматривался как «изменушка» родителям, опасениями, что заругают. Такой шаг означал полную перемену: разрыв с семьей, утрату веры, был опасен из-за славы о комсомольцах: «богу не боятся, черту предались, людей сторонятся», отреклись («отрекатели») от старой веры, от семьи, в ад попадут, у них много денег («много денег накопили, себе Ленина купили»). Менялся и внешний вид девушек-комсомолок: вместо платочков надевали шаль, вместо традиционной голубой ленты – красную, прекращали «мазать рожи» (пользоваться косметикой), флирт теперь превращался в вызов и борьбу («ходить в атаку на блондинку жгучую»). Чтобы комсомольца любить, надо было измениться и внешне: поинтереснеть, «чище ходить», иметь «юбочку с оборочкой, волоса с кудерочкой». Для девушек отношения с комсомольцами означали «не бояться славы», переход в мир, где «все по-новому пойдет», «сразу измениться», быть готовой «уехать в даль»²³.

Правда, бытовали и злобные частушки про комсомольца, который «задавился на нитке». Упрекали комсомол в озорстве: при народе лезут целоваться. Но в целом противопоставляли комсомольцев хулиганам, шпане, с золотыми кольцами, «богатеям». Выходить замуж собирались только за комсомольца, а не за «Митьку

²² РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 22. Л. 4, 4об.; Д. 61. Л. 1, 1об.; Оп. 4. Д. 22. Л. 44, 47, 49, 50, 53, 54; Д. 23. Л. 21.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 39. Л. 9; Оп. 4. Д. 22. Л. 42–54.

богомолу», у кого «лапотки худые», вообще за «мужика», за неграмотного. Группа молодежи даже расширялась за счет пионеров: в барабаны грохают, ухаживают за комсомолочками и т. п. В целом комсомольцы рассматривались как «новая молодежь», с новыми приемами ухаживания, планами на жизнь²⁴.

Много частушек было посвящено коммунистам, но не в связи с их «программой», а как удобного для гуляния, «положительного» по характеру, перспективного будущего супруга, в отличие от беспартийного, богача, в котором «мало интереса». Не было преградой и то, что девушка – «спекулянтка». Гуляние с партийным позволяло перешагнуть и большую возрастную разницу, что на деревне было категорически запрещено. Ставки даже поднимались, если будущий супруг коммунист, член губкома, член ЦК и т. п. Трудности возникали, только если стороны были разных позиций: партийной и беспартийной. Это приводило к «любви канительной»²⁵.

Корреспонденты отмечали политическую неопределенность молодежной (как и всей) деревни: одни за коммунистов, советскую власть, другие против. Ругали и тех, и этих. Таковую неопределенность партия предполагала преодолеть путем привлечения к делу строительства новой советской деревни всей массы крестьянской молодежи. Начать предполагалось с поиска из крестьянской молодежи лучших, наиболее опытных, грамотных и добросовестных ребят-комсомольцев, не матерщинников и не курящих, а затем – включить в свои ряды всю массу крестьянской молодежи – батраков, бедняков и середняков. Комсомол должен был стать проводником влияния партии на крестьянство²⁶.

Упор в решении задач особенно делался на батрацкую молодежь, которая должна была видеть в комсомоле своего защитника. Происходило это путем заключения договоров с кулаками, где оговаривались условия труда, зарплата молодежи. Одновременно комсомол должен был научиться подходить к крестьянской молодежи, особенно «изучив психологию девушек», воздействовать на них через вечера, комсомольские посиделки, гулянки, улицы. Предполагалось «наиболее передовых девушек» втягивать в работу

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 43, 47, 49–51, 53.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 5; Д. 30. Л. 6об. Д. 36. Л. 12об., 13; Оп. 4. Д. 22. Л. 5, 11; *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 183.

²⁶ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 271; *Варламов И.* Указ. соч. С. 8; Комсомол в деревне. Очерки... С. 113; Работа комсомола в деревне (резолуции и постановления совещаний секретарей деревенских ячеек комсомола при ЦКРЛКСМ). Свердловск: Изд. Политпросветотдела Уралобкома Р.Л.К.С.М., 1924. С. 2.

кружков, где и начать их понемногу «перевоспитывать» через шашки, шахматы, плакаты, воззвания, вербовку гармониста, беседы, лекции, доклады. Штаб этой работы предполагалось разместить в избе-читальне²⁷.

Борьба с «религиозным дурманом» являлась важнейшей частью культурной работы. При этом в партии призывали отказаться от грубых методов борьбы с «поповщиной, а сосредоточиться на рациональном объяснении естественного, животного и общественного процессов жизни. Для этого необходимо было развивать знания в среде самой молодежи, книжную учебу. Особенно важным и своевременным считалось вести меры против болезней, вызванных антисанитарным состоянием деревни. Это помогало бы вести и борьбу со знахарством как части отсталых и даже вредных взглядов. Предполагалось осуществить и революцию в половой жизни, искоренить половую распущенность, вольность некоторых комсомолок, их пренебрежительное отношение к беспартийным подругам, сохранившийся у ребят взгляд на женщин как на низшее существо²⁸.

Много внимания уделялось образцовости и примерности комсомольцев как хозяев, так как бесхозяйственность крестьяне не любили, презирали и не считали возможным подражать как примеру «коммунизма». Сначала стремились из совхозовского рабочего сделать хорошего показательного рабочего в деревне, организуя при совхозе школу типа фабзавуча²⁹. Труднее было сделать из крестьянина «рабочего» на селе. Важным методом внедрения и научения социализму (образовательной работы) в деревне должна была стать школа крестьянской молодежи. Она способствовала закреплению приобретенных знаний путем «живого труда». Предполагалось, что «шекамята» свои знания будут нести в хозяйства отцов, «в жизнь», «оплодотворяя ее» посредством полученных в ШКМ знаний. Агркультурное воздействие такой работы в хозяйстве приравнялось к деятельности агронома. Правда, на самом деле в работе школы было еще много неверных шагов и ошибок. Во многих случаях сами работники не имели ни достаточной квалификации, ни опыта, происходил отрыв учебы от работы, имела место перегруженность учеников, что мешало сосредоточиться на своей прямой работе³⁰.

²⁷ Комсомол в деревне (Сборник материалов по работе ячеек Р.К.С.М. в деревне). Тамбов: Изд. Тамб. губкома Р.К.С.М., 1924. С. 4, 7–8, 29.

²⁸ Варламов И. Указ. соч. С. 52–53.

²⁹ Там же. С. 21, 27–28; Комсомол в деревне (Сборник материалов)... С. 35.

³⁰ *Большаков А.М.* Деревня 1917–1927. М.: Работник просвещения, 1927. С. 249, 250, 254, 261–262.

Главной задачей комсомола было развитие сельских хозяйств на более крупных основах. Распространение агрокультурных мероприятий в крестьянстве шло по линии укрепления хозяйственной мощи бедноты и кооперирования деревни (коммунальные запашки, показательные комсомольские десятины), участие в массовых агрокультурных кампаниях. На этой основе предполагалось выстроить деловое сотрудничество комсомола с крестьянством и выполнение им своей роли как помощника партии. Блок комсомольцев с передовиками-крестьянами предполагалось создать путем борьбы с безработицей в деревне. Тем самым удалось бы пресечь бегство молодежи в города³¹.

Следуя кооперативному плану Ленина, партия ставила задачу перед комсомолом, работая «по науке», получать в 2–4 раза больше продуктов от земли, чем остальные крестьяне. Комсомольцы должны были стать примерными, культурными домохозяевами, используя механизмы кооперации. Тем самым борьба с кулаком продолжалась, но экономическими мерами, через кооперацию в торговле, при помощи бедняку и середняку в организации их экономических сил³². Особенная ставка делалась на батраков и бедняков как наиболее близких партии и комсомолу. При этом понимались и трудности: батрак был распылен, некультурен, забит, часто угнетен кулаком³³.

Предполагалось, что основная работа среди батраков по защите их интересов перед кулаками будет проводиться во Всеработземлесе (профсоюз всех сельских рабочих). Там будут заключаться трудовые договора, выявлять скрытую эксплуатацию (родственники, приемные дети), ограничивать труд малолетних, регулировать продолжительность рабочего дня, решать вопрос улучшения быта батраков³⁴.

В 1926–1927 гг. в рамках борьбы за культуру проводились многочисленные районные и сельские совещания комсомола, молодых хозяев, сельскохозяйственные конкурсы, выдавались пре-

³¹ Комсомол в строительстве новой деревни. Вып. 1. М.; Л.: Мол. гвардия, 1926. С. 87, 97; Работа комсомола в деревне... С. 2.

³² Комсомол в деревне. Очерки... С. 12; Комсомол в строительстве новой деревни... С. 10–11, 74–75, 98, 137–141; Носов В. Комсомол и делегатка-крестьянка. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 7, 9, 13.

³³ Работа профсоюза и комсомола среди батрацкой молодежи. М.: Изд. ЦК Союза Сельхозлесрабочих СССР, 1927. С. 4, 5, 8, 12, 31; Комсомол лицом к деревне... С. 28, 86, 103, 105; Комсомол в деревне (Сборник материалов)... С. 26, 34.

³⁴ Работа комсомола в деревне... С. 10, 11.

мии за выполнение конкретных видов работ. Одновременно вели ликвидацию сельскохозяйственной неграмотности посредством сельскохозяйственных кружков для закрепления новых достижений комсомола. Другой путь культурной работы касался влияния на собственнo крестьян через создание машинных товариществ из бедноты, проведение ремонта трактора, его приобретение, строительство клуба. Крестьяне объединялись для получения ссуды в противовес кулацкому кредиту, посадки корнеплодов. При этом использовался опыт комсомольцев-домохозяев. Таким образом решалась проблема увязки общественного и личного хозяйств. Для продвижения агрономической пропаганды в деревне предполагалось создать силами комсомольцев актив, чтобы заслужить авторитет среди крестьянства. Создавался своеобразный аналог фабзавуча (школа фабрично-заводского ученичества) – сельхозуч³⁵.

По существу, кооперативы должны были заменить родителей в организации своего хозяйства. Кооператив имел ряд преимуществ: прекращалось влияние патриархальной семьи, работала там только молодежь без социального статуса, в ее работе ценилась грамотность, тяга к новому, это было бы именно молодежное хозяйство. Кроме того, через воспитание, учебу, практику в кооперативном движении готовились бы из молодежи кадры для коллективизации. Тем самым происходило бы превращение бедняцких хозяйств в социалистические кооперативы, революция через сельский пролетариат (бедняков)³⁶.

Однако дело с кооперацией комсомола было печальным. Комсомольцы в деревенской кооперации составляли 10–15% от общего числа членов кооперативов, а в правлениях кооперации – всего 1%. Далеко не все крестьяне были охвачены кооперацией. Здесь существовали серьезные проблемы: прогнать ловкачей, примазавшихся к этому делу, организовать кооперированную молодежь, провести их в члены правления – и все это под руководством комсомольской ячейки. Особенное внимание в повышении культуры уделялось девушкам-крестьянкам, учитывая их «темность, забитость», господство старых привычек и обычаев, невозможность преодолеть запреты семьи на участие в комсомоле³⁷.

³⁵ Комсомол в деревне. Очерки... С. 18.

³⁶ Орлов В. Комсомол и кооперация в деревне. Библиотека рабоче-крестьянской молодежи / Под общ. ред. МК ВЛКСМ. М.: Новая Москва, Юношеский сектор, 1926. С. 16, 46–48, 57, 61–62, 73; Зиман Ф. Комсомол и кооперация в деревне. М.: Молодая гвардия, 1925. С. 33; Работа комсомола в деревне... С. 4.

³⁷ Мурип В.А. Указ. соч. С. 89, 90.

Комсомол шел навстречу пожеланиям молодежи не жить в темноте, помогал крестьянке чем мог, защищал ее, если муж или отец по старинке «учили» женщину побоями. В то же время из деревни сообщали, что фактически работы среди девушек нет, отсталость не удавалось преодолеть. Была проблема в радикальности антирелигиозной пропаганды, что отталкивало крестьянок от избы-читальни. Буксовала работа с девушками в возрасте 21–23 лет, период выхода замуж. Были и проблемы с пониманием девушками-комсомолками своего изменившегося статуса: они после вступления в ряды союзной молодежи демонстрировали именно негативное поведение. Учитывая мизерное количество в комсомоле девушек-крестьянок (22 тыс.), основную часть которых составляли разведенки, ЦК комсомола делал вывод о необходимости большей настойчивости, упорства в проведении работы в этом направлении, применяя индивидуальный подход, специальные собрания девушек, акцентируя внимание на вовлечение в первую очередь девушек-батрачек из бедняцкой среды. Негативно сказывались на работе с молодыми крестьянками неизжитость предвзятого отношения к ним даже среди комсомольцев, неприятие их как товарища³⁸.

Не получая больших сдвигов в кооперации и коллективизации, комсомол в деревне звали к малым делам по улучшению сельского хозяйства: завести показательный огород, выкормить хорошего поросенка, организовать торфоразработки, провести День леса, сдать сельхозналог в срок, агитировать за строительство моста и т. п. Это рассматривалось как основа делового сотрудничества комсомола с крестьянством. Тем самым маленькие дела ввели бы деревню в социализм³⁹.

Много внимания в комсомоле уделялось и собственно культуре быта. Гармошка, балалайка и, главное, граммофон должны находиться всецело под влиянием комсомола. Считали, что революционными песнями и частушками под гармонику удастся скорее отвлечь девушек и парней от пустых разговоров. В некоторых организациях предлагалось в качестве первой задачи внимательнейшее изучение и собирание материалов о быте и развлечениях деревенской молодежи. Среди прочего хотели дать деревне песни, близкие крестьян-

³⁸ Комсомол в деревне. Очерки... С. 20, 54; Комсомол лицом к деревне... С. 18, 87, 105; Работа комсомола в деревне... С. 2, 6; Комсомол в деревне (Сборник материалов)... С. 29; Комсомол в сельском хозяйстве. (из опыта работы Кунгурской Округной организации ВЛКСМ) / Сост. Абельнин, Цветков, Жижев, Крысанов. Кунгур, 1927. С. 1, 3–19; *Носов В.* Указ. соч. С. 4, 6, 29.

³⁹ Дорогу живому делу!... С. 8–11, 13, 16–17; Комсомол лицом к деревне... С. 108.

ской жизни, создать «комсомольские вечеринки» или «красные посиделки» со своими играми и хороводами. В избе-читальне хотели соединить серьезную работу (читки, беседы с беспартийной молодежью) с развлечениями. Не принимая метод «взрывать вечеринки изнутри», ячейки брали инициативу устройства вечеринок, чтобы сделать их одной из основных форм деревенской работы. Это касалось и танцев. Отвергая «мещанские танцы», практиковали танцы народные: пляс, хоровод. Пытались изучать привычки молодежи, собирать частушки и песни, которые созданы комсомольцами в деревне, все это обработать и дать «красную посиделку». Предлагали не закрывать, не облагать налогом, не бежать от посиделок, а идти на них с «самыми добросовестными намерениями», чтобы приблизить их к комсомолу и вместе с этим дать приятное и разумное развлечение молодежи. По отношению к девушкам: ячейки призывали не ругаться, не хулиганить, по-товарищески относиться, в трезвом виде, заменить поцелуи товарищеским рукопожатием, в общем, не навязывая, осторожно «превратить ребячье дело в девчачье»⁴⁰.

В вопросе о развлечениях было несколько проблем. Во-первых, искоренение среди самих комсомольцев пьянства. Выступали ячейки и против танцев своих товарищей, даже в частных домах. Кроме того, для организации «красных посиделок» нужны были новые игры, новые песни. «А пока мы стоим на месте» – констатировали в ячейках. Так, даже печатные частушки отражали больше разврат, нежели новые здоровые нравы. Пытались, правда, сочинять частушки в ячейке: про хозяйство, против церкви. Как правило, эти частушки заметно редактировались, что не делало их популярными в деревне⁴¹. В комсомольской работе были и технические проблемы: разброс головных (волостных) организаций, их отдаленность от уездов, нехватка финансирования для работников. Встречалось и сопротивление, вплоть до избияния, со стороны крестьян⁴².

Кроме пассивного сопротивления деревенской молодежной массы существовали проблемы и в самих комсомольских организациях. Много партийцев систематически пили, а за ними и комсомольцы. Большинство комсомольцев признавались политически неграмотными, чтобы влиять на крестьянскую массу. Вставал вопрос о том, чтобы деревенскому активу вообще покинуть деревню и уйти на партийную работу. Была и проблема с организацией

⁴⁰ Комсомол в деревне (Сборник материалов)... С. 8, 65; *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 83–87. Работа комсомола в деревне... С. 9; Комсомол лицом к деревне. С. 36.

⁴¹ Комсомол в деревне: Очерки... С. 8, 35, 39, 47, 67, 71, 98, 105.

⁴² Комсомол лицом к деревне... С. 14.

сельскохозяйственных кружков, в которых было мало молодежи. Ячейки уклонялись обсуждать вопросы крестьянской жизни, зато ставились доклады об этике и о половой морали⁴³.

В отчетах с мест говорилось о полном отсутствии смычки с передовыми культурными крестьянами. Этому мешала «принципиально-руководительская» точка зрения в комсомоле, нежелание учиться у передовых крестьян. Среди самих комсомольцев бытовала неграмотность, драки, картежные игры, хулиганство, безделье, расхлябанность, самогоноварение, пьянство, а среди партийцев – «подозрительное обогащение». В результате не решалась проблема в снискании комсомольцами популярности и любви у населения, преобразования «подчас совсем дикого быта»⁴⁴.

Особой активностью в утверждении «нового быта» отличались пионеры⁴⁵. Порою их деятельность отдавала подростковым максимализмом. Проводя антирелигиозную кампанию, они контролировали друг друга: срывали кресты, запрещали ходить в церковь. Все это вело к драмам в семье. Зато выступления пионеров с речами в праздники привлекали сельчан. В ячейках даже считали, что через пионеров гораздо скорее можно воздействовать на крестьянство, чем через комсомольцев⁴⁶. Пионеры вели и доносительскую деятельность, в первую очередь против родителей самогонщиков, чем заслужили звание «шпионеры». Вообще, дети воспринимали свое пионерство как-то гораздо серьезнее, проникновеннее, нежели молодежь свое комсомольство. У ребят не было ни карьерных соображений, ни чванства своим званием пионера. Чувствовалось, что дети ощущали свое пионерство как порог новой жизни.

Накануне коллективизации партийные и комсомольские работники отмечали чрезвычайную отсталость и неразвитость своего низового аппарата в деревне⁴⁷. Во время коллективизации предпринимались меры для мобилизации массы комсомольцев и молодежи на практическое осуществление генеральной линии партии. Партийные лидеры заявляли, что комсомол показал себя в период коллективизации неплохо с точки зрения верности линии партии⁴⁸.

⁴³ Комсомол лицом к деревне... С. 20, 34, 62.

⁴⁴ *Большаков А.М.* Указ. соч. С. 334, 335; *Росницкий Н.А.* Указ. соч. С. 78, 79, 83, 85, 86.

⁴⁵ *Носов В.* Указ. соч. С. 19.

⁴⁶ Комсомол лицом к деревне... С. 76, 78.

⁴⁷ Трагедия советской деревни... Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 588.

⁴⁸ *Дерябин С., Тарик Вл.* Комсомол и пионерия Урала на фронте 2-й большевистской весны. М.; Свердловск: ОГИЗ, Уральское обл. отделение, 1931. С. 3, 5–7, 25.

Однако молодежь не всегда принимала коллективизацию, наоборот, резко усилилось бегство в город, желание вообще покинуть крестьянский труд. Свою работу в хозяйстве в деревне парни считали временной и большого рвения к ней не проявляли. В отличие от 20-х, в 30-е гг. комсомол не перехватил инициативу, не играл сколько-нибудь заметной роли в сельской властной структуре. Активные комсомольцы больше пытались сбежать в город, чем занимать руководящие места в колхозах⁴⁹.

Раскол в деревне способствовала и власть, выселяя из деревни именно «стариков». При этом молодежь даже в кулацких спецпоселениях продолжала бороться против «стариков», заявляя о разрыве всякой связи с родителями, упрекая их, что из-за них приходится страдать. В этих поселках партийные организации вели особую работу среди молодежи, организуя из них отдельные бригады для специальных работ – шоссейных, лесорубочных. Отмечали в среде высланных бодрое настроение именно молодняка: игра на гармониках и танцы. Молодежи даже давали права надсмотрщиков над остальными поселенцами, на нее возлагали всю техническую работу, кроме секретной. Из молодежи на 50% формировался штат осведомителей. Но и в ссылке молодежь не прекратила бегство в города⁵⁰.

В 1934–1936 гг. ситуация в деревне изменилась. Оставшаяся молодежь в целом перешла на позиции власти, активно участвуя в колхозном строительстве. Из районов докладывали, что стахановское звено было организовано исключительно из молодежи, несмотря на сопротивление остальных колхозников, насмешки, ругательства и т. п. Молодежь, в подавляющем большинстве своем – это люди, которые считают, что они встали на новую дорогу и по этой новой дороге должны идти под руководством партии⁵¹.

Коллективизация подвела итог опыту по преобразованию молодежно-крестьянского мира. Первоначальная ставка на «культурное», мирное преобразование деревни в социалистическую в 20-х гг. потерпела неудачу. Партии, комсомолу не удалось повлиять на крестьянско-молодежный мир. Молодежь как группа сохраняла свою идентичность на протяжении многих лет после революции, добиваясь перестройки семьи от патриархальной до построенной на личностных началах в составе крупного, производственного по

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 1518. Оп. 4. Д. 22; *Мурин В.А.* Указ. соч. С. 10; *Большаков А.М.* Указ. соч. С. VII.

⁵⁰ Трагедия советской деревни... М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С. 117, 118, 128, 285, 296, 302, 349, 351, 455, 526, 607, 740; Т. 4. С. 125.

⁵¹ Там же. Т. 5. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2004. С. 158, 299, 624, 728, 752, 753, 778.

своему характеру хозяйства: или на селе (колхозы), или в городах (на заводах и фабриках). Во всяком случае молодежь следовала тренду модернизации, строительству малой семьи, увеличению своего личного статуса, используя возможности нового социалистического строя.

Литература

- Ипполитов, Слезин 2018 – *Ипполитов В.А., Слезин А.А.* Апогей коллективизации: роль комсомола // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 64–69.
- Кедров 2018 – *Кедров Н.Г.* Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства // Петербургский Исторический журнал. 2018. № 1. С. 173–185.
- Фицпатрик 2001 – *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: Деревня. М.: РОССПЭН, 2001.

References

- Fitzpatrick, S. (2001), *Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s. The village], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ippolitov, V.A. and Slezin, A.A. (2018), "The apogee of collectivization. A role of the Komsomol", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], vol. 433, pp. 64–69.
- Kedrov, N.G. (2018), "Stalin's historiographic model for comprehension of collectivization of the Russian peasantry", *Peterburgskii Istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], no. 1, pp. 173–185.

Информация об авторе

Александр Б. Асташов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; astashsh@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr B. Astashov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; astashsh@yandex.ru

«Мечтаю слиться с кадрами работников Союза
по моей специальности»:
проблема репатриации в среде художников-эмигрантов
во Франции (1920–1930-е гг.)

Константин В. Краснослободцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, constkras@gmail.com*

Аннотация. В первые пореволюционные годы отношения творческой интеллигенции и молодой советской власти складывались сложнее, чем у представителей других социальных групп. Так, среди художников-эмигрантов наблюдается целый спектр моделей построения отношений с большевиками: от сросшихся с военной эмиграцией, непримиримых противников «Совдепии» через сомневавшихся, державших нейтралитет, до яростных сторонников. У художников своеобразный «коридор раздумий», период, в течение которого необходимо определиться со своим отношением к новой власти, был более продолжительным. Однако поддерживать статус «амбивалентной эмиграции» можно было лишь непродолжительное время. Творческая интеллигенция не имела отдельной амнистии для возвращения, но советская власть пыталась способствовать возвращению деятелей культуры и искусства. К ним применялись инструменты не массовой агитации, но точечная проработка, иногда с помощью родных, оставшихся в России. В отношении художников шли в ход аргументы, апеллирующие к их творческой самореализации, востребованности и «нужности» их искусства на родине. Особенности репатриации в среде российских художников-эмигрантов во Франции рассмотрены автором на основе архивных документов.

Ключевые слова: русская эмиграция, художественная эмиграция, художник, Франция, архивы, репатриация

Для цитирования: Краснослободцев К.В. «Мечтаю слиться с кадрами работников Союза по моей специальности»: проблема репатриации в среде художников во Франции (1920–1930-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 120–131. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-120-131

“I dream of being with my colleagues in the Soviet Union”:
the problem of repatriation among émigré artists
in France (1920s–1930s)

Konstantin V. Krasnoslobodtsev
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, constkras@gmail.com*

Abstract. In the first years after the revolution, the relations between the intelligentsia and the young Soviet government were more complicated than those of other social groups. Among the emigrant artists, there is a whole range of models of relations with the Bolsheviks: from military emigration, irreconcilable opponents of the “Sovdepia” through doubters who kept neutrality, to fierce supporters. The artists had a large “period of reflection” during which it is necessary to determine their attitude to the new government. However, it was possible to maintain the status of “ambivalent emigration” only for a short time. The intelligentsia did not have a special amnesty to return, but the Soviet government tried to return cultural and artistic figures. They were treated not with the tools of mass agitation, but with personal influence, sometimes with the help of relatives who remained in Russia. In relation to artists, arguments were used appealing to their creative self-realization, the demand and “necessity” of their art at home. Features of repatriation among Russian emigrant artists in France are considered by the author on the basis of archival documents.

Keywords: russian emigration, artistic emigration, artist, France, archives, repatriation

For citation: Krasnoslobodtsev, C.V. (2022), “ ‘I dream of being with my colleagues in the Soviet Union’: the problem of repatriation among émigré artists in France (1920s–1930s)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 120–131, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-120-131

Политика новых советских властей в отношении бывших подданных Российской империи, оказавшихся по тем или иным причинам за границей, определила проблему репатриации. На протяжении 1920-х гг. советское законодательство в отношении эмигрантов совмещало репрессивные меры с амнистированием отдельных категорий граждан. С одной стороны, новая власть демонстративно лишала эмигрантов имущества и других прав, с другой – стремясь внести раскол в ряды Белого движения, большевики предлагали «индальгенцию» вчерашним противникам в Гражданской войне. По мнению Г.Я. Тарле, бросается в глаза непоследовательность

этого законодательства, что объясняется отсутствием единой политической стратегии коммунистической партии и советского государства [Тарле 1997, с. 33–34]. Все это вкупе с тем, что в отношении деятелей культуры и искусства не было специальной амнистии, создало условия для их «инициативной репатриации». Каждый случай возвращения становился глубоко индивидуальным актом, как в правовом, так и в моральном отношении.

Возможность возвращения на родину, и шире, отношение к новой власти, стратегии поведения по отношению к ней – все это было темой горячих дискуссий в эмигрантской среде [Бочарова 2009; Бочарова 2015]. Ситуация не была однородной в хронологическом отношении. Если в 1920-х гг. между русскими за рубежом и родиной могла существовать мобильность, то с наступлением 1930-х гг. эмигранты должны были сделать окончательный выбор статуса. Оказываясь в эмиграции, художники принимали определенную стратегию поведения в отношениях с Советским Союзом: от непримиримости Ф. Малявина через вежливо-холодный нейтралитет художников круга А.Н. Бенуа до выступления в советской печати без псевдонима, как Ю. Анненков. На протяжении 1920-х гг. художники могли пользоваться привилегиями, которые давал им межвоенный Париж не только как столица российского рассеяния, но и как мировой художественный центр, в котором сходились пути совершенно разных творческих направлений. Такое положение позволяло иметь контакты с советскими коллегами, получать информацию о происходящем в России «из первых рук» [Толстой 2019, с. 249]. Имеются свидетельства многочисленных личных контактов между художниками-эмигрантами и их советскими коллегами. Выезжавшие весьма интенсивно за границу до 1929 г. советские художники, оказываясь в Париже, не избегали контактов со старыми знакомыми. Так, П.П. Соколов-Скаля навещал Александру Экстер, И.Э. Грабарь виделся с А.Н. Бенуа, А.П. Остроумова-Лебедева – с А. Яковлевым, Е. Лансере – с З. Серебряковой и др.

Современный искусствовед и историк И.В. Обухова-Зелинская предлагает термин «амбивалентная эмиграция», которую характеризует «готовность остаться или уехать, в зависимости от различных обстоятельств» [Обухова-Зелинская 2012, с. 47]. Если в 1920-х гг. «амбивалентная эмиграция» была свойственна значительной части русской колонии, то с наступлением следующего десятилетия проблема «уехать или остаться» превратилась в «онтологическое решение с непредсказуемыми последствиями в каждом отдельном случае». Эмигранты, находившиеся в такой «полупозиции», были самыми уязвимыми с точки зрения советской агитации. «Амбивалентная эмиграция» не позволяла начать полноценной

адаптации, а просоветская позиция зачастую прямо ей мешала, как в случае с Ю. Анненковым, который «мечтал стать полноправным участником французской художественной жизни, но “московский аттестат” ему в том препятствовал» [Янгиров 2005, с. 317].

Нежелание идти на открытую конфронтацию с новым режимом вынуждало эмигрантов быть максимально деликатными в общении с родиной. Готовя письмо А.М. Горькому, А.Н. Бенуа попросил сына посмотреть его и высказать мнение. В фонде А.Н. Бенуа, хранящемся в РГАЛИ, находим ответ Николая Бенуа:

Лучше не затрагивать лишний раз причины [*подчеркнуто автором письма*. – К. К.] нашего пребывания в «за границах», объясняя условия жизни на Руси «неустойчивостью» и неспособностью нашей «подслуживаться», что при болезненной растравленной эмигрантской прессой психологии А.М. может даже прозвучать в его ушах несколько обидным намеком. <...> Я бы избежал тоже пассаж о «служить готов, прислуживаться тошно...»¹.

Несмотря на длительные сомнения, сам Н. Бенуа решает вопрос о репатриации отрицательно. В его неопубликованной переписке с отцом интересно следить за доводами, которые он, кажется, приводит для самого себя, а не для родителей:

Дело в том, что я твердо решил переменить наконец паспорт и в этом жесте как-то наконец символично выразить перед самим собой свое отношение к большевизму. <...> Признаюсь, я до сих пор, впрочем, не знаю хорошо ли я поступаю, ибо так окончательно рвать с Россией, обреченной еще, быть может, на многие годы выносить эту власть, конечно слегка жутковато, особенно при растущем повсюду шовинизме. Но, как вам сказать – какое-то непобедимое чувство нынче – после шести лет житья-бытья с этим паспортом – заставляет меня вдруг приняться за эти сложные хлопоты².

За пропаганду репатриации в эмигрантской среде отвечали влиятельные просоветские организации, как, например, «Союз возвращения на родину» (Совнарод) и др. Рупорами становились многочисленные газеты и журналы: «На Родину», «Новая Россия», «Руль», «Наш союз» и некоторые другие. Задачи советской прессы за рубежом литературовед Я.З. Черняк, автор докладной записки в ЦК ВКП(б) по этому вопросу, определял так:

¹РГАЛИ. Ф. 938. Оп. 2. Д. 221. Л. 48об.–49.

²Там же. Д. 222. Л. 9.

Говорят, что у нас нет искусства. Надо показать это искусство. Говорят, что большевики разрушили музеи, памятники старины, книгохранилища – надо показать музеи, памятники старины и книгохранилища, – как в Советской России. Говорят, что у нас города пришли в упадок, что у нас нет строительства, что положение рабочего класса в культурном отношении хуже, чем до революции – надо показать, что все это ложь³.

Такое послание, опубликованное в советской зарубежной прессе, находило своих адресатов, в том числе и среди художников. Н. Бенуа делился в письме отцу впечатлениями от советской периодики:

Страницы полны снимками с грандиозных заводов, плотин, станций и целых новых городов! Все при этом самого отвратительного, леденящего душу стиля. Негде глазу порадоваться, но как постройка – *c'est gigantesque*⁴.

Проблеме репатриации в среде русских эмигрантов посвящены отдельные публикации в периодике и главы в монографиях, ясно, однако, что художники-эмигранты не были основной аудиторией агитации через прессу. Тактика относительно художников была несколько иной. Во Франции их старались сплотить вокруг просоветски настроенных объединений, печатных изданий и галерей. Среди подобных инициатив в Париже выделялось издание «Наш Союз», выходившее в разных видах (журнал или газета) с 1926 по 1937 г. Редакция «Нашего Союза» проводила литературные вечера и выставки. Симпатизировавшая СССР художественная общественность группировалась также вокруг галерей «Бийе» (Billet), «Ликорн» (La Licorne) и «Зак» (Zak).

Помимо этого, в «проработке» художников-эмигрантов участвовали и официальные советские представительства за рубежом [Лейкинд, Северюхин 2015, с. 429]. Точечное обращение, очевидно, было избранной тактикой советских властей относительно деятелей культуры. Брат художницы З. Серебряковой, Евгений Лансере писал в дневнике 1938 г.: «Настойчивость Кеменова по поводу Зины, его разговор с Литвиновым... [*наркомом по иностранным делам СССР. – К. К.*]»⁵. Подтверждение визитов к З.Е. Серебряковой директора ГТГ (1938–1940) и председателя правления Всесоюзно-

³РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Д. 547. Л. 1об.

⁴Это величественно (фр.). РГАЛИ. Ф. 938. Оп. 2. Д. 222. Л. 10об.

⁵Лансере Е. Дневники. Т. 3. М., 2009. С. 292.

го общества культурной связи с заграницей – ВОКС (1940–1948) В.С. Кеменова находим и в ее собственных письмах⁶. Сразу после войны подобные предложения возобновились и для А.Н. Бенуа. Художник признается в письме в М.В. Добужинскому, что получил через посредство советского посольства письмо от И.Э. Грабаря, который зовет на родину, но «...желания нет! Я большой охотник заглядывать в кулисы, но все же заглянуть за железный занавес этого театра у меня желания нет»⁷.

Чуть менее официальным способом склонить художников к решению о репатриации можно считать письма от родных и близких из СССР. Письма от родственников к художникам-эмигрантам во Францию обнаруживают некоторые общие места. Главным являлся мотив профессиональной невостребованности за рубежом и широкие перспективы для творчества в СССР⁸. Используя в деле «проработки» художников официальные дипломатические каналы, а также письма с родины, советская власть обещала новые возможности самореализации. Для одних предложения выражались в интересных заказах, для других – в получении должностей. Так, И.Я. Билибину и В.И. Шухаеву были предложены профессорские должности в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина.

Хрестоматийными стали случаи возвращения на родину двух семейных пар: И. Билибина и А. Щекатиной-Потоцкой, а также Василия и Веры Шухаевых. Процесс репатриации, который начинался за несколько лет до физического пересечения советской границы, проходил похожие для всех этапы. Так, и Билибин, и Шухаев еще во Франции входили в круги, симпатизировавшие советской власти. Чета Шухаевых, например, была частыми гостями на вилле у издателя Люсьена Вожеля, не скрывавшего пиетета к коммунистам. Вокруг него в 1920–1930-х гг. сложился кружок людей левых взглядов: Михаил Кольцов, Илья Эренбург, Валериан Довгалевский, Андре Мальро, Мари-Клод Вайян Кутюрье и другие. Самого Вожеля французская контрразведка считала одним из главных советских агентов во Франции [Василий Шухаев 2019, с. 39]. Что касается И. Билибина, то его контакты с советским посольством начались с доверительной беседы с французским сла-

⁶ОР ГРМ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.

⁷Александр Николаевич Бенуа и Мстислав Валерианович Добужинский: Переписка (1903–1957). СПб., 2003. С. 203.

⁸Павлинов П. Зинаида Серебрякова. Мир ее искусства. М., 2017. С. 151, 154–155; Из архива Ильи Зданевича / Публикация Режиса Гейро // Минувшее: исторический альманах. Вып. 5. Париж, 1988. С. 148–155.

вистом Андрэ Мазоном в 1934 г. Он пообещал свести Билибина с тогдашним представителем СССР во Франции В.П. Потемкиным [Голынец 1970, с. 245].

Следующим шагом для художников, желавших вернуться в СССР, становился контакт с официальными лицами из посольства. Потомок эмигрантов первой волны Н. Кривошеин свидетельствует:

Приходили в советские представительства и говорили: «Нам хочется вернуться, нам хочется домой, мы здесь больше не можем». Их собеседники отвечали: «Нам трудно вам поверить на слово. Докажите, пожалуйста, свой патриотизм на деле»⁹.

В случае с художниками такой «акт патриотизма» часто выражался в создании произведений искусства. Например, И. Билибин исполнил панно «Микула Селянинович» для советского посольства.

Любопытным этапом становилась отправка писем на родину потенциальными репатриантами. В фондах РГАЛИ хранится несколько посланий И. Билибина директору Третьяковской галереи М.П. Кристи:

Я, художник Ив. Як. Билибин и художница Александра Васильевна Щекотихина-Потоцкая с сыном, мы получили разрешение на обратный въезд на родину. В.П. Потемкин, которого я часто вижу, сказал мне: «Теперь пишите в Союз всем вашим знакомым и видным деятелям искусства», что я и делаю¹⁰.

Условием возвращения становилась «полезность» художника. Репатрианты старались приехать, имея четкие рекомендации: «Ехать надо на что-то определенное, на какую-то конкретную работу»¹¹. Билибин, который еще до революции снискал славу блестящего книжного графика, оформлял многие книги и периодические издания в России и во Франции, вынужден был заново «рекламировать» себя:

Пишу и рисую я, между прочим, много и с натуры, особенно природу во время летних отдыхов. Очень люблю народное творчество и, кажется, знаю его. Был долгие годы преподавателем графики и композиции и имею многих и многих моих учеников. Был бы готов продолжать и впредь педагогическую деятельность¹².

⁹ Кривошеин Н. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 220.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 176. Л. 1.

¹¹ Там же.

Я ясно вижу и сознаю буйный рост нашей Родины во всех направлениях и отраслях. Как опытный спец своего дела я предлагаю и свои скромные силы и мечтаю слиться с кадрами работников Союза по моей специальности¹³.

К слову, Михаил Кристи оставил на письме Билибина резолюцию: «Представить Бродскому, взять Билибина профессором в Академию». Упомянутый советский живописец Исаак Бродский, бывший на тот момент директором Всероссийской Академии художеств, тоже получил письмо от Билибина. В нем желавший вернуться художник жаловался на тяжелое положение за границей¹⁴. Положительному решению предшествовал звонок Бродского в секретариат Сталина с просьбой ускорить решение вопроса о приезде Билибина¹⁵. Художник вернулся на родину в 1936 г. вместе с женой – художницей А. Щекатихиной-Потоцкой. Он занял должность профессора графической мастерской Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств, занимался также оформлением театральных постановок и иллюстрацией книг. Во время блокады Ленинграда художник скончался. Щекатихина-Потоцкая до ухода на пенсию в 1953 г. работала на Государственном фарфоровом заводе. Ушла из жизни в Ленинграде в возрасте 75 лет.

Формальным поводом для репатриации В.И. Шухаева стало восстановление Академии художеств. Его учитель 70-летний Д.Н. Кардовский не мог в полной мере руководить мастерской, а приход ему на смену В.И. Шухаева виделся вполне естественным ходом вещей. Кардовский и Мейерхольд были теми, кто свидетельствовал о благонадежности репатрианта Шухаева [Василий Шухаев 2019, с. 31]. Несмотря на, казалось бы, успешное трудоустройство, Советская Россия приняла художника холодно. В 1936 г. по его возвращении были устроены выставки в Москве и Ленинграде. Прямо в каталоге отмечались «отрыв от советской действительности» и «бесплодность мастерства, не заряженного большой идейностью»¹⁶. В качестве смягчающего обстоятельства анонимный рецензент сообщал, что художник

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 176. Л. 1об.

¹⁴ Там же. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 130. Л. 1об.–2.

¹⁵ *Гольнец С.В.* Иван Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 275.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 345. Л. 2.

...задумал монументальное полотно «Посещение членами политбюро Парка Культуры и отдыха им. Максима Горького», которое явится коллективным портретом товарищей Сталина, Орджоникидзе, Кагановича, Молотова, Андреева и Ежова¹⁷.

Весьма показательны письма В. Шухаева директору Академии художеств И.З. Бродскому вскоре после возвращения:

Дорогой Исаак Израилевич, моя к вам нижайшая просьба оказать мне содействие в получении краски и прочего художественного материала, задержанного Ленинградской таможней до уплаты пошлины, каковую уплатить я не в состоянии¹⁸.

Жена художника Вера вернулась в СССР на год раньше мужа. В Москве она получила должность на текстильном комбинате «Красная роза», а затем – в «Трехгорной мануфактуре». Дальнейшая судьба Шухаевых сложилась трагически. В 1937 г. художник с женой были арестованы и осуждены на восемь лет лагерей. Наказание они отбывали на Колыме и в Магадане вплоть до 1947 г. После освобождения супруги поселились в Тбилиси, где в 1948 г. снова подверглись краткосрочному аресту. В течение двух месяцев руководители органов госбезопасности Грузинской ССР решали участь художника и его жены, чтобы, наконец, прекратить дело на основании того, что «Шухаеву В.И. в настоящее время 62 года, и он страдает старческой дряхлостью» [Василий Шухаев 2019, с. 43]. Причем потребовалось вмешательство известной в Грузии художницы Елены Ахвледиани, которая, добившись приема у министра госбезопасности Грузинской ССР, упала перед ним на колени со словами: «Отдайте мне этих стариков!» [Василий Шухаев 2019, с. 47, 179, 355]. Лишь в 1958 г. Вера и Василий Шухаевы были реабилитированы. Как справедливо отмечает искусствовед Н. Элишбарашвили, возвращение на родину в 1934 г. предвещало новый интересный этап в творчестве художника, однако арест и десятилетнее заключение в колымских лагерях оказались трагической вехой в человеческой и творческой судьбе Шухаева [Элишбарашвили 2008, с. 143].

Приведенные примеры не единственные. В межвоенный период помимо уже названных И. Билибина и А. Щекатихиной-Потоцкой, Веры и Василия Шухаевых из Франции в СССР возвратились художники В. Барт, Р. Генин, Н. Глущенко, скульптор Г. Лавров,

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 345. Л. 2–3.

¹⁸ Там же. Д. 312. Л. 1.

критик С. Ромов. Судьбы тех, кто решился вернуться в межвоенное время, по большей части складывались трагически. В 1930-е гг. они, как и значительная часть советских граждан, испытали на себе репрессии, многие художники-репатрианты прошли через лагеря, иные были вынуждены жить в глубокой провинции, не имея шансов реализовать свои творческие возможности [Лейкинд, Северюхин 2015, с. 444]. Для этих последних, по выражению искусствоведа А.С. Шатских,

...самым большим их жизненным успехом в Советском Союзе оказалось то, что никого из них не репрессировали – им просто повезло [Шатских, 1994, с. 342].

По оценкам О.Л. Лейкинда и Д.Я. Северюхина, в разные годы в СССР вернулось около 80 художников-эмигрантов послереволюционной волны. Имеются в виду случаи репатриации, как в межвоенный период, так и после Второй мировой войны. Невозможно не заметить, что репатриация в среде художников-эмигрантов была крайне редким явлением. Ни одному из вернувшихся не посчастливилось стать «звездой» советского искусства. Те из репатриантов, кто выжил в годы террора, а потом смог пережить тяготы Великой Отечественной войны, заканчивали жизнь скромными пенсионерами. Персональные выставки и известность на вновь обретенной родине приходили к ним лишь после смерти.

Литература

- Бочарова 2009 – Бочарова З.С. Эмигрантская периодика 1920–1930-х гг. о правовом положении русских беженцев // Периодическая печать российской эмиграции: 1920–2000. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2009. С. 158–172.
- Бочарова 2015 – Бочарова З.С. Проблема репатриации на страницах эмигрантской печати (1920-е гг.) // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения – 2014: Труды Междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 296–314.
- Василий Шухаев 2019 – Василий Шухаев: искусство, судьба, наследие: коллективная монография / Под науч. ред. Е.П. Яковлевой; Сост.: Е.Н. Каменская, Е.П. Яковлева. М., 2019. 375 с.
- Гольнец 1970 – Гольнец С.В. Иван Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. 376 с.
- Лейкинд, Северюхин 2015 – Лейкинд О.Л., Северюхин Д.Я. Репатриация художников в СССР: Историко-биографический обзор // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения – 2014: Труды междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 426–445.

- Обухова-Зелинская 2012 – *Обухова-Зелинская И.В.* Быт русских эмигрантов в Париже эпохи «рококошских 1920-х (по материалам частных писем и сообщений родственников и друзей Ю.П. Анненкова) // Нансеновские чтения 2010. СПб., 2012. С. 40–54.
- Тарле 1997 – *Тарле Г.Я.* Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. ст. ИРИ РАН. М., 1997. С. 31–62.
- Толстой 2019 – *Толстой А.В.* Художники русской эмиграции (малая серия). М.: Искусство-XXI век, 2019. 344 с.
- Шатских 1994 – *Шатских А.С.* Парижская школа как «филиал» русского искусства // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. Книга вторая. М.: Наследие, 1994. С. 337–342.
- Элизбарашвили 2008 – *Элизбарашвили Н.А.* Проблемы пейзажной и портретной живописи французского периода творчества В.И. Шухаева // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. СПб., 2008. С. 136–143.
- Янгиров 2005 – *Янгиров Р.* Юрий Анненков и Илья Эренбург. Биографии и репутации // In memoriam: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.: Феникс-Atheunum, 2005. С. 299–360.

References

- Bocharova, Z.S. (2009), Emigrant periodicals of the 1920s–1930s on the legal status of Russian refugees in *Periodicheskaya pechat' rossiiskoi emigratsii. 1920–2000* [Periodical press of the Russian emigration. 1920–2000], Moscow, Russia, pp. 158–172.
- Bocharova, Z.S. (2015), “The problem of repatriation on the pages of the emigrant press (1920s)”, *Emigranty i repatrianty XX veka: Slepukhinskiye chteniya-2014* [Emigrants and repatriates of the XX century: Slepukhin readings-2014], Saint Petersburg, Russia, pp. 296–314.
- Elizbarashvili, N.A. (2008), “Problems of landscape and portrait painting of the French period of V.I. Shukhaev’s creativity”, *Izobrazitel'noye iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedeniye Russkogo zarubezh'ya* [Fine arts, architecture and art history of the Russian abroad], Saint Petersburg, Russia, pp. 136–143.
- Golynets, S.V. (1970), *Ivan Bilibin. Stat'i. Pis'ma. Vospominaniya o khudozhnike* [Ivan Bilibin: letters, articles, memoirs about the artist], Leningrad, Russia.
- Kamenskaya, E.N., Yakovleva E.P. (eds.) (2019), *Vasilii Shukhaev: iskusstvo, sud'ba, nasledie: kollektivnaya monografiya* [Vasily Shukhaev: art, fate, heritage: a collective monograph], Moscow, Russia.
- Leikind, O.L. and Severyuhin, D.Ya. (2015), “Repatriation of artists to the USSR: A Historical and Biographical review”, *Emigranty i repatrianty XX veka: Slepukhinskiye chteniya-2014* [Emigrants and repatriates of the XX century: Slepukhin readings-2014], Saint Petersburg, Russia, pp. 426–445.

- Obukhova-Zelinskaya, I.V. (2012), "The life of Russian emigrants in Paris of the era of the 'rumbling 1920s' (based on private letters and messages from relatives and friends of Yu.P. Annenkov)", *Nansenovskie chteniya 2010* [Nansen Readings 2010], Saint Petersburg, Russia, pp. 40–54.
- Shatskikh, A.S. (1994), "Paris School as a 'branch' of Russian art", *Kul'turnoe nasledie rossiiskoi emigratsii* [Cultural heritage of Russian emigration 1917–1940, vol. 2], Moscow, Russia, pp. 337–342.
- Tarley, G.Ya. (1997), "Migration legislation of Russia before and after 1917", *Istochniki po istorii adaptatsii rossiiskikh emigrantov v 19–20 vv.* [Sources on the history of adaptation of Russian emigrants in the 19th and 20th centuries], Moscow, Russia, pp. 31–62.
- Tolstoi, A.V. (2019), *Khudozhniki russkoi emigratsii* [Artists of Russian emigration], Moscow, Russia.
- Yangirov, R. (2005), "Yuri Annenkov and Il'ya Ehrenburg. Biographies and reputations", *In memoriam: Sbornik pamyati Vladimira Alloya* [In memoriam: Collection in memory of Vladimir Alloy], Saint Petersburg, Russia, pp. 299–360.

Информация об авторе

Константин В. Краснослободцев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; constkras@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5445-6722>

Information about the author

Konstantin V. Krasnoslobodtsev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; constkras@gmail.com

УДК 821.161.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-132-138

Эго-миры и взрыв:
«Рассказ о самом главном» Евгения Замятина

Павел Е. Спиваковский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, p.e.spivakovsky@gmail.com*

Аннотация. Земной локус этого рассказа, находящийся на перекрестье множества, казалось бы, несовместимых, но при этом живых и трагически глубоких миров, охвачен среди прочего и мультиперсональным «эго» диегетического нарратора. Эти миры пронизаны болью и отчаянием, однако, по Замятину, перед нами проявления живого начала, наполненного энергиями революции. Как известно, Замятин, опираясь на учение Р. Майера, противопоставлял энергию, понимаемую им как революционное начало, энтропии – застою и омертвлению. Энергичный взрыв, по Замятину, – это необходимый удар слева по квази-левому большевистскому режиму, подавляющему свободу и теряющему живой облик.

Ключевые слова: Замятин, эго-миры, мультиперсональное эго, realioга, трагизм, энтропия, энергия

Для цитирования: Спиваковский П.Е. Эго-миры и взрыв: «Рассказ о самом главном» Евгения Замятина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 132–138. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-132-138

Ego worlds and explosion:
'A Story about the most important thing'
by Yevgeny Zamyatin

Pavel E. Spivakovskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
p.e.spivakovsky@gmail.com*

Abstract. The earthly locus of this story, located at the crossroads of many seemingly incompatible yet vibrant and tragically profound worlds, is encompassed, among other things, by the multi-personal “ego” of the diegetic narrator. These worlds are imbued with pain and despair, but, according to

© Спиваковский П.Е., 2022

Zamyatin, we are faced with manifestations of a living beginning, filled with the energies of revolution. As is known, Zamyatin, based on the teachings of R. Mayer, contrasted energy, which he understood as a revolutionary beginning, with entropy – stagnation and immortality. Energetic explosion, according to Zamyatin, is a necessary blow from the left to the quasi-left Bolshevik regime, which suppresses freedom and loses its living face.

Keywords: Zamyatin, ego worlds, multi-personal ego, realiora, tragedy, entropy, energy

For citation: Spivakovskii, P.E. (2022), “Ego worlds and explosion: ‘A Story about the most important thing’ by Yevgeny Zamyatin”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 132–138, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-132-138

Одним из ключевых образных элементов этого произведения является мультиперсональное «эго» диегетического нарратора, благодаря которому сложное перекрестье множества перцептивных миров персонажей, казалось бы, бесконечно далеких друг от друга, обретает надличностное единство. Эти миры иногда болезненно «ввинчиваются» друг в друга, как, например, мир умирающих людей на темной звезде вторгается в мир Земли, для того чтобы породить новую жизнь, уничтожив прежнюю. Так и мир червя *Rhopalocera* внезапно входит в мир Тали и Куковой:

Ветка вздрагивает – и вниз летит желто-шелковый *Rhopalocera* прямо на Талины колени, в теплую ложбину ее пропитанного солнцем и телом платья. Там свивается мучительно тугим кольцом – и если бы, если бы крикнуть, что ведь завтра – надо умереть!¹

Здесь автор необычным образом соединяет чувственно-телесные описания с пронзительным, растянутым во времени ощущением боли и трагизма бытия (это напоминает атмосферу вагнеровской оперы «Тристан и Изольда», и, кстати, параллель с Вагнером неслучайна: дракон из одноименного рассказа Замятина также отсылает нас к вагнеровскому персонажу Фафнеру из второго действия оперы «Зигфрид»). Благодаря такому соединению эротическое начало в мире Тали и Куковой преобразуется, создавая ощущение соприкосновения с трагическим единством смерти и рождения (уже не вагнеровским), причем, по Замятину, эта боль и этот тра-

¹Замятин Е.И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2: Русь. М.: Русская книга, 2003. С. 65.

гизм пронизаны взрывными энергиями жизни и революции, чья витальная сила, конечно, не оправдывает человеческие жертвы, приносимые ей, подобно древней каменной бабе, однако революция одухотворяет бытие, порождая свободу и позволяя родиться на свет невиданному и прекрасному. Как известно, Замятин, опираясь на учение Р. Майера, противопоставлял *энергию*, понимаемую им как революционное начало, *энтропии* (то есть застою и омертвлению), причем, по мысли писателя, рождение нового возможно только через трагическую безысходность и боль, порождаемую энергично-революционным взрывом: «Багров, огнен, смертелен закон революции, но это смерть – для зачатия новой жизни, звезды»².

Болезненно переплетающимся мирам «живых» персонажей противопоставлено энтропийное существование твердокаменного коммуниста Дорды, бывшего товарища Кукуверова по революционной борьбе. Дорда подавляет свободу, как ему кажется, во имя революции, утверждая таким образом деструктивное, энтропийное начало. Коллективистско-тоталитарное «мы» Дорды и его единомышленников-большевиков сметает личности с их болью и глубиной, подменяя все это утопической надеждой на коллективное «счастье»:

Потом вместо я – мы, и у всех нас одно, самое главное, единственное в жизни: чтобы через мост – и согнуть, сломать тех – прочь с дороги, с земли – чтобы не мешали... Чему? Да счастьем, конечно³.

Ради этого им, разумеется, не жалко никого и ничего. И во время штурма моста, разделяющего две деревни, «советскую» и «несоветскую», Дорда твердит сам себе: «Это – не я, это – еще не я. Надо скорее!»⁴. Заклиная себя от случайной пули, Дорда в то же время противопоставляет себя человеку на мосту, кричащему глазами: «Это же я, это я!»⁵. Он беззвучно кричит о том, что *убивать его перцептивный центр мира нельзя*: перед нами квинтэссенция отчаяния. Однако для Дорды любое «я», даже его собственное, малозначимо. Важна лишь победа идеологически единого «мы». «Рев: “Ур-ра-а!” – конец моста, все исчезает, как на экране, когда зажжен свет – и только самое главное: согнуть, сломать тех»⁶. Для психологически «неживого» Дорды другие личности с их нунуж-

²Замятин Е.И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2: Русь. Т. 3: Лица. 2004. С. 174.

³Там же. Т. 2. С. 68.

⁴Там же. С. 74.

⁵Там же.

⁶Там же. С. 75.

ными мирами и чувствами лишь препятствие на пути «самому главному» – торжеству омертвляющего единомыслия. Впрочем, и Дорда еще не вполне закаменел в своей фанатической одержимости. В его почти полностью окаменевшем лице арестованный Куковеров видит: «В тени, под острой скулой у Дорды мечется какой-то червяк»⁷. О червяке он только что говорил Дорде:

Там, может быть – совершеннейшая пустота, пустыня, ничего – и, понимаешь, думаю: вдруг увидеть там вот эту самую кружку и вот тут на ней грязь – может быть, это такая невероятная радость – такая... Или увидеть: ползет червяк – больше ничего: червяк⁸.

Вместо свидригайловской «банки с пауками» в воображении замятинского героя возникает образ червя, который в контексте рассказа вызывает ассоциацию не с могильным обитателем, уничтожающим человеческие тела, а с пронзительно живым, хотя и умирающим червем *Rhopalocera*. И когда червь внезапно обнаруживается под кожей, казалось бы, безвозвратно окаменевшего лица Дорды, это на символическом уровне свидетельствует о неполноте победы энтропийного начала в его все более и более каменеющем сознании. Этот червь сомнения, возможно, и заставляет героя разрешить предсмертное и, по мнению утилитариста Дорды, бессмысленное свидание Тали и Куковерова: «Это, может быть, глупо и нельзя, – но все равно: вот хочешь – она придет сюда, к тебе?»⁹ В этом подавляющем все живое советском тюремном пространстве *ничего нельзя*, все человеческое а priori запрещено, и все же...

Таля, пришедшая на последнее свидание перед расстрелом, нескладно пытается обмануть Куковерова, воодушевив его тут же сочиненной ею историей о том, что Дорда якобы передумал его убивать. Эта сцена напоминает финальную сцену оперы Дж. Пуччини «Тоска» (премьера в Риме – театр Костанци, 1900, первая постановка в России – театр Солодовникова в Москве, 1904 [Гоценпуд 1965, с. 408]). Героиня этой оперы, думая, что ее возлюбленного, художника Марио Каварадосси, расстреляют «для вида», холостыми патронами (в этом ее уверил глава римской полиции, барон Скарпиа, и Тоска верит ему, хотя Скарпиа, виртуозно играя с ней, отдает приказ о расстреле «по-настоящему»). Вот что писал об этом выдающийся исполнитель партии Каварадосси, знаменитый итальянский тенор Беньямино Джилли:

⁷Там же. С. 88.

⁸Там же. С. 87.

⁹Там же. С. 88.

Тоска приносит Марио пропуск и говорит ему, что он свободен и может покинуть тюрьму. <...> Марио не верит ей. Он не может заставить себя поверить, что счастье близко. Он понимает, что Флорию жестоко обманули, но пытается развеселить ее, вселить надежду, однако все это время – от начала до конца сцены – ясно, что это последние мгновения, которые они проводят вместе, что скоро он умрет¹⁰.

Примерно так же в ответ на неуклюжий обман Тали поступает и Куковеров. Он не спорит с девушкой, пытаясь скрасить для нее последние мгновения счастья. Опера «Тоска», несомненно, была знакома Замятину, а ее «полуреволюционный» сюжет, весьма вероятно, мог привлечь писателя.

Но жертвенная любовь Тали, которая в условиях радикально ускорившегося движения времени (эта «фантастическая» мысль Куковерова тесно увязана с лейтмотивным образом: стрелки часов с сорванной пружиной бешено вращаются со все большей и большей скоростью) хочет *успеть* перед расстрелом Куковерова зачать от него ребенка (для бездетного Замятина этот мотив приобретает особую болезненность и остроту [Давыдова 2018, с. 314]), радикально отличает замятинский сюжет от пуччиниевского. Перед нами не просто частное устремление героини рассказа. Речь идет о возможности побороть смерть – рождением. Так, смерть червя *Rhopalosega* порождает жизнь бабочки, и именно такой вылупившейся из куколки бабочкой Таля любовалась на Рождество. Вскоре после выхода замятинского рассказа в журнале «Русский современник»¹¹ похожий мотив появляется у Владимира Набокова в рассказе «Рождество», впервые напечатанном в газете «Руль»¹², однако если Набоков всячески подчеркивает искусственность, нарочитую сконструированность изображаемого, то для Замятина важно подчеркнуть исключительную бытийную значимость самого акта рождения, мучительно трагического и в конечном счете оправдывающего существование всего живого, даже если это мучительно умирающий «в куколку» червь *Rhopalosega*. Это в конечном счете и есть настоящее «самое главное» во внешне разных, но по сути единых проявлениях витальности и рождения новой жизни. Так, для

¹⁰ *Джилли Б.* Я не хотел жить в тени Карузо. М.: Классика-XXI, 2001. С. 89.

¹¹ *Замятин Е.И.* Рассказ о самом главном // Русский современник. Л.; М., 1924. Кн. 1. С. 11–39.

¹² *Сирин В. (Набоков В.В.).* Рождество // Руль. Берлин, 1925. 6 янв. № 1243. С. 2; 8 янв. № 1245. С. 2.

мира сирени «цвести – тяжело, и самое главное – это цвести»¹³. Для Тали и Куковерова победа над смертью – это будущее рождение их ребенка. Несмотря на расстрел.

Другой сюжет рассказа фантастичен. Последние погибающие люди на далекой Звезде живут в высокоинтеллектуальном причудливо декадентском мире, пронизанном модернистскими интенциями. Ницшеанская этика и предельная сексуальная свобода последних людей тесно связаны с культурной атмосферой Серебряного века, а две луны неслучайно отсылают к знаменитому стихотворению В.Я. Брюсова «Творчество». Такая модернистски окрашенная фантастика, по Замятину, не менее реальна, чем привычные для нас очертания эвклидова мира. В статье «О литературе, революции, энтропии и о прочем», написанной, как и «Рассказ о самом главном», в 1923 г., Замятин подчеркивал: «Все реалистические формы – проектирование на неподвижные, плоские координаты Эвклидова мира. В природе этих координат нет, этого ограниченного, неподвижного мира нет, он – условность, абстракция, нереальность»¹⁴. Иначе говоря, по мысли писателя, опасная близость к традиционалистской, стационарно предсказуемой системе координат сама по себе способна порождать энтропию.

И потому реализм – нереален: неизмеримо ближе к реальности проектирование на мчащиеся кривые поверхности – то, что одинаково делают новая математика и новое искусство. Реализм не примитивный, не *realia*, а *realioga* – в сдвиге, в искажении, в кривизне, в необъективности. Объективен объектив фотографического аппарата¹⁵.

Иначе говоря, «объективным» оказывается лишь неживое.

Поэтому умирающий фантастический мир людей на темной звезде, может быть, куда «реальнее» для автора рассказа, чем привычные для нас «жизнеподобные» традиционалистские образы (впрочем, и в описании земной жизни писатель весьма радикально порывает с традиционалистской поэтикой).

Люди на темной звезде направляют свой погибающий мир на Землю (плохая физика, сказал бы Пушкин, но естественнику Замятину здесь явно не до физики в буквальном смысле этого слова). При помощи катастрофического столкновения двух небесных тел погибающая древняя цивилизация стремится зачать новую жизнь, исправляя неудавшуюся, по мнению писателя, революцию ее «вто-

¹³ Замятин Е.И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 82.

¹⁴ Там же. Т. 3. С. 179.

¹⁵ Там же.

рым пришествием» в виде мощнейшего энергийного взрыва, творящего на почти божественный лад все живое заново. По Замятину, это необходимый удар слева по квази-левому большевистскому режиму, подавляющему свободу и теряющему живой облик. Этот режим столь же противоестественен для автора рассказа, как сжатый рот закостенелого догматика Дорды, постоянно открывающийся в «невозможном» для живого человека месте.

Литература

Гозенпуд 1965 – *Гозенпуд А.А.* Оперный словарь. М.; Л.: Музыка, 1965. 480 с.
 Давыдова 2018 – *Давыдова Т.Т.* Замятинская энциклопедия. М.: Флинта, 2018. 742 с.

References

Gozenpud, A.A. (1965), *Opernyi slovar'* [Opera Dictionary], Muzyka, Moscow, Leningrad, USSA.
 Davydova, T.T. (2018), *Zamyatinskaya entsiklopediya* [Zamyatin Encyclopedia], Flinta, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Павел Е. Спиваковский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; p.e.spivakowsky@gmail.com

Information about the author

Pavel E. Spivakovskii, Cand. of Sci. (Philology), associate professor Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; p.e.spivakowsky@gmail.com

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-139-154

«История народов СССР» Ю.В. Готье в МГИАИ
(1936/1937 учебный год)

Филипп Г. Тараторкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Taratorkin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются в историографическом контексте основные проблемы, темы и сюжеты неопубликованного лекционного курса «История народов СССР», прочитанного академиком Ю.В. Готье в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) в 1936/37 учебном году. В лекционном курсе видны те приоритеты и ориентиры, которые обусловлены спецификой историографического процесса тех лет, но при этом очевидны и многие фундаментальные принципы и основы понимания русского исторического процесса, характерные для историков «старой школы», вынужденных адаптировать свой жизненный мир к обстоятельствам нового историографического быта.

Ключевые слова: Ю.В. Готье, историография, жизненный мир, М.Н. Покровский

Для цитирования: Тараторкин Ф.Г. «История народов СССР» Ю.В. Готье в МГИАИ (1936/1937 учебный год) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 139–154. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-139-154

“History of the peoples of the USSR”
by Yu.V. Gauthier at MGIAI
(1936/1937 academic year)

Phillip G. Taratorkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Taratorkin@mail.ru*

Abstract. The article considers in historiographical context the main problems, topics and subjects of the unpublished lecture course “The History of the Peoples of the USSR”, delivered by Academician Yu.V. Gautier at the Moscow State Historical and Archival Institute (MGIAI) in the academic

© Тараторкин Ф.Г., 2022

year 1936/37. In the lecture course are seen those priorities and benchmarks which are due to the specifics of the historiographical process of those years, but at the same time are evident many fundamental principles and foundations of understanding of the Russian historical process, typical for historians of the “old school”, forced to adapt their lives to the circumstances of the new historiographical life.

Keywords: Yu.V. Gautier, historiography, lifeworld, M.N. Pokrovskii

For citation: Taratorkin, Ph.G. (2022), “ ‘History of the peoples of the USSR’ by Yu.V. Gauthier at MGIAI (1936/1937 academic year)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 139–154, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-139-154

1936/1937 учебный год был первым годом преподавания профессора Юрия Владимировича Готье (1873–1943) в Московском государственном историко-архивном институте (далее – МГИАИ). За плечами у маститого и авторитетного историка и педагога – годы гражданской и отчасти научной опалы (Академическое дело), профессиональная неприкаянность, отчуждение коллег. Все это весьма характерно для советского этапа биографии историков старой школы, пытающихся адаптировать свой жизненный мир к новой исторической реальности.

О преподавании Ю.В. Готье в Историко-архивном институте сохранилось не так много документальных или мемуарных свидетельств, но те, которые есть в нашем распоряжении, – весьма красноречивы.

Студенты второй половины 1930-х гг. вспоминали, что профессор Ю.В. Готье

...призывал студентов не отвергать с порога старую, буржуазную литературу: если это есть ценное историческое исследование... то в таком случае очень уместно внести в свою работу... споры по данному поводу [Хорхордина, 2020, с. 98].

Еще одно мемуарное свидетельство:

...на лекции Ю.В. Готье приходили студенты других курсов, иногда и других вузов [Хорхордина, 2020, с. 98].

Первым лекционным курсом, прочитанным Ю.В. Готье в МГИАИ, был курс, который в соответствии с учебными планами того времени назывался «История народов СССР». Такое назва-

ние предполагало, как это было принято и в только что появившихся учебниках истории того времени, освещение исторического прошлого всех союзных республик – национальных окраин и различных присоединенных территорий Русского государства и Российской империи разных периодов [Юрганов 2011; Артизов 2021, с. 399]. Интересно, что в фонде МГИАИ в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) в протоколах заседаний кафедры истории СССР (ею заведовал в те годы профессор П.П. Смирнов) не сохранилось данных об обсуждении концепции данного лекционного курса. Нет материалов по истории курса и в личном архивном фонде Ю.В. Готье в Архиве Российской Академии наук (РАН).

Лекционный курс Ю.В. Готье цитируется по стенограммам (авторизованная машинопись), переданным в 2012 г. на хранение в Гуманитарный архив РГГУ кандидатом исторических наук, доцентом Ларисой Николаевной Простоволосовой и хранящимся в еще *не описанном* фонде Л.Н. Простоволосовой¹.

В машинописном тексте лекций Ю.В. Готье, на котором основана настоящая статья, сохранились записи двадцати шести лекций, которые, судя по датам, читались два раза в неделю в период с 25 сентября 1936 г. по 16 ноября 1937 г. Записи лекций именуются в источнике стенограммами и содержат небольшую рукописную правку (преимущественно вставки в текст от нескольких слов до словосочетаний), выполненную простым карандашом.

Пагинация в источнике начинается со страницы 302 (на некоторых страницах есть расположенная правее первоначальной и сделанная другим, более мелким, почерком вторая пагинация, начинающаяся со страницы 59, но почему-то с пропуском страниц, остающихся по второй пагинации не пронумерованными).

Стенограммы целого ряда лекций начала курса не сохранились. Первая из сохранившихся стенограмм датирована 22 декабря 1936 г.

Лекция от 22 декабря 1936 г. посвящена Казанскому походу Ивана IV 1552 г., его историческому значению и последствиям. Интересно, что лектор подробно характеризует положение и образ действий противоположной, враждебной стороны – казанских татар:

За четыре года, когда выяснилось, что борьба удачи принести не может, многие из тех казанских феодалов, которые участвовали в ней, или погибли, или бежали в те татарские государства, которые к это-

¹ГА РГГУ. Ф. 4 (Фонд Л.Н. Простоволосовой). Далее отсылки на листы этого архива будут даны в тексте в круглых скобках.

му времени еще были вне московской власти: частью – в Астрахань, а главным образом, наиболее активные элементы, которые имели материальную возможность перемещаться далеко, хотя бы даже ценой своего разорения, бежали в Крым.

Таким образом, первый результат всей этой борьбы – это исчезновение, или, по крайней мере, сильная убыль в составе казанских феодалов.

Я думаю, что вы сами уже можете вывести отсюда такое заключение, что это облегчало русскую политику. Наиболее активный враждебный элемент просто был почти истреблен войной, а частично должен был бежать.

Что касается массового населения в Казани, то московское правительство после того, как кончился бой в первые дни октября, прямого вреда ему не делало. Население было зачислено в данники, должно было платить то, что платили и русские (Л. 306).

Для лекций Ю.В. Готье характерно выделение в числе исторических последствий того или иного процесса или явления двух типов последствий – ближайших и более далеких, как он их определяет.

Так, в случае с Казанским походом к ближайшим последствиям он относит

...превращение Казани в русскую крепость с обращением ее ближайших окрестностей в земли, населенные русскими и прежде всего русскими помещиками (правда, первоначально не в большом числе) (Л. 308).

К более далеким последствиям относится, по мнению лектора, такой эффект, как ослабление Астрахани под влиянием успешного казанского похода. А после взятия Астрахани (1556 г.) «Москва наложила свою руку почти на половину всей европейской части Союза» (Л. 310).

Отметим здесь слово «Союза», указывающее на концептуальные и содержательные границы лекционного курса: все половины, части, четверти и прочие единицы измерения территории государства соотносятся с географической реальностью СССР, т. е. государства в тех его максимальных границах, которые существовали на период середины 1930-х гг.

И далее Ю.В. Готье дает максимально обобщенную характеристику наиболее существенных последствий «казанского взятия», показательную с точки зрения терминов и понятий современной лектору историографии.

Моментом превращения Московского государства из национально-великорусского в государство многонациональное и является время, последовавшее за взятием Казани, за завоеванием Казанского царства, которое по существу было не только завоеванием Казанского царства, а завоеванием всей Волги и всей восточной половины европейской части Союза. С этого времени начинается в истории тамошних племён длительный и тяжелый период; они вступили в Московское государство, ставшее тюрьмой народов, и в этой тюрьме они просидели (правда, вместе с русским народом) до Октябрьской революции (Л. 317–318).

С темой долгосрочных последствий взятия Казани соседствует в лекциях Ю.В. Готье еще одна тема, отличающаяся особой историографической значимостью. Эта значимость даже побуждает лектора к раздаче определенных историографических оценок и диагнозов. И хотя после коллективного осуждения идей и научного словаря М.Н. Покровского прошло уже несколько лет, острота вопроса (или заказ на констатацию такой остроты) еще не притупилась, а тема Покровского продолжает обладать полемическим потенциалом.

Нам предстоит разобрать очень важный политический момент в истории Московского государства, момент, когда давно наметившиеся социально-враждебные силы, готовившиеся в течение полувека к борьбе, наконец, столкнулись. Я имею в виду борьбу царского самодержавия, опиравшегося на дворянство и отчасти на посадское население больших городов, против старой феодальной аристократии, борьбу, которая разгорелась в царствование Ивана Грозного как раз после взятия Казани. Конкретно это выразилось в истории очень своеобразного учреждения, так называемой опричнины, под которым позднейшие историки, в частности, Покровский (чем он несколько путает понятие) разумели не только известное учреждение, не только опричнину как учреждение, но и целую эпоху, чего по существу смешивать не следует (Л. 318).

Уже в следующей лекции (от 25 декабря 1936 г.) Ю.В. Готье вновь возвращается к этой теме – и снова в связи с определениями М.Н. Покровского.

Теперь нам нужно немножко расширить поле нашего наблюдения и посмотреть, почему в конце концов в четырёхтомнике Покровского под опричниной разумеется целая эпоха. Я думаю, частично уже объяснение дано. Опричнина, как учреждение, настолько пагубно

действует на всю страну в 60-е годы, что и этого достаточно, чтобы назвать всю эпоху эпохой опричнины (Л. 353).

Ю.В. Готье дает еще одну интересную характеристику, что называется, одним мазком:

...в период между торжественным венчанием Ивана (1547 год) и 1552 годом, годом взятия Казани, мы имеем ряд конкретных мероприятий, которые направлены к реформе правительственного аппарата. Реформы проводятся новой группой правительственных советников. Но, по-видимому, при деятельном участии самого Ивана, попавшего на некоторое время под влияние – скажем осторожно – более разумных людей (Л. 318).

Стенограммы лекций Ю.В. Готье интересны некоторыми эпизодами, вскользь характеризующими ту московскую повседневность, которая была перед глазами у лектора и его слушателей в окрестностях улицы 25 Октября. Говоря об опричной топографии Москвы, Ю.В. Готье отмечает, что Иван Грозный

...даже в Москве выделил некоторые места в опричнину. Он даже съехал из Кремлевского дворца и, когда бывал в эти годы в Москве, то жил в своем опричном дворце, в том месте, где теперь строится Ленинская библиотека. Как раз на выезде из Кремля, в той большой усадьбе, где теперь возводится новое здание Ленинской библиотеки, стоял опричный двор, или опричный дворец царя Ивана (Л. 349).

Заметим, к слову, что историко-топографические экскурсии мы можем встретить и в других лекциях курса. Так, в лекции от 25 апреля 1937 г., характеризуя взаимоотношения России с Грузией при Петре I, Ю.В. Готье рассказывает о происхождении в Москве местности, именуемой Грузины (Л. 500), а затем в той же лекции делится воспоминанием:

Все коллегии умерли к концу XVIII века, а святейший синод, т. е. духовная коллегия, продолжала сохранять эту организацию; и еще в 1916 году вы могли встретить в Москве вывесочку, на которой было написано: «святейшего синода контора». И состав синода, и первоприсутствующий и члены, – это устройство было повторением Петербургской коллегии (Л. 514).

Примечательно внимание Ю.В. Готье к некоторым терминологическим вопросам. В частности, он прослеживает историческую

эволюцию понятия «сын боярский» (и «дети боярские»), отмечая, что со временем «сын боярский» получает значение, глубоко отличающееся от первоначального (Л. 327).

И далее терминологические нюансы переходят в область идеологических конструкций. Ю.В. Готье особо оговаривает этот момент:

Следующий очередной вопрос – это борьба между царским самодержавием и крупными феодалами. Прежде чем описывать эту борьбу, мы рассмотрим идеологию людей того времени. Все стороны, принимавшие участие в этой борьбе, позаботились о наших интересах и оставили нам изложение своих мыслей в связи с неизбежным столкновением (Л. 327).

Через три дня после первой из сохранившихся в стенограммах лекций, 25 декабря 1936 г., Ю.В. Готье переходит в следующей лекции к анализу общественно-политического самосознания деятелей русской истории эпохи Ивана Грозного.

В данной и последующих лекциях Ю.В. Готье отчасти восполняет те пробелы, которые есть в лекционном курсе и на которые мы обречены по причине неполноты сохранившихся стенограмм. Например:

В своё время я останавливал ваше внимание на том, что подробности и техника этого процесса созидания служилого дворянства, к великому сожалению, очень мало нам известны, потому что нет материалов (Л. 331).

Одним из идеологов нового периода в истории русского самодержавия Ю.В. Готье называет Ермолая-Еразма, которому дает подробную характеристику.

Эразм – по-тогдашнему очень образованный человек и член того научно-литературного кружка, который тогда в Москве образовался. Пожалуй, это был первый кружок такого рода (...) Конечно, для них литература была очень узкая: это была церковная литература. Но этот кружок довольно много сделал в этой области, составив, например, сборник житий русских святых, который известное историографическое значение имеет и для нас (Л. 332).

Интересно, кстати, что Ю.В. Готье не подчеркивает демократизм Ермолая-Еразма, его интерес к «крестьянской тематике», как об этом будет говорить в конце 1950-х гг. А.А. Зимин. Принад-

лежность же Ермолая-Еразма к духовному сословию Ю.В. Готье объясняет так:

Когда интересы боярства и самодержавия разделились, церковь стала на сторону самодержавия. И поэтому формулировка мыслью о том, как надо построить ту феодальную прослойку, которая, как это было видно, должна была заменить старое боярство, эта формулировка и принадлежит одному из членов церкви (Л. 333).

При появлении в лекциях имени И.С. Пересветова вновь возникает полемическое упоминание М.Н. Покровского. Ю.В. Готье отмечает:

Между прочим, Покровский сомневался в его личности, т. е. он предполагал, что это – псевдоним неизвестного нам человека, реально, в виде Ивана Пересветова не существовавшего (Л. 335).

При этом лектор подчеркивает (тем самым как бы снижая ценность исследовательских сомнений М.Н. Покровского):

Но, конечно, для нас неважно, был ли это псевдоним, был ли это реальный человек. Интересны те мысли, которые выражены Пересветовым. Иными словами, вопрос этот имеет, конечно, второстепенное значение, но во всяком случае категорическое утверждение Покровского о том, что Пересветов – это миф, так же мало на чем основано. Он основывается на том, что никаких других сведений об Иване Пересветове мы не имеем, кроме тех, которые он нам сам сообщает (...) Вот что, вероятно, и привело Покровского к сомнению в реальном существовании этой личности (Л. 335).

Еще одним крупным политическим мыслителем эпохи Ю.В. Готье называет князя А.М. Курбского. Любопытно, что в контексте лекции он дает аудитории литературную отсылку: Иван Грозный

...расправился с его [Курбского. – Ф. Т.] семьёй, расправился и с холопом Курбского, которого Курбский прислал со своим знаменитым посланием, Васькой Шибановым. Этот эпизод нашел себе выражение в нашей художественной литературе: у Алексея Толстого (старого) есть стихотворение, посвящённое Василию Шибанову, которое вполне соответствует действительности (Л. 338).

Показательно уточнение «старого». Под «новым» Алексеем Толстым лектор разумеет А.Н. Толстого, в те годы становившегося

более заметным и узнаваемым, чем «старый» А.К. Толстой. Суть же политической позиции А.М. Курбского Ю.В. Готье резюмирует вполне по-карамзински:

...только когда царь был в мире с боярами, только тогда Московское государство строилось, а теперь, когда между ними ведётся война, Иван терпит поражения в войне с Литвой, что его величайший грех, его величайшее преступление – это истребление боярского класса (Л. 338).

Для более детального знакомства с идеологией самого Ивана Грозного Ю.В. Готье отсылает слушателей к 31 тому «Русской исторической библиотеки» – наиболее фундаментальному к 1936 г. изданию Переписки Ивана Грозного с А.М. Курбским. Сам же историк делает такой вывод: идеология Ивана Грозного –

...это есть только конечная, доведенная до абсурда формулировка, которая началась со времени Ивана III, Иосифа Санина, со времени, когда воспринималось идейное наследие Византии, затем все это настоялось, развилось дальше и дало в результате эту яркую формулировку Ивана Грозного (Л. 340).

Еще один уровень обобщения – с точки зрения классового подхода, как сказали бы в те годы. Ю.В. Готье как бы напоминает аудитории, что идеология и политические теории – это, выражаясь по-марксистски, надстройка. А базис вот в чем:

Нужно сказать, что вся эта борьба, в которой боярство потеряло свои позиции и от которой получило много пользы дворянство, вся эта борьба происходила за счет крестьянства и на спине крестьянства (Л. 354).

Говоря в лекции от 28 декабря 1936 г. об актуальной для эпохи Ивана Грозного геополитике, Ю.В. Готье подчеркивает внутривнутриполитическое измерение Ливонской войны. Он выделяет две придворных группировки.

Дворянско-поместный класс поддерживал Ивана, надеясь получить в этой новой территории земли, которые действительно и были раздаваемы в Балтийском крае, – правда, ненадолго. Наоборот, другая часть советников Ивана была против войны, и это было одной из причин, вызвавших охлаждение Ивана к его «избранной раде» (Л. 359).

Вскоре и война, как говорит Ю.В. Готье, «застыла на месте, однако, требуя каждый год притока новых сил как со стороны Москвы, так и со стороны ее противников» (Л. 364).

Особое внимание Ю.В. Готье к Ливонской войне объясняется тем, что ее несчастливый для России исход сформировал, по мнению историка, многие решающие предпосылки возникновения Смуты, одним из классических исследователей которой является Ю.В. Готье.

Касаясь западных влияний и контактов в годы царствования Ивана Грозного, Ю.В. Готье констатирует, что

...в течение всего царствования Ивана Грозного именно англичане являются главными контрагентами русских в Западной Европе (...) англичане даже поставляли некоторые военные припасы и довольно долго в 60-х и 70-х годах пользовались отчасти Нарвой как гаванью (Л. 370).

От вопроса о торговых связях русских купцов с англичанами и другими иностранцами Ю.В. Готье переходит к проблеме, снова требующей обобщения – к проблеме формирования общерусского рынка. Известно, что в историографическом плане именно складывание всероссийского рынка советские историки признавали главным признаком перехода России от средневековья к новому времени. Ю.В. Готье придерживается классической схемы:

По этому вопросу мы имеем чрезвычайно интересное и справедливое мнение Ленина, который ставит создание русской национальности, как чего-то, сознающего само себя, в связь с территориальными и экономическими связями (Л. 376–377).

И снова к вопросу о роли англичан:

Изучая торговые сношения XVI века и сопоставляя их с мнением Ленина, мы можем наглядно видеть, как подготовлялось создание такого национального рынка и как, в связи с этим, сложилась окончательно русская национальность. Путешествия англичан открывают в этом отношении много фактических подробностей, которые делают наглядно понятным, как этот рынок создавался (Л. 377).

Интересна уклончивость, с которой Ю.В. Готье подводит общий итог характеристике царствования Ивана Грозного:

...эта эпоха стоила очень дорого стране. Но в известной степени мы, конечно, не можем отрицать и некоторой ее прогрессивности: она стимулировала общий процесс падения феодальных отношений, она вызвала крушение элемента регрессивного – старого феодального боярства, вообще она стимулировала, подгоняла исторический процесс (Л. 381).

В характеристике правления Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова Ю.В. Готье фактографичен и описателен. Тем неожиданнее историографический сполох все на ту же тему:

Покровский (а надо сказать, что Покровский отрицательно отзывался о всех монархах) делает единственное исключение, говоря о Борисе Годунове, как о единственном настоящем государственном человеке того времени. Снова фактор Покровского. И далее: «Личная оценка Бориса Годунова, как историками, так и современниками, – единодушная. Это самый выдающийся в государственном отношении человек до эпохи Петра I. То, что в душе он не был палачом, показывает всё его царствование, хотя окончилось оно некоторыми припадками ярости и ненависти против тех же бояр» (Л. 413).

С лекции от 16 апреля 1937 г. начинается характеристика Ю.В. Готье эпохи Петра I. Лектор так характеризует молодого Петра в 1688–1689 гг.:

Пётр в это время находился в стадии вольного молодого человека, который не подчинялся никакой дисциплине, который не признавал этикета московского дворца, – да никто его и не понуждал к этому, – который тяготился всякий раз, когда ему из свободного Преображенского надо было ехать в ту тюрьму, какой он считал московский большой дворец (Л. 440).

И чуть дальше своеобразный образ: «Пётр ещё продолжал быть политическим младенцем» (Л. 444).

Одним из ключевых событий в ранней истории царствования Петра I Ю.В. Готье считает Великое посольство. Именно это мероприятие, по его мнению, активизировало процесс демонизации Петра I в умах не сочувствовавших ему и его реформам:

...пошли слухи о том, что царь уехал, там его подменили, там его посадили в бочку и пустили в море, а вместо него приехал чуть ли не сам антихрист. Вы, конечно, чувствуете и понимаете, где должны были зародиться такие слухи: в наиболее отсталых и консервативных

кругах, и не только придворных, а и обывательских. Между прочим, была целая агентура, которая вела в этом смысле широкую пропаганду за пределами Москвы: это были раскольники, раскольники, которых продолжал всё время преследовать патриарх Иоаким и правительство Петра. Я вам потом укажу, что сам Петр боялся и преследовал раскольников за их политические идеи – там, где они выступали, как политики, или где ему казалось, что они выступают таким образом. К религиозным делам сам Петр был глубоко равнодушен, и там, где раскольники немножко уступали, по крайней мере в мирских делах, там он сумел с ними великолепно поладить. Ведь именно раскольники, как прекрасные ремесленники, жившие на севере, вокруг Онежского озера, были одной из главных сил при постройке Петербурга (Л. 453).

Очень живую характеристику дает Ю.В. Готье старообрядцам в следующей лекции – при изложении истории Северной войны:

Выгорецкие скиты были основным ядром крайнего раскола на севере. А Пётр сумел с ними заключить договор, джентльменское соглашение: они ему поставляют труды рук своих, а он их не трогает. Это был народ чрезвычайно деятельный, способный, крепкий, у которого всякие ремесла процветали. Нужна флотилия баржей, – пожалуйста, они ему готовят. Нужны металлические части, там есть олонечкая руда. Словом, всякую мелочь, всякие приборы для колоссального предприятия по постройке нового города на Неве часто выполняли старообрядцы (Л. 468).

Подходя к истории Северной войны, Ю.В. Готье дает такую интерпретацию ее предпосылок и подготовки:

Вот теперь обычно говорят на собраниях: «есть предложение». Так и там появилось предложение, которое очень осторожно дебатировалось в Берлине, несколько более открыто в Польше, – но это, правда, немножко позднее. Во всяком случае появилась мысль, что надо воспользоваться тем, что во главе Швеции стоит ребёнок, что там не спокойно, и отвоевать то, что можно было отвоевать, то, что не принадлежало к самой Швеции и что было завоёвано шведами в XVII столетии (Л. 455).

Своего рода вставной новеллой является рассказ Ю.В. Готье в лекции от 19 апреля 1937 г. о Мазепе.

Недавно я читал маленькое рукописное исследование, и мне было указан источник: было найдено дело в одном из ленинградских

архивов – о сооружении ордена Иуды, и даже описан орден: серебряная цепь и медаль с изображением Иуды предателя. Это дело так и осталось. Но спрашивается, для чего оно было сделано? Было высказано предположение, которое я лично разделяю, что это было сделано на тот случай, если Петру в руки попадет Мазепа. Эту штуку хотел Петр с ним сыграть со всей свойственной ему жестокостью. Что Мазепу ожидала самая жестокая казнь, – в этом не могло быть сомнений. Но Пётр хотел с ним разделаться, и поэтому ему готовил орден Иуды; он безусловно хотел разыграть комедию (Л. 489–490)².

Возможно, в данном рассказе Ю.В. Готье имеет в виду исследование С.Ф. Платонова³.

В лекции от 28 апреля 1937 г. Ю.В. Готье, приближаясь к общей оценке петровского царствования и эпохи, снова предпринимает историографический экскурс:

²Более подробно этот сюжет развит в статье Е. Ухановой (Родина. 2007. № 11): «Идея изготовления медали возникла у Петра сразу после Полтавской победы (27 июня 1709 года), предопределившей исход всей войны. Для награждения своих солдат-победителей Петр I отдает приказ отчеканить золотые и серебряные медали “За Полтавскую баталию” и одну особую медаль для Иуды. Учитывая явные евангелистские параллели, можно не сомневаться, что наряду с долгожданной победой он хотел отметить и беспрецедентное военное предательство своего друга и соратника. Медаль Иуды была чрезвычайно актуальна, по крайней мере до начала сентября, когда она была выслана Петру. Тот факт, что она шла к Петру очень долго, более месяца, и что после ее доставки не последовало награждения, говорит о том, что надобность в ней, вероятно, отпала. Это подтверждает и свидетельство современника, датского посланника Юста Юля, который видел эту медаль 1 декабря того же года на маскараде в Москве на шее придворного шута. Несомненно, что не для маскарадов потребовал Петр медаль за предательство на поле битвы под Полтавой. Он сам называет имя этого “нового Иуды” в переломный для страны момент, когда на карту была поставлена ее целостность и независимость. Это гетман Войска Запорожского Мазепа». Интересно, что автор книги о Мазепе в серии «Жизнь замечательных людей» Т.Г. Таирова-Яковлева (М., 2007), подробно описывающая заочную казнь Мазепы и обращенную на него церковную анафему (С. 224–226), об ордене Иуды не упоминает.

³Платонов С.Ф. Орден Иуды 1709 г. // Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 193–198.

Очень многое в этой экономической политике определяло собой и социальную политику Петра... причём это опять нас подведёт... к тем оценкам, которые делались различными историками. Ведь иные считали Петра дворянским царем (например, Рожков), а иные считали его буржуазным царём (Покровский) (Л. 540–541).

Итоговую характеристику петровской эпохи мы видим в лекции от 4 мая 1937 года. В частности, Ю.В. Готье отмечает:

Пётр старался продвинуться в культурном отношении, хотя, по известному выражению Ленина, «европейскую культуру они насаждали варварскими средствами». Но не только то, что он насаждал жестокими варварскими средствами, но то, что он вообще насаждал что-то новое, это должно было вызвать противодействие. За Петром шло немного народу, – это ясно. Об этом ясно говорит его современник экономист-писатель Посошков, что «царь сам десять тянет в гору, а тысячи тянут под гору». А эти 10 человек, фигурально выражаясь, люди энергичные, но большинство населения, как это часто бывает, были недовольны, возмущались, ворчали, но шли по указанной линии. Меньшинство же активно сопротивлялось (Л. 570).

Итоговая характеристика крайне примечательна:

...повсюду он [Пётр I] остаётся человеком больших личных качеств и способностей, но совершенно безудержным, благодаря своему безответственному характеру.

Как его мы будем судить? Об этом уже позаботился г. Сталин. Я нахожу его классовую оценку значения Петра самой удачной по сравнению с теми, которые были сделаны до сих пор. Она еще тем хороша, что она кратка.

И далее – после цитаты из И.В. Сталина:

Это краткое, совершенно правильное определение общего значения царствования Петра в социальном аспекте русской истории.

Если бы Петру сказали, что он дворянский царь, он этому не повесил бы, потому он их казнил и сажал на колы. Но это есть отражение того класса, в эпоху господства которого он родился.

Когда я анализировал социальную политику Петра, я подчеркивал, что больше всего от его политики выигрывало дворянство (Л. 579).

И наконец:

Маленькая краткая характеристика тов. Сталина отмечает те три момента, из которых может сложиться классовая оценка Петра. Петр прежде всего в основном дворянский царь, но он старался выдвинуть нужную ему буржуазию. Он ничего не делал для крестьян, драл с них три шкуры. Нельзя считать его каким-то особым чудовищем в области крестьянско-крепостнической политики (Л. 581).

Интересно, что единственное во всем лекционном курсе упоминание историков старой школы (к которым, объективно говоря, вполне можно причислить самого Ю.В. Готье) дано в связи с оценкой исторического значения Петра I:

Началось с того, что старые историки поклонялись ему; было время, когда Петра считали гением, ниспосланным с неба. Вы найдете эту оценку у Соловьёва. Уже буржуазные историки конца XIX века сошли с этой точки зрения и стали критически относиться к Петру. Это найдёте вы у Ключевского и в книге Милокова, до сих пор живущего за границей в качестве врага советской власти... Он низводит Петра с пьедестала (Л. 580–581).

И заключительный историографический аккорд, удивительно точно описывающий исследовательскую ситуацию, характерную для советской историографии – пространство «руководящей цитаты»:

Если вы возьмёте последующих историков-марксистов, то найдёте здесь разнобой. Одни выдвигали одну из сторон, указанную тов. Сталиным, другие – другую (Л. 581).

Литература

- Артизов 2021 – *Артизов А.Н.* В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР // Артизов А.Н. Советская эпоха: Актуальные вопросы истории и документального наследия. М.: Фонд «Связь Эпох», 2021. С. 388–403.
- Хорхордина 2021 – *Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020 / Под ред. А.Б. Безбородова. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2020. 450 с.
- Юрганов 2011 – *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 763 с.

References

- Artizov, A. (2021), "To please the views of the leader. A 1936 contest for a textbook on the history of the USSR", Artizov, A.N. *Sovetskaya epokha: Aktual'nye voprosy istorii i dokumental'nogo naslediya* [перевод!], Fond "Svyaz' Epokh", Moscow, Russia, pp. 388–403.
- Khorkhordina, T.I. (2020), *Istoriko-arhivnyi institute v istorii otechestvennoi vyshei shkoly: 1930–2020* [Historical and Archival Institute in the History of National Higher School: 1930–2020], 2nd ed., RGGU, Moscow, Russia.
- Yurganov, A. (2011), *Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov ipokhi stalinizma* [The Russian National State: The Life World of Historians of the Stalinist Era], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Филипп Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Taratorkin@mail.ru

Information about the author

Philip G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047, Taratorkin@mail.ru

УДК 271.2-526.62

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-155-164

Советские иконы как исследовательский проект

Дмитрий И. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, antonov-dmitriy@list.ru*

Аннотация. В статье речь идет о проекте исследования советских икон, который начался в Российском государственном гуманитарном университете в 2021 г. в УНЦ визуальных исследований Средневековья и Нового времени факультета культурологии. Советская икона – это разнообразные по техникам исполнения иконы-«киотки», кустарно изготовлявшиеся советскими мастерами-образовниками. Для декорирования таких икон применялись как традиционные материалы, использовавшиеся и в XIX – начале XX в. – фольга, бумага, воск, парафин – так и специфические вещи, которые были доступны мастерам в эпоху дефицита, бедности советской деревни, гонений на Церковь и невозможности создавать религиозные артефакты артельным способом, для рынка. В ход шла материя от пионерских галстуков и свадебных платьев, советские газеты, фольга от чайных пачек, оттиски на которой делали патронами и т. п. В результате возникали сложные бриколажи, в основе которых зачастую были иконки и материалы XIX – начала XX в., а сверху – напластование разнородных материалов советской эпохи. В статье идет речь о специфике этого явления, о вводимом авторами проекта термине «советская икона», а также о перспективах развития проекта в ближайшие годы.

Ключевые слова: религия, христианство, сакральные объекты, иконы, советский период

Для цитирования: Антонов Д.И. Советские иконы как исследовательский проект // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 155–164. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-155-164

Soviet icons as a research project

Dmitriy I. Antonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, antonov-dmitriy@list.ru*

Abstract. The article is about the project of research into Soviet icons, which began at the Russian State University for the Humanities in 2021 at the Center for Visual Studies of the Middle Ages and Modern Period of the Faculty of Cultural Studies. The Soviet icon is a religious artifact created by village craftsmen (image painters) of the Soviet times – an icon, various in execution techniques, set in a wooden case (*kiot*). For the decoration of such icons both the traditional (for 19th – early 20th century) materials used – foil, paper, wax, paraffin etc. – as well as specific things that were available in the era of scarcity, poverty of the Soviet village, persecution of the Church and the inability to create religious artifacts in a manufactory way, for the market. Craftsmen used the fabric from Soviet Pioneers ties and wedding dresses, Soviet newspapers, foil from tea bags, prints on which were made with the hunting shotgun cartridges, etc. As a result, the complex bricolages appeared. Often they had icons and materials of the 19 – early 20th century inside, covered with a layer of heterogeneous materials of the Soviet era. The article deals with the specifics of that phenomenon, explains the term “Soviet icon” introduced by the authors of the project, and describes the prospects of the project in the coming years.

Keywords: religion, Christianity, sacred objects, icons, Soviet period

For citation: Antonov, D.I. (2022), “Soviet icons as a research project”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 155–164, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-155-164

В этой статье я хотел бы сделать обзор проекта, посвященного изучению, реставрации и экспонированию «советских икон» – проекта, который начался в РГГУ в 2021 г. и на сегодняшний день принес уже немало интересных открытий и результатов. Кроме того, речь пойдет о вводимом нами термине «советская икона».

С 2020 г. в УНИЦ визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ началась программа исследования и мониторинга религиозных практик в современной России: студенты факультета культурологии под руководством директора центра Д.И. Антонова и научного сотрудника Д.Ю. Доронина изучают эту проблематику в рамках учебных курсов и практики; ряд учащихся работают в научных проектах на постоянной основе. В фокусе нашего внимания, прежде всего практики взаимодействия со святы-

нями и сакральными образами (тактильные и дистантные, вербальные, реципрокные); практики апроприации силы и представления о незримом действии благодати (нерукотворные отпечатки икон, «церковный мусор», «припадения» под образа и др.), а также особенности конструирования храмового пространства и топография природных святынь (результаты исследований – отдельные подборки статей по этим темам – в 2020–2022 гг. выходили в журналах «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», «Живая старина», «Вестник РГГУ» серии «Культурология» и др.). С 2021 г. отдельным направлением наших исследований стал проект изучения, спасения, реставрации и экспонирования на выставочных площадках и в федеральных музеях «советских икон».

Советской иконой мы называем разнообразные по техникам исполнения иконы-«киотки», кустарно изготовлявшиеся советскими мастерами-образовниками. Основой для них служили моленные образы разного типа: дореволюционные писанные и хромофотографические иконки; медальоны из царских врат разобранных алтарей; образы, нарисованные сельскими художниками (иногда гуашью по бумаге); фотографические иконки нескольких типов (распространяемые из церковных мастерских Троице-Сергиевой лавры и московского Новодевичьего монастыря либо черно-белые снимки, выполненные и раскрашенные фотографами в советских фотоателье), наконец, фотографические копии европейских и русских картин на религиозную тематику и вырезки репродукций тех же картин из печатных изданий. Как это происходило в России второй половины XIX в., моленные образы убирали в самодельные деревянные киоты, закрытые стеклами, и декорировали различными окладами и орнаментами из липового лыка, воска и парафина, латунной или алюминиевой фольги, медной проволоки, гофрированной бумаги, сухоцветов, птичьих перьев и т. д. В результате икона оказывалась в окружении сложного ассамбляжа. Технологии подобного украшения религиозных образов были известны и на католическом Западе – так, отдаленным аналогом подобного декора можно считать «запертые сады», деревянные складные алтари, популярные в северной Европе XVI–XVII вв., декорированные богатым растительным орнаментом из бумаги, пергамента, бисера, глины, шелка, бусин и т. п. [Baert 2018; Baert, Iterbeke, Watteuw 2018].

Иконы-киотки, украшенные чаще всего фольгой и бумажными цветами, доминировали в советском селе второй половины XX в. Внешне многие из них напоминают киотки, создававшиеся в XIX в., прежде всего мастерами Вязниковского уезда (села Холуй, Мстера, Палех) – крупнейшего центра создания и распространения икон на рубеже XIX–XX вв., где работали большие фольгопрокатные ма-

стерские, – а также Борисовской слободы Курской губернии (здесь промысел распространился благодаря мастерицам Тихвинского монастыря Курской губ.). Неудивительно, что многие видят в иконах-киотках советского времени простое продолжение дореволюционной традиции, ее «упрощение» или «вырождение». При этом вводимый нами термин «советская икона» вызывает у некоторых коллег непонимание: в нем видят либо апелляцию к коммунистической идеологии («советские иконы – это портреты вождей, а не религиозные образы»), либо нечто непочтительное по отношению к самим иконам.

Однако подобная критика, как и пренебрежительное отношение к «фолежкам» советских лет, – очень наивная позиция. Термин «советский» указывает, разумеется, не на идеологию, как «коммунистический» (портреты вождей – «иконы», безусловно, коммунистические), а на конкретную историческую эпоху 1922–1991 гг. с ее весьма специфическими, хоть и менявшимися в разные десятилетия, социальными, экономическими и политическими реалиями, а также специфическим отношением к религии и Церкви (гонения, репрессии, попытки подавления религиозных практик, несмотря на формально декларируемую свободу вероисповедания). Говоря о других советских вещах и реалиях – к примеру, «советской молочной промышленности» или «советских автомобилях» – мы никак не имеем в виду предметы, выражающие коммунистическую идеологию, и переносить такую логику на иконы, изготовлявшиеся в советские годы, было бы странно. С другой стороны, определение икон по принципу историческому, хронологическому – иконы синодального периода, советские, постсоветские иконы – вряд ли является чем-то оскорбительным или непочтительным. Несмотря на любые стилистические претензии к названию, оно очень точно отражает суть изучаемого нами феномена.

Советские иконы – уникальный религиозный, социальный и материальный феномен эпохи СССР. Ключевую роль играли здесь три фактора. Во-первых, как уже говорилось, в советские десятилетия в качестве моленных образов начали широко применяться новые типы изображений: нелегально изготовленные фотографические иконки, вырезки из печатных изданий, репродукции европейских и русских художников-академистов, иконки, писанные сельскими художниками, не имеющими ни школы, ни навыков иконописи. Их использование наравне с дореволюционными иконами и фрагментами иконостасов характерно для эпохи. Во-вторых, оклады и декор для икон изготовляли из подручных предметов, которые можно было достать в ситуации постоянного дефицита и бедности советского села. В ход шли не только традиционные мате-

риалы (фольга и бумага, воск и парафин), но и специфические советские вещи – от чайной, конфетной, папиросной фольги и фольги с советских молокозаводов до материи от пионерских галстуков и советских газет. Эти материалы с десятилетиями менялись, зачастую наслаивались друг на друга и нередко покрывали элементы декора XIX – начала XX в. (золотое шитье, бисер, гальванизированную фольгу...), в результате чего формировались сложные бриколажи. В-третьих, уникален социальный контекст – эпоха гонений и заместительных обрядов; материальная религиозность в ситуации дефицита и преследований. В 1930–1980-е гг. иконы изготавливали и распространяли благодаря выстраиванию сложных теневых взаимодействий и социальных связей (нелегальные распространители фотографических иконок, зачастую игравшие роль глухонемых; «несуны», выносившие фольгу с молокозаводов; коллективное собиранье упаковочной фольги для мастеров-образовников и т. п.). В этом советские иконы-киотки были похожи на другие «советские вещи», создававшиеся в эпоху постоянного дефицита товаров [Антонов, Доронин 2022a; Антонов, Доронин 2022b; Доронин 2022].

Техники некоторых советских мастеров-образовников отличаются изобретательностью и особой тонкостью. В этом случае чаще всего они восходят к монастырским ремеслам XIX в. Такая преемственность стала возможна благодаря монахам и монахиням, жившим в миру после массового закрытия монастырей в 1930-е и 1950-е гг. В середине XX в. во многих регионах инокини оказывались лидерами неформальных религиозных общин и поддерживали в селах религиозные традиции, в том числе навыки украшения икон. Как показали наши экспедиционные исследования, некоторые мастера второй половины XX в. перенимали ремесло именно у них.

В серии публикаций мы проследили те роли, которые начали играть советские иконы в постсоветский период. С 1990-х гг. использовали не только как домашние, но и как храмовые образа, превращали в монастырские евлогии, приносили на кладбища и т. п. Сегодня они функционируют в разных местах: в домашних божницах, в часовнях, в храмах, в пространстве природных святынь, на кладбищах, в церковных/монастырских складах. Однако в последнее десятилетие советские иконы начали стремительно исчезать. Потребность в них исчезла с массовым распространением печатных софринских икон. Со смертью прежних владельцев новые хозяева стремятся избавиться от старых, ненужных больше киоток. Их оставляют в заброшенных домах, у почитаемых камней, родников и т. п. (чаще всего – на земле или на дереве), где они постепенно гниют и умирают. Еще чаще их относят в храмы, мона-

стыри и часовни. Церковные работники либо кладут некоторые из них на стол, откуда их могут забрать паломники и прихожане, либо сжигают все принесенное, избавляясь от сотен ненужных киоток. Церковные хранилища и часовни в 2010-х гг. переполнились советскими иконами. Начался этап их массового уничтожения – места прежнего складирования икон стремятся очистить, ритуализированными способами истребляя («хороня») десятки и сотни рукодельных образов [Антонов, Тюнина 2022a], (см. также: [Антонов, Тюнина 2022b; Антонов 2022]).

Регионы наших регулярных экспедиций – Московская, Владимирская, Нижегородская, Ярославская и Воронежская области. В 2020–2022 гг. опросы проводились также в отдельных монастырях, храмах и часовнях респ. Карелия, респ. Башкирия, Новгородской, Волгоградской, Брянской, Липецкой областей, Красноярского края. В изучаемых нами ареалах икон большинство мастеров-образовников давно прекратили создание икон. Доступность печатных иконок сделала бессмысленным и не востребовавшим их труд. Советские иконы воспринимаются здесь чаще всего как отжившее явление. В других регионах – к примеру, Тамбовской и Липецкой областях – создание фолежных икон-киоток по-прежнему остается актуальной практикой [Горюшкина 2021], хотя священники точно так же могут сжигать старые фолежные иконы (авторы вышедшего в 2021 г. сборника «Деревенские святые» приводят характерное высказывание священника из Тамбовской области об иконах на источниках: «...можно потихонечку аккуратненько раз – сожгли какую-то часть, раз – другую сожгли <...> Это там все можно сжечь, все можно спокойно сжечь» [Воронцова 2021, с. 43]).

Несмотря на всю схожесть икон советской эпохи и тех, которые создают современные мастера, мы имеем дело с разными явлениями. Религиозные артефакты, изготовлявшиеся в дореволюционной России, в советские десятилетия и в постсоветской России различаются по множеству параметров – и социальных, и материальных. Сегодня фолежные иконы создаются уже в совершенно других условиях. И материалы, из которых изготовляли их «убор» (фольга с молокозаводов или от чайных пакетов, обертки от конфет, пионерские галстуки, советские газеты, фотографические раскрашенные иконки и т. п.), и способы получения и распространения этих материалов, и способы распространения готовых икон (нелегальные, теневые, с участием многих акторов), радикально изменились с падением СССР. Это справедливо даже в той ситуации, когда мы имеем дело с работами одного мастера, который начинал изготавливать киотки в 1970-е или 1980-е гг., а заканчивал

в 2000–2010-е гг. (или работает до сих пор). Тем более далеки от советских икон современные киотки, которые создают сегодня не сельские кустари, а городские мастера, на предприятиях или в колониях (этот труд распространен среди заключенных). Некоторые из них похожи на киотки советской эпохи – как они, в свою очередь, были похожи на дореволюционные иконы – однако и технология производства, и используемые материалы, и тип мастеров, и способы распространения артефактов весьма далеки от тех, что были характерны для советских сел.

Разумеется, создание советских икон прекратилось не внезапно – с прекращением жесткого давления на Церковь в конце 1980-х гг. или с падением СССР в 1991 г. Однако оно безусловно исчезло как живое явление – постепенно, в начале 1990-х гг., с изменением социальных и материальных реалий на постсоветском пространстве. Исследовать этот феномен сегодня важно с разных сторон. Помимо спасения, реставрации и изучения самих икон, необходимо анализировать особенности их создания и бытования в советские десятилетия; их роли и судьбу на постсоветском пространстве; культурную, локальную, семейную память, связанную с ними; наконец, мастеров-образовников – их навыки и инструменты, их биографию и воспоминания, как личные, так и записанные от родственников или односельчан.

Наш проект развивается по нескольким направлениям. Во-первых, с 2021 г. мы организуем сбор советских икон в важных центрах их прежнего изготовления и в современных центрах их утилизации, а затем в УНЦ визуальных исследований Средневековья и Нового времени проводим реставрацию, каталогизацию и описание собранных артефактов. Собранная коллекция на сегодняшний день включает более 300 единиц. Анализ икон и в экспедициях, и затем в РГГУ позволяет выявлять технологические и стилистические особенности, локальные черты и авторские манеры, и в конечном итоге картографировать микротрадиции в важных регионах создания и распространения советских икон. Помимо этого, нами проводится анализ социальных контекстов: интервью с мастерами, с их родственниками, односельчанами, владельцами образов, духовенством и монахами – единственный способ изучить советскую икону как религиозный и культурный феномен. Семейная и локальная память, социальные контексты и взаимодействия, в центре которых были иконы, открывает возможность исследовать не только материальную религиозность советской эпохи и сопряженные с ней религиозные практики, но и «социальную биографию» иконы от момента создания до сегодняшнего дня. В свою очередь, экспедиционные видеозаписи поз-

воляют создавать документальные фильмы о советских иконах и мастерах – видеоролики и полевые записи мы размещаем на канале «Советские иконы» на YouTube. Наконец, отреставрированные иконы становятся предметом экспонирования – первая выставка прошла в феврале 2022 г. в РГГУ, в 2023 г. запланированы выставки в федеральных музеях.

Проект планируется активно развивать в РГГУ в ближайшие годы. Ближайшие задачи – и расширение географии исследований, и публикация серии научных работ, в том числе монографий о советской иконе как религиозном, культурном и социальном феномене XX в. Кроме того, для сохранения культурной памяти и исчезающих религиозных артефактов нами запланирована просветительская работа в регионах, создание региональных коллекций и групп по реставрации икон советской эпохи.

Литература

- Антонов 2022 – *Антонов Д.И.* Колодцы и печи: ритуализированная утилизация освященных предметов в постсоветской православной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 30–43.
- Антонов, Доронин 2022а – *Антонов Д.И., Доронин Д.Ю.* Иконы советской эпохи: лики традиции. М.: Индрик, 2022. 184 с.
- Антонов, Доронин 2022б – *Антонов Д.И., Доронин Д.Ю.* Советская икона: от рождения до «похорон» // Живая старина. 2022. № 1. С. 29–33.
- Антонов, Тюнина 2022а – *Антонов Д.И., Тюнина С.М.* Постсоветская судьба «советских икон» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 94–109.
- Антонов, Тюнина 2022б – *Антонов Д.И., Тюнина С.М.* Утилизация освященных предметов: тексты и комментарии // Живая старина. 2022. № 1. С. 24–29.
- Воронцова и др. 2021 – Деревенские святыни: Сб. ст., интервью и документов / Публ. подгот. Е.В. Воронцова, А.Н. Алленов, В.С. Елагина, Е.А. Коршикова. М.: Изд. ПСТГУ, 2021.
- Горюшкина 2021 – *Горюшкина Л.П.* Украшение икон: люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.) // Деревенские святыни: Сб. ст., интервью и документов / Публ. подгот. Е.В. Воронцова, А.Н. Алленов, В.С. Елагина, Е.А. Коршикова. М.: Изд. ПСТГУ, 2021. С. 59–66.
- Доронин 2022 – *Доронин Д.Ю.* Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 3. С. 70–93.
- Baert 2018 – *Baert B.* Art and Mysticism as Horticulture. Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries in an Interdisciplinary Perspective // Art and

Mysticism: Interfaces in the Medieval and Modern Periods. New York, 2018. P. 104–127.

Baert, Iterbeke, Watteeuw 2018 – Baert B., Iterbeke H., Watteeuw L. Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries: Mixed Media, Remnant Art, Récyclage and Gender in the Low Countries (Sixteenth Century Onwards) // *The Agency of Things in Medieval and Early Modern Art. Materials, Power and Manipulation*. New York, 2018. P. 33–47.

References

- Antonov, D.I. (2022), “Wells and Furnaces. Ritualized Disposal of Sanctified Objects in the Post-Soviet Orthodox Tradition”, *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 30–43.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2022a), *Ikony sovetskoi traditsii: liki traditsii* [Icons of the Soviet Era. Faces of Tradition], *Indrik*, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2022b), “Soviet Icon. From Birth to ‘Funeral’”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 29–33.
- Antonov, D.I. and Tyunina, S.M. (2022), “Disposal of Sanctified Objects. Texts and Commentaries”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 24–29.
- Antonov, D.I. and Tyunina, S.M. (2022b), “The Post-Soviet Fate of ‘Soviet Icons’”, *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 94–109.
- Baert, B. (2018), “Art and Mysticism as Horticulture. Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries in an Interdisciplinary Perspective”, Baert, B., Iterbeke, H. and Watteeuw, L. (2018), *Art and Mysticism: Interfaces in the Medieval and Modern Periods*, Routledge, London, New York, USA, pp. 104–127.
- Baert, B., Iterbeke, H. Watteeuw L. (2018), “Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries: Mixed Media, Remnant Art, Récyclage and Gender in the Low Countries (Sixteenth Century Onwards)”, *The Agency of Things in Medieval and Early Modern Art. Materials, Power and Manipulation*. New York, USA, pp. 33–47.
- Doronin, D.Yu. (2022), “Soviet icon of the Nizhny Novgorod Southwest. Genesis and local traditions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 70–93.
- Goryushkina, L.P. (2021), “Icon decoration. People and traditions (based on the materials of the Tambov Expedition 2018–2020)”, Vorontsova, E.V., Allenov, A.N., Elagina, V.S. and Korshikova, E.A. (eds.), *Derevenskie svyatyini: sb. st., interv’yu i dokumentov* [Village shrines. Collection of articles, interviews and documents], PSTGU, Moscow, Russia, pp. 59–66.
- Vorontsova, E.V., Allenov, A.N., Elagina, V.S. and Korshikova, E.A. (2021), *Derevenskie svyatyini: sborbik statei, interv’yu i dokumentov* [Village shrines. Collection of articles, interviews and documents], PSTGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; antonov-dmitriy@list.ru

Information about the author

Dmitriy I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; antonov-dmitriy@list.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 20.10.2022.
Формат 60×90^{1/16}.
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1607

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru